

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2024

Том 24

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

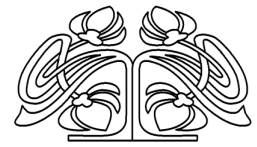
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Барышников М. Н.** Цементное производство в России: заинтересованные стороны и эффективность регионального бизнеса в конце XIX века 284
- Данилов В. Н.** «Историк по наклонностям» и «Зощенко в философии»: скандальная карьера писателя Х. Г. Аджемяна 294
- Митрохин В. А.** Формирование органов советского контроля (1926–1934 годы) 305
- Стародубцев Е. Ю.** Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны 312
- Чирков М. С.** Бюджет российского крестьянина-колхозника в 1953–1958 годах (по материалам рассекреченных архивных документов) 319

Всеобщая история и международные отношения

- Растегаева М. Н.** Ольвиополиты «известные Августам»: титул $\alpha\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\nu\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ в надписях Ольвии I–III вв. н.э. 325
- Болдырева И. И.** Зарубежная историография о положении женщины в англосаксонском обществе VII–XI веков 333
- Чавкина О. В., Канаев А. Г.** Женская преступность в Мюнстере в первой половине XVII века 342
- Креленко Д. М.** Испанские оборонительные мероприятия на Канарских островах в контексте британских планов овладения Макаронезией в 1940–1942 годах 348
- Зверев К. А.** Идеология, топонимия, политика памяти: история переименований в странах Балтии 356
- Головченко Д. П.** Участие Молдавии в СНГ: влияние внутренних факторов, эволюция и проблемные аспекты 361
- Терентьев В. О.** Участие Великобритании в военных действиях на Украине в 2022 году 368

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова стольник князь Иван Михайлович Борятинский (1666–1668): род и служба 378
- Майорова А. С.** Саратовский летописец Г. А. Скопин 393
- Кабытов П. С., Михайлова А. Е.** Образ самарского предпринимателя М. Д. Челышова 401
- Сергеев С. А.** Деятельность городских православных приходов горнозаводского Южного Урала в 1917–1928 годах в документах архивов Челябинска и Златоуста 409
- Аверьянова А. Н.** Эволюция национального состава Саратовской губернии в первой половине 1920-х годов 414

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77–76642 от 26 августа 2019 года
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7). Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год.
Подписной индекс издания 36018.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).

Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.09.2024.
Подписано в свет 30.09.2024.
Выход в свет 30.09.2024.
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 16.3 (17.5).
Тираж 100 экз. Заказ 97-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Author ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Author ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;

– оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Baryschnikov M. N. Cement production in Russia: Stakeholders and effectiveness of regional business at the end of the XIX century 284

Danilov V. N. “Historian by inclination” and “Zoshchenko in philosophy”: The scandalous career of the writer H. G. Ajemyan 294

Mitrokhin V. A. Formation of Soviet control bodies (1926–1934) 305

Starodubtsev E. Yu. Evacuation of industry and civilian population to the territory of Kuzbass during the Great Patriotic War 312

Chirkov M. S. The budget of a Russian peasant collective farmer in 1953–1958 (based on declassified archival documents) 319

World History and International Relations

Rastegaeva M. N. Olbiopolitans “known to the Augustans”: The title $\alpha\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ in the inscriptions of Olbia in the 1st–3rd centuries AD 325

Boldyreva I. I. Foreign historiography on the position of women in Anglo-Saxon society of the 7th – 11th centuries 333

Chavkina O. V., Kanaev A. G. Women's crime in Munster in the first half of the XVII century 342

Krelenko D. M. Spanish defensive measures in the Canary Islands in the context of British plans for the conquest of Macaronesia in 1940–1942 348

Zverev K. A. Ideology, toponymy, politics of memory: The history of renaming in the Baltic countries 356

Golovchenko D. P. Participation of Moldova in the CIS: The influence of internal factors, evolution and problematic aspects 361

Terentev V. O. Participation of the UK in the military operation in Ukraine in 2022 368

Regional History and Local Studies

Rabinovich Ya. N. Voivode of Saratov stolnik Prince Ivan Mikhailovich Boryatinsky (1666–1668): Family and service 378

Mayorova A. S. The Saratov chronicler G. A. Skopin 393

Kabytov P. S., Mikhailova A. E. Image of the Samara entrepreneur M. D. Chelyshov 401

Sergeev S. A. The activities of the urban Orthodox parishes of the mining and processing Southern Urals in 1917–1928 in the documents of the archives of Chelyabinsk and Zlatoust 409

Averyanova A. N. The evolution of the national composition of Saratov province in the first half of the 1920s 414

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

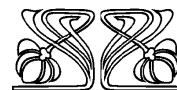
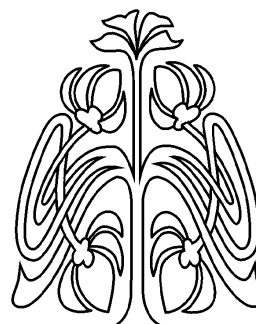
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

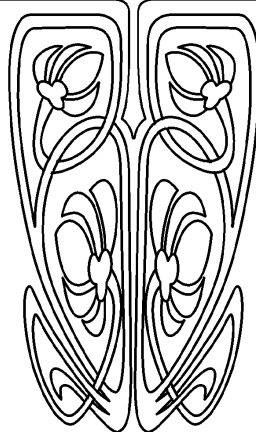
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

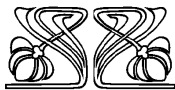
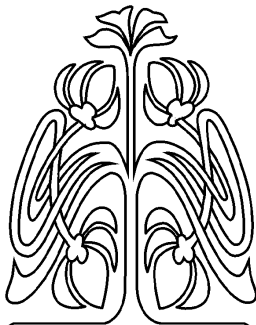
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 284–293

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 284–293

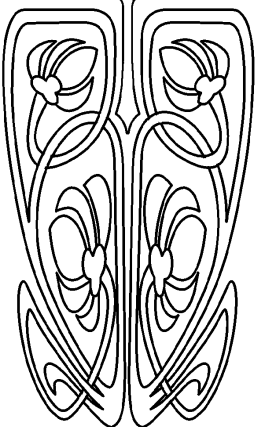
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-284-293>, EDN: BFRETL

Научная статья

УДК [334.722.8:666.94](470.23-25)|1879/1899|

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Цементное производство в России: заинтересованные стороны и эффективность регионального бизнеса в конце XIX века

М. Н. Барышников

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Барышников Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, barmini@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0636-8864>, AuthorID: 204922

Аннотация. Деятельность «Петербургской компании по производству Глухоозерского портландцемента и других строительных материалов» в период с 1879 по 1899 г., хотя и является лишь начальным периодом ее истории, дает целостный обзор этапа, который предприятие прошло на своем пути к преобразованию в крупную промышленную фирму. Целью исследования является более полное и глубокое раскрытие возможностей и трудностей, сопровождавших промышленную компанию в процессе адаптации к изменениям рынка и сохранения своей конкурентоспособности, межрегиональной слаженности и организационной гибкости. Показываются изменения в структуре собственности и управления, а также применение новых технологических практик в этот период, которые, в свою очередь, утвердили предприятие в статусе лидера цементной промышленности в столице. На примере ключевой группы акционеров (военные инженеры) проверяется эффективность модели согласования интересов по результатам двадцатилетней работы компании.

Ключевые слова: Петербург, цементная промышленность, фирма, собственники, управление, индивидуальные и групповые интересы

Для цитирования: Барышников М. Н. Цементное производство в России: заинтересованные стороны и эффективность регионального бизнеса в конце XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 284–293. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-284-293>, EDN: BFRETL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cement production in Russia: Stakeholders and effectiveness of regional business at the end of the XIX century

M. N. Baryshnikov

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Embankment, St. Petersburg 191186, Russia

Mikhail N. Baryshnikov, barmini@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0636-8864>, AuthorID: 204922

Abstract. The activities of “Petersburg Company for the production of Glukhoozersky Portland cement and other building materials” between 1879 and 1899, although only a initial period segment in its history, provides a holistic overview of phase that enterprise underwent on their path to becoming a large industrial firm. This study aims to improve and expand knowledge about the capacity and difficulties of industrial company to adapt to market changes and maintain their competitiveness, interregional coherence and organizational flexibility. This article explores

changes in ownership and management structure and application of new technological practices during this period, which in turn led this enterprise to the status of the leader in the cement industry in capital. A case study of key group of shareholders (military engineers) tests the effectiveness of model of reconciliation of interests on results of twenty years of work of the company.

Keywords: St. Petersburg, cement industry, firm, owners, management, individual and group interests

For citation: Baryshnikov M. N. Cement production in Russia: Stakeholders and effectiveness of regional business at the end of the XIX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 284–293 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-284-293>, EDN: BFRETL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Деятельность Петербургского товарищества по производству глухоозерского портландцемента и других строительных материалов (далее Товарищество) остается малоизвестной страницей истории отечественного делового мира. Между тем в преддверии Первой мировой войны предприятие являлось одним из крупнейших в своей отрасли. Решения членов правления демонстрировали поиск наиболее эффективных направлений производственных и коммерческих операций, сопровождалось выстраиванием различных моделей взаимодействия с пайщиками, чиновниками и кредиторами. Самостоятельное место занимает начальный этап функционирования компании, который охватывает события от ее учреждения в 1879 г. до кризисной ситуации в последние годы XIX в. Фирма появилась в период, когда среди создаваемых акционерных компаний наблюдалось увеличение числа паевых товариществ [1, с. 97]. В это время были заложены основы последующих успехов Товарищества, важную роль в формировании которого предстояло сыграть военным инженерам, составившим влиятельную группу собственников и управленцев высшего звена. Особый интерес вызывает степень участия этих лиц в процессе определения перспектив функционирования фирмы в 1880-х гг., а также их вклад в развитие операций в 1890-х гг. и последующую вовлеченность в драматичные для Товарищества события 1899–1900 гг. Цель статьи заключается в раскрытии возможностей и проблем, сопровождавших деятельность компании в процессе адаптации к изменениям рынка и сохранения своей конкурентоспособности, институциональной слаженности и организационной гибкости. В исследовании акцент делается на трех аспектах: внутри- и межгрупповом сотрудничестве заинтересованных сторон, финансово-производственных показателях компании и региональной значимости цементного сектора отечественной экономики. Автор придерживается концептуального подхода, согласно которому эффективность фирмы, независимо от поставленных целей, определяется эффективностью отношений заинтересованных в ее деятельности сторон [2, р. 234]. В этом смысле региональный успех функционирования Товарищества рассматривается с точки зрения способности все более широкого круга лиц (физических и юридических) действовать

в рамках согласованного баланса интересов, иначе говоря – от умения использовать его возможности ради достижения общих целей [3, с. 58].

История Товарищества восходит к началу 1879 г., когда британская фирма «Томсон, Бонар и К^о», разбогатевшая на финансовых и торговых операциях с Россией [4, с. 16; 5, с. 166], приняла решение об открытии в Петербурге производства огнеупорного кирпича. Предприятие размещалось у Глухого озера, вблизи Александрово-Невской лавры и Императорского стекольного завода. Огнеупорную глину предполагалось добывать в имении Гверстанка, располагавшемся в Боровичском уезде Новгородской губернии. Договор на аренду карьера был заключен с царскосельским купцом 2-й гильдии Н. А. Шиловым на максимально длительный срок – 30 лет. Выпуск огнеупорных кирпичей велся в то время удачным вложением средств. Рост объемов продукции связывался с поставками строительным фирмам и частным лицам, занимавшимся в столице изготовлением печей, каминов, дымоходов и дымовых труб.

К концу 1879 г. объемы добытой глины составили 5 тыс. т. Увеличение затрат на разработку карьера и доставку сырья в Петербург обернулось потребностью в дополнительных средствах. Вместе с тем перспективы развития дела виделись в значительном расширении ассортимента выпускаемой продукции. 26 сентября 1879 г., по инициативе управляющего «Томсон, Бонар и К^о» А. К. Бальфура, учреждается Петербургское товарищество для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий. Уставной капитал компании составил 500 тыс. руб. Из 1 тыс. паев на предъявителя (по 500 руб.) 600 являлись обыкновенными, 400 – привилегированными. Последние давали право на приоритетное получение дивидендных выплат в размере 6% годовых. Впрочем, публичная подписка на ценные бумаги Товарищества не объявлялась, и все паи (как обыкновенные, так и привилегированные) в одинаковой пропорции приобрели владельцы «Томсон, Бонар и К^о». И лишь спустя полгода, 23 марта 1880 г., на первом общем собрании компании состоялось избрание членов правления. В его состав вошли А. К. Бальфур (занял пост председателя), петербургский купец 1-й гильдии Ф. Ф. Керн и британский подданный Э. Э. Мастерман [6, с. 3–6]. Примечательно, что обе фирмы размещались

в соседних помещениях дома № 41 по Галерной улице. В этом же здании 21 мая 1880 г. было достигнуто соглашение о продаже А. К. Бальфуром, представлявшим торговый дом «Томсон, Бонар и К°», Товариществу (в лице Ф. Ф. Керна и Э. Э. Мастермана) глухоозерского завода со всеми машинами, печами и оборудованием за 170 тыс. руб. Одновременно британская фирма сохранила право остаться в числе собственников партнерской компании, владея крупнейшим пакетом ее паев [7, л. 101].

Деятельность Товарищества в 1881 г. оказалась неудачной. Во-первых, полной неожиданностью для А. К. Бальфура стало появление конкурента, приступившего к выпуску рядом с Гверстянкой более дешевого огнеупорного кирпича. Для Товарищества перевозка сырья в Петербург сопровождалась заметным увеличением стоимости готовой продукции, поскольку доставка глины оказывалась дороже производимых из нее кирпичей. В сложившейся ситуации принимается решение прекратить работы в карьере, а добытую глину распродать другим заводам. В конечном счете удалось сбыть чуть более 980 т и на этом от идеи выпуска огнеупорных кирпичей члены правления отказались. Более привлекательным для А. К. Бальфура стало предложение о репрофилировании фирмы на производство цемента. Найденный в этом же карьере мергель позволял, как предполагалось, при сравнительно небольших затратах открыть соответствующее производство в Петербурге. Качество сырья было подтверждено в том же году германским экспертом В. Михаэлисом и российским – подполковником А. Р. Шуляченко. Последний предложил Бальфур устроить опытное производство цемента в Гверстянке. В конце 1881 г. первая партия цемента была отправлена в Москву [6, с. 7–8]. Вслед за этим Шуляченко был приглашен в состав собственников компании.

Одновременно владельцы Товарищества не оставляли попыток возобновить кирпичное производство в столице. В 1881 г. выпускается пробная партия пустотелых кирпичей. Они были изготовлены из глины, добытой в карьере под Петербургом. Однако заявленная цена оказалась выше, чем у конкурентов, и «строительная публика» приобретала их неохотно. В итоге от этого проекта также пришлось отказаться. Еще одно предложение последовало от петербургского заводчика А. А. Орлова. Отвергнув идею о перспективности поставок огнеупорных и пустотелых изделий, он заявил о выгоды производства обыкновенного строительного кирпича. Орлов пообещал быстро довести выпуск до 2 млн штук в год, после чего энергично взялся за дело. Однако в июле 1882 г. последовала его внезапная кончина. Столь же способного руководителя для продолжения работ найти не удалось. Сложности в положении компании добавило падение к тому времени цен на кирпич – с 18–19

до 12 руб. за 1 тыс. штук. При таком положении дел А. К. Бальфур решил прекратить опытное производство цемента в Гверстянке. Ранее направленные в Москву два десятка бочек этой продукции (1 бочка = 164 кг) оказались распроданы лишь наполовину. На фоне обострения конкурентной борьбы между производителем цемента, в значительной мере связанного с «повсеместным застоём» в строительной и промышленной деятельности, перспективы операций Товарищества приобретали все более неопределенный характер [6, с. 9–10].

В 1883–1885 гг. среди собственников Товарищества не прекращались дискуссии по поводу будущего глухоозерского предприятия. В итоге А. Бальфур и Ф. Керн решили выйти из состава правления, передав полномочия российским партнерам – военным инженерам Алексею Романовичу Шуляченко и Николаю Михайловичу Шевцову. Подобный ход британских собственников не стал неожиданным, поскольку новые члены правления считались в столице признанными специалистами строительного дела. Одним из первых их шагов стало решение активизировать работы по переоборудованию завода под выпуск цемента. Данное предложение обосновывалось, помимо прочего, готовностью «Томсон, Бонар и К°» сохранить кредитную поддержку предприятия. Кроме того, надежды возлагались на предполагаемые заказы на цемент в связи с обустройством морского торгового порта в Петербурге. Функционирование глухоозерского предприятия представлялось членам правления рентабельным даже в условиях значительного объема ввозимого в страну иностранного цемента (около 150 тыс. бочек) и изготавливаемого российского цемента (до 150 тыс. бочек). Для компании себестоимость одной бочки составила бы 3 руб. 50 коп., в то время как оптовая цена – 5 руб. 50 коп., розничная – до 7 руб. за бочку. Таким образом, планируемый годовой доход Товарищества мог превысить 750 тыс. руб. Но достижение этого результата требовало дополнительных инвестиций в размере не менее 230 тыс. руб. [6, с. 11–13]. В связи с этим следовало решить еще один вопрос, предполагавший изменения в структуре уставного капитала и, соответственно, определение нового баланса интересов в составе собственников.

По итогам 1884 г. удалось увеличить производство на петербургском заводе до 897 т цемента [8, л. 103]. В 1885–1886 гг. А. Р. Шуляченко и Н. М. Шевцов сумели привлечь в состав пайщиков нескольких близких им лиц из числа военных инженеров. На общем собрании собственников 15 апреля 1887 г. присутствующие полковники В. А. Кисляков, И. А. Воронов, А. А. Вендзягольский и подполковник В. А. Красовский обеспечили при участии дипломата И. А. Зиновьева, петербургского купца 2-й гильдии Е. Э. Арнольда (он занимался реализацией в Петербурге

строительных материалов) и юриста компании П. М. Зеленко необходимое большинство голосов при принятии решений по реорганизации дел предприятия. В соответствии с достигнутым соглашением владельцы «Томсон, Бонар и К°» сочли себя «вполне удовлетворенными» и обещали не предъявлять в будущем каких-либо претензий по долгу Товарищества в 252,3 тыс. руб. Вместе с тем британская фирма и российские собственники договорились ликвидировать привилегированные паи на сумму 200 тыс. руб. Кроме того, пайщики согласились внести в кассу компании суммы (каждый не менее 380 руб.) с целью увеличения оборотного капитала на 230 тыс. руб. В свою очередь за британской фирмой сохранялось в собственности имение Гверстянка. Урегулирование финансовых вопросов выглядело особенно важным и потому, что ко времени проведения собрания Шевцовым уже были направлены за счет Товарищества значительные средства на модернизацию глухозерского предприятия. Новый состав правления (Н. М. Шевцов, В. А. Красовский и В. А. Кисляков) вселял уверенность в скором увеличении производства цемента до 30,5 тыс. т [9, с. 4–7, 12–14].

В 1887–1888 г. Н. М. Шевцов предпринимал попытки привлечь дополнительные инвестиции в развитие предприятия, однако его усилия не всегда имели успех. В Гамбурге у компании «Нагель и К°» было приобретено за 32,7 тыс. руб. современное для того времени оборудование для цементного производства и на этом свободные средства закончились. За предшествующий период Товарищество не опубликовало ни одного годового баланса, паи на петербургской бирже не котировались, и поэтому коммерческие банки отказывали в просьбах о кредите. Удалось лишь получить у Петербургского международного коммерческого банка 120 тыс. руб. в виде личного заимствования Шевцова, еще 67 тыс. руб. он сумел занять у близких лиц и коммерческих структур. При сохраняющейся потребности в оборотном капитале в 330 тыс. руб. правление обратилось к крупным пайщикам с призывом или кредитовать компанию из собственных средств (из 10% годовых), или взять на свое имя кредиты в банках. В противном случае к 1 июля 1888 г. заводу грозила остановка работы. При благоприятном же развитии событий члены правления пообещали рост производства до 46 тыс. т в год и дивидендные выплаты в размере не менее 124 тыс. руб. [10, с. 4–6].

В 1888–1889 гг. выйти на прибыльность Товариществу так и не удалось. Тем не менее размер убытков удалось сократить с 91,9 до 16,3 тыс. руб. Объемы поставленного цемента составили по итогам 1888 г. 17,9 тыс. т. Некоторому увеличению производства способствовало банкротство в апреле 1889 г. другой крупной петербургской фирмы – Товарищества обработки

строительных материалов. Меняющаяся ситуация, впрочем, не сказалась благополучным образом на деятельности Н. М. Шевцова, который по результатам личного участия в финансовых операциях оказался должным за приобретенные товары и материалы 85,2 тыс. руб. Ему в свою очередь было выдано векселей на 320 тыс. руб. [8, л. 5; 11, 12]. Ситуация осложнялась тем, что Шевцову в силу должностных обязанностей приходилось посвящать значительное время работе на трех посторонних объектах – модернизации Ялтинского торгового порта, строительстве крепости в Ковно и военного порта в Либаве. В этих условиях члены правления вновь призывали собственников экстренно решить проблему с оборотными средствами. После непродолжительной дискуссии пайщики (прежде всего в лице военных инженеров) согласились с предложением об увеличении размера уставного капитала с 300 до 750 тыс. руб. Количество паев номиналом 500 руб. было увеличено до 1 500 [7, л. 82]. При этом прежние собственники решили сохранить демократичную модель формирования капитала, подразумевавшую выпуск паев на предъявителя.

Изменения в уставном капитале сопровождались формированием нового баланса интересов в составе пайщиков. Крупный пакет в 240 паев приобрел представитель известной предпринимательской семьи фон Дервизов – Павел Павлович. Н. М. Шевцов стал владельцем 229 паев, «Томсон, Бонар и К°» – 180 паев. Как покажут дальнейшие события, перспективы деятельности фирмы будут определяться солидарным голосованием Дервиза и Шевцова, при поддержке нескольких собственников из числа военных инженеров – капитана А. А. Померанцева (состоял управляющим финансовыми делами Дервиза), генерал-майора А. Р. Шуляченко (представлял интересы британской фирмы), подполковника В. А. Красовского, генерал-лейтенанта А. М. Берха, генерал-майоров А. П. Дельсаля и Н. А. Деппа, подполковника Н. В. Смирнова. Члены правления могли также рассчитывать на голоса тайного советника И. А. Зиновьева и его брата генерал-лейтенанта М. А. Зиновьева, статского советника В. Ф. Булгарина, архитекторов графа П. Ю. Сюзора и А. Ф. Красовского, петербургского купца Е. Э. Арнгольда. При таком соотношении индивидуальных и групповых интересов происходило взаимодействие пайщиков с декабря 1890 г. На состоявшемся в этом месяце общем собрании были урегулированы финансовые отношения с Шевцовым, в связи с чем постановили считать «навсегда оконченными всякие расчеты» с ним со стороны компании [13, с. 8].

В 1891 г. все наиболее значимые решения согласовывались узким кругом собственников, включавшим Н. М. Шевцова, А. А. Померанцева,

А. Р. Шуляченко и П. Ю. Сюзора. Еще до вхождения в число крупнейших пайщиков Дервиз участвовал совместно с Шевцовым в разработке цинковых руд и каменного угля в Царстве Польском, поставив это дело на «прочное основание» [14, с. 9]. Их совместная деятельность в Товариществе также демонстрировала обнадеживающие результаты. По итогам 1890 г. рентабельность активов увеличилась до 9,9%, впервые осуществлены дивидендные выплаты в 10% на 500-рублевые паи. В 1891 г. выручка компании выросла до 498 тыс. руб., рентабельность уставного капитала достигла 13,2% [15, 16].

Состоявшееся в октябре 1891 г. общее собрание собственников стало рубежным в истории компании. К этому времени Н. М. Шевцову удалось увеличить свой пакет до 275 паев, А. А. Померанцеву – до 220. При их поддержке, а также согласия со стороны П. П. фон Дервиза и «Томсон, Бонар и К°» П. Ю. Сюзора заявил о необходимости внесения корректив в стратегию развития промышленного дела. Учитывая предшествующие изменения в специализации фирмы, было решено переименовать ее в Петербургское товарищество по производству глухоозерского портландцемента и других строительных материалов. При этом П. Ю. Сюзора констатировал резко возросший спрос на цемент в условиях отсутствия у предприятия возможностей для увеличения производственных мощностей. По его мнению, предприятие могло нарастить объемы выпускаемой продукции в 2 раза, но для этого требовалось в очередной раз решить проблему с оборотными средствами. После непродолжительного обмена мнениями пайщики согласились увеличить уставной капитал до 1 млн руб. [17, с. 4]. Кроме того, было заявлено о необходимости обновления руководства фирмы, а также важности более широкого использования западного технологического опыта. Соответственно, помимо уже введенного в состав правления П. Ю. Сюзора, в декабре того же года последовало назначение Андрея Александровича Померанцева. В свою очередь П. Ю. Сюзора и А. Р. Шуляченко получили задание отправиться в заграничную служебную командировку [18, с. 6–7]. С этого времени перспективы функционирования предприятия определялись решениями, которые согласовывали пайщики и члены правления из числа военных инженеров. Они же являлись наиболее дисциплинированными при посещении общих собраний и солидарном участии в голосованиях, в том числе по доверенностям. Следует отметить, что ситуация с достигнутым балансом интересов не изменилась со смертью Н. В. Шевцова 17 июля 1892 г. Унаследовавшая его паи вдова Мария Васильевна продолжала ориентироваться на совместные с группой военных инженеров голосования на собраниях собственников.

3 июля 1892 г. император Александр III утвердил изменения в уставном капитале компании. С этого времени он составлял 1 млн руб., сформированный из 2 тыс. паев по 500 руб. [7, л. 82]. Правление состояло из четырех директоров (каждый из них должен был иметь не менее 20 паев), избираемых из числа пайщиков на 4 года. Директорам предоставлялось право ежегодно избирать из своей среды председателя правления, а также для «ближайшего заведывания делами» распорядительного директора. Последний обязывался иметь в собственности не менее 30 паев. Уставные положения предоставляли мажоритарным пайщикам исключительные возможности для принятия всех сколько-нибудь значимых решений. При голосовании на общих собраниях они наделялись большими правами в соответствии с количеством имевшихся у них паев. При этом 5 паев давали право на 1 голос, 15 – 2 голоса, 20 – 3 голоса. За каждые последующие 20 паев предоставлялся 1 голос. Вместе с тем ни один из собственников не мог иметь по своим паям более того количества голосов, на которое давало право владение одной десятой частью уставного капитала. Решения общих собраний обретали обязательную силу, когда принимались большинством в три четверти голосов [19, л. 7–33]. Впрочем, и в этом случае собственники из числа военных инженеров могли солидарно отстаивать свои интересы, поскольку при отсутствии в кворуме нерешенный вопрос переносился на вторичное собрание, где решался простым большинством голосов. Возрастающая роль пайщиков из офицерской среды, интересы которых представляли А. А. Померанцев и А. Р. Шуляченко, сопровождалась охлаждением отношений между членами правления и владельцами «Томсон, Бонар и К°». Следствием сложной ситуации стал выход британской фирмы из состава собственников. Ответным шагом со стороны П. П. Дервиза, по-своему символичным, стала покупка ранее принадлежавшего этой фирме здания на Галерной ул., № 41.

В 1894 г. Товарищество увеличило производство цемента до 32,8 тыс. т. В первой половине 1890-х гг. цемент поставлялся для строительных работ, которые велись на многочисленных казенных и частных объектах. В их числе значились строения Императорского гатчинского парка и зверинца, здания Государственного контроля и архива Государственного совета, фундаменты столичных фонтанов, мосты и станции Западно-Сибирской, Николаевской, Царскосельской, Московско-Нижегородской, Рязанско-Уральской, Владикавказской, Новоторжской, Ржевско-Вяземской, Уссурийской, Средне-Сибирской и Пермь-Котласской железных дорог, гидротехнические сооружения на р. Шексне, здания Лесного института и консерватории в Петербурге, постройки Петербургского, Феодосийского, Ялтинского и Одесского портов, мол

Кронштадтской гавани, столичная водопроводная система, фундаменты павильонов Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, корпуса Общества Путиловских заводов, Охтинских пороховых заводов, Казанского порохового завода, Ижевских сталелитейного и оружейного заводов, Общества для производства бетонных и других строительных работ, Общества меднопрокатного и трубного заводов, Тентелевского химического завода. Личные благодарности за поставки качественного бетона высказали, в частности, Д. И. Менделеев, занимавшийся обустройством своего имения в Клинском уезде, и архитектор С. А. Поленов [8, л. 24–25]. По мнению А. Р. Шуляченко, разнообразие применения портландцемента свидетельствовало о том, что он приобретает «все большее и большее значение» в технике строительного дела [20, с. 119–120].

К 1893 г. согласно экспертным оценкам Товарищество с «блестящим успехом использовало при производстве портландского цемента результаты обширных научных исследований профессора А. Р. Шуляченко» [21, с. 324]. На заводе, располагавшем несколькими паровыми машинами и электрическим освещением, трудились 600 рабочих [8, л. 5]. С 1892 по 1894 г. выручка Товарищества выросла с 467 до 838 тыс. руб. За этот же период вознаграждение директоров увеличилось с 1,7 до 14,7 тыс. руб. [22, с. 1242–1243]. Вместе с тем в 1894 г. наблюдалось снижение рентабельности активов до 8,3%, уставного капитала – до 4,8% [19, л. 34]. При таком положении дел последовало уменьшение дивидендных выплат до 30 руб. на пай, или 6% на уставной капитал. По ряду показателей компания проигрывала главному конкуренту – Обществу Черноморского цементного производства. Выручка этой фирмы увеличилась в 1894 г. до 1,5 млн руб., дивиденды составили 22,5% [22, с. 1247].

В 1895 г. в непростой для Товарищества ситуации председателем правления был избран А. А. Померанцев. Главной проблемой, которая сдерживала развитие предприятия, он считал рост конкуренции на столичном рынке строительных материалов, сопровождавшейся снижением цен на цемент. Перспективы деятельности фирмы Померанцев видел в распространении операций на регионы Сибири и Средней Азии. Ближайшей целью считалось закрепление ее позиций в волжском регионе, что позволило бы, используя водные пути, наладить поставки продукции в приуральские и прикаспийские территории. Успеху дела должно было способствовать подключение к перевозкам цемента Восточного общества товарных складов, страхования и транспортирования товаров. Фирма была создана в 1893 г. путем слияния Общества товарных складов и Российского пароходного общества. Померанцев выступил ее учредителем, он же занял один из директорских постов

[23, с. 581]. Большинство из 37 тыс. акций компании принадлежало П. П., С. П. и В. Н. Дервизам, в том числе Павлу Павловичу – 19 770. Для доставки продукции планировалось также использовать возможности Рязанско-Уральской железной дороги. Одним из крупнейших акционеров этой фирмы был П. П. Дервиз (он приобрел 2 020 акций из 7 295, а также 244 дивидендных свидетельств из 550) [24], Померанцев в свою очередь являлся председателем правления.

Выбор А. А. Померанцева пал на меловую формацию, имевшую выходы вблизи Вольска в Саратовской губернии. Однако для возведения и обустройства здесь цементного завода требовались значительные капиталовложения, которыми Товарищество не располагало. Кредитную поддержку планировалось получить от Русского торгово-промышленного банка (вскоре было открыто его отделение в Вольске). В числе ключевых акционеров банка значился П. П. Дервиз, Померанцев занимал пост председателя наблюдательного совета. Для решения первоочередных финансовых проблем они решили созвать экстренное заседание пайщиков компании. На состоявшемся 29 октября 1895 г. общем собрании, которое проходило в помещении правления, располагавшемся в Петербурге на Гороховой ул., № 6, Дервиз и Померанцев заявили 496 из представленного к заседанию 851 пая. Своими голосами, а также при поддержке ряда военных инженеров они утвердили постановление о строительстве предприятия в Вольске (в это время в Саратовской губернии отсутствовали акционерные компании, которые можно было использовать в качестве дочерних [25, с. 127]). Наряду с этим было одобрено увеличение уставного капитала с 1 до 2 млн руб. (путем выпуска дополнительных 2 тыс. паев по 500 руб.) [19, л. 25–26]. 21 декабря 1895 г. представленное прошение об изменениях в уставе Товарищества было рассмотрено и одобрено С. Ю. Витте, в январе 1896 г. нашло поддержку в Комитете министров, после чего получило высочайшее утверждение императором Николаем II. В этом же году на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде компания удостоивается права изображения государственного герба в рекламных целях. Предполагалось, что продукция Товарищества будет ориентирована на заинтересованных в таких постройках потребителей, которые, по словам П. Ю. Сюзора, гарантируют «полное соответствие их назначению во всех отношениях» [26, с. 20].

К середине 1890-х гг. П. П. Дервиз занял ключевые позиции в составе пайщиков. Принадлежащий ему пакет вырос до 1240 из общего количества 4 000 паев. Одновременно произошло оформление группы собственников, состоявшей из видных представителей петербургского делового мира. В нее вошли Д. И. и А. Н. Петрокино (всего владели 435 паями), Ф. В. и Ф. Ф. Утеманы

(200) и А. Г. Елисеев (100). Еще 325 паев приобрел Петербургский учетный и ссудный банк. Однако при наличии весомых позиций прежней группы собственников, ориентировавшихся на П. П. Дервиза (важную роль здесь играли А. А. Померанцев, М. В. Шевцова, А. А. Папаригопуло, П. Ю. Сюзор, А. Р. Шуляченко и Н. А. Козловский) [19, л. 54], ожидать каких-либо принципиальных изменений в работе компании не приходилось. К этому следует добавить, что ежегодное избрание членов ревизионной комиссии происходило путем выдвижения лиц из той же среды военного офицерства. В свою очередь деятельность руководителей фирмы в составе подполковника в отставке А. А. Померанцева, архитектора П. Ю. Сюзора, капитана в отставке Н. А. Козловского, капитана 2-го ранга в отставке А. А. Папаригопуло и служащего канцелярии Ведомости учреждений императрицы Марии К. К. Стребкова (последний был избран в качестве независимого члена правления) включала пять основных сфер: техническую, хозяйственную, счетоводство и контору, продажи и общее наблюдение за ходом дела на петербургском предприятии, строительство и эксплуатацию завода в Вольске.

Изменения в структуре собственности и управления Товарищества сопровождалась в 1895 г. учреждением П. П. Дервизом на базе завода В. В. Гюртлера на Васильевском острове в Петербурге Акционерного общества цементно-бетонного производства (АОЦБП). Созданная в июне компания, среди 16 акционеров которой большую часть составили лица из окружения Дервиза (он приобрел 315 из 1200 акций), должна была закрепить лидирующие позиции Товарищества на цементном рынке столицы. Помимо Гюртлера, в состав правления вошли А. А. Померанцев и Н. А. Козловский. В 1896 г. в АОЦБП последовали первые дивидендные выплаты в 5% на 250-рублевые акции [27, с. 207].

Происходившее в это же время оформление волжского филиала Товарищества сопровождалось несколькими событиями. В июне 1895 г. А. А. Померанцев приобрел на публичных торгах в Вольске здание бездействовавшего двухэтажного маслобойного завода, ранее принадлежавшего местному купцу П. Е. Залогину. В марте 1896 г. здание с земельным участком и имевшимся оборудованием было продано Померанцевым Товариществу (в лице П. Ю. Сюзора и К. К. Стребкова) за 28,1 тыс. руб. Спустя год, в феврале 1897 г., последовал выкуп у семьи умершего вольского купца Г. Ф. Замятина обширного земельного участка в Вольском уезде за 80 тыс. руб. В июне того же года компания приобрела у вдовы вольского купца И. И. Елисеева корпуса кожевенного предприятия за 8 тыс. руб. [19, л. 253–257]. Одновременно с покупкой недвижимости велись работы по освоению мелового карьера, налаживанию цементного производства и строительству

складских помещений. В 1897–1898 гг. инвестиционная активность, главным образом при содействии П. П. Дервиза, достигла пика. За этот период балансовая стоимость петербургского предприятия выросла с 178,7 до 325,4 тыс. руб., вольского – с 245,5 до 430,5 тыс. руб. [28, л. 2–4, 5–7]. В 1897 г. завод в Вольске произвел 10 570 т цемента, в 1899 г. – 39 312 т (в этом же году производительность петербургского завода составила 42 752 т) [8, л. 44].

Деятельность Товарищества в 1896–1898 гг. сопровождалась ростом выручки и чистой прибыли. Дивидендные выплаты составляли 40 руб. на пай. Вместе с тем при резком увеличении рентабельности уставного капитала до 11,1% наблюдалось столь же заметное снижение соответствующего показателя по активам до 4% [8, л. 103]. Как бы то ни было, перспективы работы компании выглядели обнадеживающими, тем более в ситуации, когда главным инвестором выступал П. П. Дервиз. На общем собрании 25 июня 1898 г. принимается решение о дополнительных вложениях в 1898–1899 гг. в размере 400 тыс. руб. с целью «дальнейшего расширения оборудования» петербургского завода, еще 570 тыс. руб. – вольского. Одновременно крупными пайщиками, определявшими в компании баланс интересов в сфере собственности, контроля и управления, согласуется решение об очередном увеличении уставного капитала – с 2 до 3 млн руб. [7, л. 82]. Итогом 1898 г. стала выплата этой группе лиц весомых дивидендов: П. П. Дервизу – 42,6 тыс. руб., М. В. и Е. Н. Швецовым (мать и дочь) – 16 тыс., Ф. В. и Ф. Ф. Утеманам (отец и сын) – 12 тыс., Д. И. Петрокино – 11,2 тыс., А. А. Померанцеву (председатель правления) – 7,3 тыс. В свою очередь дивиденды членов правления составили: А. А. Папаригопуло – 3,6 тыс. руб., П. Ю. Сюзор – 2,4 тыс., Н. А. Козловский и К. К. Стребков – по 1,6 тыс. руб. Кроме того, за исполнение обязанностей директоров им была начислена сумма в 11,1 тыс. руб., еще 27,4 тыс. предоставлены для выдачи премий служащим и на «другие расходы» [19, л. 65, 71, 171].

Активное участие Дервизов в деловой жизни столицы дополнялось значительными вложениями в недвижимость [29], а также разносторонними общественными инициативами. «Кульминацией» благотворительной деятельности, сопровождавшейся крупными финансовыми вливаниями, стало открытие на 12-й линии Васильевского острова в Петербурге общедоступного Народного театра с огромным концертным залом, с прекрасно оборудованными художественными мастерскими и музыкальными классами, где преподавали опытные педагоги [30, с. 273]. Здание, собственником которого являлся П. П. Дервиз (управляющим состоял А. А. Померанцев), было возведено по проекту архитектора А. Ф. Красовского, пайщика Товарищества. Со своей стороны

Померанцев проявлял особый интерес к балетному искусству, отразившийся в его близких отношениях с балериной Агриппиной Вагановой.

В первой половине 1899 г. ситуация для Товарищества сохранялась в целом благополучной. В мае максимальная котировка 500-рублевых акций на петербургской бирже составила 680 руб. [8, л. 44]. На позитивной ноте звучало обсуждение полугодовой работы компании на собрании собственников в июне 1899 г. Из представленных к заседанию 3 778 паев П. П. Девиз заявил 1 445, Ф. В. и Ф. Ф. Утеманы – 450, М. В. Шевцова – 335, Д. И. Петрокино – 300, А. А. Померанцев – 113 [19, л. 171]. В обмене мнениями участвовал узкий круг лиц, включавший директоров правления. К этому времени ключевыми кредиторами Товарищества выступали, помимо Девиза, Русский торгово-промышленный и Петербургский учетный и ссудный (Петрокино состоял одним из его руководителей, отец и сын Утеманы – крупными собственниками [31, с. 104–105]) банки. Руководство Товариществом сохранялось в руках Померанцева, одновременно занимавшего директорский посты в 9 компаниях [32, с. 134]. В свою очередь Девиз состоял в числе собственников Русского торгово-промышленного банка (владея 5 589 из 40 000 акций) и 17 фирм (промышленных, транспортных, страховых и кредитных) [24].

6 июля 1899 г. А. А. Померанцев направил министру финансов С. Ю. Витте прошение. В письме, выразив уверенность в наличии у предприятия возможностей для быстрого увеличения производства цемента, глава правления запросил разрешение на очередное увеличение уставного капитала [19, л. 65]. Однако уже через день настроения у владельцев Товарищества стали меняться не в лучшую сторону. По Петербургу поползли слухи о скором банкротстве П. П. Девиза, контора которого остановила расчеты с кредиторами. Задолженность Девиза достигла к этому времени 20,459 млн руб., в том числе Русскому торгово-промышленному банку – 4,78 млн, Петербургскому обществу страховых – 2,440 млн, Петербургской конторе Государственного банка – 2,420 млн, банкирскому дому «Г. Вавельберг» – 2,073 млн, Петербургскому учетному и ссудному банку – 1,976 млн, Русскому для внешней торговли банку – 1,789 млн [24].

В конце августа 1899 г. среди собственников Товарищества проходили консультации по поводу возможных путей выхода из сложной финансовой ситуации. Результатом обсуждений стало решение А. А. Померанцева и П. Ю. Сюзора покинуть свои посты в правлении. На собрании 17 сентября (проходило под председательством военного инженера генерал-лейтенанта С. И. Ясюковича) П. Ю. Сюзор выступил с отчетным докладом, в котором обрисовал сложившееся для компании положение. В частности,

было пояснено, что П. П. Девиз являлся не только крупнейшим пайщиком (увеличив свой пакет до 1 939 паев), но и ключевым кредитором, в результате чего фирма оставалась должной по выданным ему векселям 700 тыс. руб. В связи с учреждением администрации по делам Девиза предстояло покрыть этот долг и одновременно изыскать средства для продолжения деятельности Товарищества в условиях перехода значительной части паев в «другие руки». По мнению Сюзора, насущной задачей становилось увеличение оборотного капитала путем запланированной эмиссии в размере 1 млн руб. Отсутствие свободных средств рассматривалось как главная проблема, обусловленная несколькими факторами. Речь шла о том, что, несмотря на значительный рост поставок цемента, почти до 100 тыс. т в год (заслугу данного результата докладчик адресовал «отцу цементного дела» генерал-майору А. Р. Шуляченко), продажи, как правило, не осуществлялись в виде наличного расчета. Вместе с тем географическое положение заводов требовало заблаговременного финансирования заготовок сырья в годовом объеме. Сложности добавляла ориентация вольского завода на поставку продукции в отдаленные сибирские регионы, что существенно замедляло расчеты с потребителями. С другой стороны, по окончании строительного (летнего) сезона отпуск продукции резко сокращался, и это имело место в ситуации, когда предприятия в Петербурге и в Вольске продолжали полноценную работу. В конечном счете имевшиеся проблемы Сюзор предложил решать усилиями нового состава правления, предоставив ему «полную свободу действий». Кроме того, «компетентному цементному технику» Н. А. Лешу было поручено провести ревизию положения дел на заводах [19, л. 166–168].

Масштабы предстоящей работы подтверждали неутешительные показатели 1899 г., подводящие черту под крупными инвестиционными вложениями прежних лет. При некотором росте выручки последовало сокращение чистой прибыли на 40%, сопровождавшееся снижением рентабельности уставного капитала (до 4,9%) и активов (до 2,4%) [28, л. 8–10]. Кредиторская задолженность Товарищества администрации по делам П. П. Девиза составила 700 тыс. руб. (из них 450 тыс. руб. векселями в портфеле Государственного банка), торговому дому «Э. А. Грабовский» – 179,7 тыс., Торгово-промышленному банку – 65 тыс., товариществу «Павел Бекель» – 60 тыс., фирме Ф. К. Сан-Галли – 50 тыс., Восточному обществу товарных складов – 40 тыс. руб. [8, л. 48]. По результатам года биржевая стоимость 500-рублевых паев рухнула с 650 до 430 руб. на фоне предпринимаемых администрацией по делам П. П. Девиза попыток избавиться от принадлежащих ей ценных бумаг [8, л. 44].

В первой половине 1900 г. в составе собственников структурировался баланс интересов, отражавший стремление крупнейших пайщиков сохранить «золотую середину» между ранее использованными и новыми путями развития промышленного дела. Центральным звеном этой структуры выступали ряд физических и юридических лиц: администрация по делам П. П. Девиза (из 6 тыс. паев ей принадлежали 1 465), Ф. В. Утеман (300, представлял наблюдательный совет Петербургского учетного и ссудного банка) и Ф. Ф. Утеман (150), М. В. и М. Н. Шевцовы (421), Русский для внешней торговли банк (410), Д. И. Петрококино (300, директор Петербургского учетного и ссудного банка) и А. И. Петрококино (120), банкирский дом «Г. Вавельберг» (130). Сплоченной, хотя и менее влиятельной по количеству имевшихся паев, продолжала оставаться группа военных инженеров. Ни один из них не заявил об уходе из Товарищества. Результатом согласования внутри- и межгрупповых интересов явилось выдвижение на позиции директоров Ф. Ф. Утемана, А. И. Петрококино, Ф. Ю. Кюна и Н. А. Козловского (последние двое прежде работали под руководством А. А. Померанцева). На пост председателя правления приглашается Ф. Э. Плеске (брат управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске), ставший владельцем 100 паев [19, л. 184–185]. В таком составе руководству Товарищества предстояло искать выходы из сложной ситуации (ориентируясь на поддержку Государственного банка) и определять перспективы развития петербургского и вольского цементных предприятий в начале XX в.

Сохранявшийся баланс между ожиданиями и обретениями (институциональными и финансовыми) трех заинтересованных сторон – пайщики, высший управленческий аппарат, кредиторы – выступал важнейшим условием успеха компании в среднесрочной (1880–1890-е гг.) перспективе. Опыт ее деятельности в конкретных региональных условиях свидетельствовал о наличии ряда факторов, способствовавших (или препятствовавших) успешному развитию деловых операций. Во-первых, осуществляемые эмиссии сопровождались увеличением числа собственников, поиском более совершенных механизмов согласования их интересов и в связи с этим демократизацией внутри- и межгрупповых отношений. Но эта же тенденция грозила размыванием прежних неформальных основ взаимодействия и ростом угроз внутрикорпоративных конфликтов. Во-вторых, наличие сплоченной группы пайщиков (в лице военных инженеров), объединенных профессиональными интересами, обеспечивало быстрое принятие и последовательную реализацию необходимых решений. Вместе с тем безусловная поддержка представителей своей группы в директорате могла вести к дополнительным проблемами в условиях оформления новой модели работы компании. В-третьих, наличие

одного, ключевого инвестора, близко заинтересованного в делах фирмы, позволяло выстраивать стабильную, предсказуемую систему финансирования бизнеса. Однако возможный уход или банкротство этого инвестора создавали потенциальные риски для успешного функционирования промышленного дела. В-четвертых, тесные деловые отношения между крупнейшим кредитором и по совместительству пайщиком и главой правления (П. П. Девиз и А. А. Померанцев) способствовали разработке и осуществлению масштабных планов, направленных на расширение сферы производственной и коммерческой деятельности. И эти же отношения влекли тесную зависимость Товарищества от положения дел у ключевого собственника, угрожая при негативном развитии событий самому существованию фирмы.

Представленный материал свидетельствует о том, что производство цемента предполагало ориентацию на конкурентоспособность и прибыльность, но в неменьшей степени достижение целей фирмы зависело от баланса интересов, определявшего уровень взаимодействия акционеров, членов правления и кредиторов. В целом, несмотря на имевшиеся в рассматриваемый период проблемы, изменения в структуре собственности и управления, а также использование новых технологических и институциональных (правовых и неформальных) практик способствовали утверждению компании в статусе одного из лидеров цементной промышленности в России.

Список литературы

1. Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб. : Издательский дом С.-Петербургского государственного университета, 2006. 604 с.
2. Freeman R. E. Divergent stakeholder theory // *Academy of Management Review*. 1999. Vol. 24, № 2. P. 233–236.
3. Барышников М. Н. Промышленные корпорации дореволюционной России в новейшей отечественной историографии (1990–2010-е годы) // *Вестник Пермского университета*. 2021. № 2 (53). С. 57–72. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2021-2-57-72>
4. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л. : Наука, 1991. 196 с.
5. Томстон С. Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. М. : РОССПЭН, 2008. 471 с.
6. Отчет С.-Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий за время с 23 марта 1880 по 1 января 1887 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1887. 14 с.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 14. Д. 220.

8. РГИА. Ф. 588 (Петроградская контора Государственного банка Министерства финансов). Оп. 2. Д. 624.
9. Протокол общего собрания пайщиков Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий, состоявшегося 15 апреля 1887 года. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1887. 16 с.
10. Доклад правления Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий 15 апреля 1888 года. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1888. 6 с.
11. Отчет Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий на 1 января 1889 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1890. 6 с.
12. Отчет Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий на 1 января 1890 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891. 6 с.
13. Протокол общего собрания пайщиков Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий, состоявшегося 16 декабря 1890 года. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891. 12 с.
14. Ястребцов Е. Шевцов Николай Михайлович // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 23 : Шебанов – Щютц. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1911. 557 с.
15. Отчет Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий на 1 января 1891 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891. 6 с.
16. Отчет Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий на 1 января 1892 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1892. 6 с.
17. Протокол общего собрания пайщиков Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий, состоявшегося 20 октября 1891 года. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891. 8 с.
18. Протокол общего собрания пайщиков Петербургского товарищества для производства искусственного гранита, строительных материалов и гончарных изделий, состоявшегося 15 декабря 1891 года. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891. 8 с.
19. РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 294.
20. Шуляченко А. Р. О портландских цементах и значении их в строительной технике настоящего времени // Труды I Съезда русских зодчих. 1892. СПб. : Типография А. С. Хомского и К°, 1894. С. 119–128.
21. Крупский А. К. Цементное производство // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб. : Типография И. А. Ефрона, 1896. С. 320–331.
22. Акционерное дело в России: в 2 т. Т. 2 : Статистика акционерных предприятий. Вып. V. СПб. : Тип. А. Бенке, 1899. 616 с.
23. Гессен В. Ю. Структура акционерных обществ и методы управления ими в России (на примере некоторых крупных пароходств) // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / под ред. А. Л. Дмитриева, А. А. Семенова. СПб. : Высшая школа менеджмента, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 413–457.
24. Главная контора П. П. фон Дервиза. Баланс на 11 июля 1899 г. СПб. : Типография «Ц. Крайз и К°», 1899 (без нумерации страниц).
25. Литвинова И. Н. Новые формы предпринимательства в Саратовской губернии начала XX в. и их организаторы // Манускрипт. 2016. № 8. С. 126–129.
26. Сюзор П. Ю. О значении санитарного зодчества // Труды II Съезда русских зодчих в Москве. М. : Типо-литография Ж. Шейбель и Ф. Воост, 1899. С. 20–21.
27. Статистика акционерного дела в России: в 4 вып. Вып. 3 : Условия деятельности и доходность акционерных предприятий / составил и издал Н. Е. Пушкин. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1897. 656 с.
28. РГИА. Ф. 22 (Центральные учреждения министерства финансов по части торговли и промышленности). Оп. 4. Д. 411.
29. Соловьева Т. А. Фон Дервизы и их дома. СПб. : ООО «Алмаз», 1996. 191 с.
30. Соловьева А. М. Железнодорожные «короли» России. П. Г. фон Дервиз и С. С. Поляков // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века / ред. А. К. Сорокин. М. : РОССПЭН, 1997. С. 266–285.
31. Барышников М. Н. Из истории взаимодействия Петербургского учетного и ссудного банка с промышленными компаниями России (конец XIX – начало XX в.) // Российский журнал менеджмента. 2014. Т. 12, № 4. С. 99–124.
32. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М. : Наука, 1992. 264 с.

Поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024;
принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

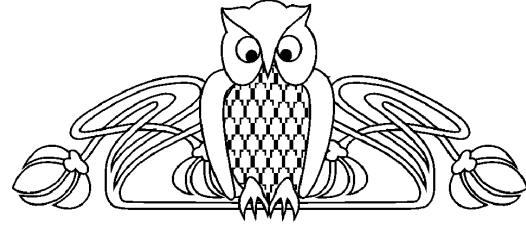
The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024;
accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 294–304
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 294–304
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-294-304>, EDN: BJWSFW

Научная статья
УДК 821.161.1.09+821.19.09+929Аджемян

«Историк по наклонностям» и «Зощенко в философии»: скандальная карьера писателя Х. Г. Аджемяна

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 83

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии,
daniilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Аннотация. Писатель Х. Г. Аджемян в 1940–1950-е гг. активно участвовал в целом ряде важных научных дискуссий по истории и философии: совещании историков в 1944 г., дискуссии о движении кавказских горцев, философской дискуссии 1947 г., обсуждении доклада о природе наций в 1957 г., на которых он был основным «возмутителем спокойствия». Его смелые идеи о монистическом единстве государства и народа, вреде классово-борьбы и национально-освободительных движений для укрепления могущества Российской державы, использовании православия для борьбы с Ватиканом, приоритете культурных факторов над экономическими в формировании наций подвергались критике со стороны академической науки и партийных идеологов. Вместе с тем выступления Аджемяна использовались властью для выявления мировоззренческих позиций в профессиональной научной среде, а его трактовка реакционной сущности мюридизма и имамата Шамиля спустя некоторое время стала официальной. В 1943 г. он обращался к Сталину с абсурдным планом завершения войны.

Ключевые слова: история, философия, дискуссия, война, Х. Г. Аджемян, Российское государство, классовая борьба, мюридизм, нация

Для цитирования: Данилов В. Н. «Историк по наклонностям» и «Зощенко в философии»: скандальная карьера писателя Х. Г. Аджемяна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 294–304. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-294-304>, EDN: BJWSFW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Historian by inclination” and “Zoshchenko in philosophy”: The scandalous career of the writer H. G. Ajemyan

V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Viktor N. Danilov, daniilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Abstract. In the 1940s and 1950s, the writer H. G. Ajemyan actively participated in a number of important scientific discussions on history and philosophy: a meeting of historians in 1944, a discussion about the movement of Caucasian mountaineers, a philosophical discussion in 1947, a discussion of a report on the nature of nations in 1957, at which he was the main “troublemaker”. His bold ideas about the monistic unity of the state and the people, the harm of class struggle and national liberation movements to strengthen the power of the Russian state, the use of Orthodoxy to fight the Vatican, and the priority of cultural factors over economic factors in the formation of nations were criticized by academic science and party ideologists. At the same time, Ajemyan’s speeches were used by the authorities to identify ideological positions in the professional scientific community, and his interpretation of the reactionary essence of Muridism and Imamate Shamil became official after a while. In 1943, he appealed to Stalin with an absurd plan to end the war.

Keywords: history, philosophy, discussion, the war, H. G. Ajemyan, The Russian state, class struggle, Muridism, nation

For citation: Danilov V. N. “Historian by inclination” and “Zoshchenko in philosophy”: The scandalous career of the writer H. G. Ajemyan. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 294–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-294-304>, EDN: BJWSFW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Фигура эпатажного писателя и историка Хорена Григорьевича Аджемяна (1907–1968) присутствует в целом ряде работ по истории советской исторической науки 1940-х гг. (Г. Д. Бурдея [1], А. М. Дубровского [2], А. Л. Юрганова [3], Д. Л. Брандербегера [4], В. В. Тихонова [5]). В них часто буквально дословно приводятся его неординарные выступления на совещании советских историков в ЦК ВКП (б) 1944 г. и диспуте по вопросу о мюридизме в 1947 г. В. В. Тихонов назвал Аджемяна ярким представителем когорты «маленьких людей» в науке, через которых власти в сталинский период транслировали «в общество определенные, непривычные, провокационные идеи и выявляли реакцию на них, готовили научную общественность к их восприятию» [5, с. 117], что верно, как мы дальше увидим, лишь отчасти. Для современников и последующих исследователей его появление среди видных деятелей советской гуманитарной науки представляется весьма неожиданным. А. М. Панкратова в одном из писем военного времени писала о нем: «Что это за фигура, я точно не представляю себе. Он член Союза писателей, философ по образованию, историк по наклонностям, поэт-переводчик по специальности, армянин по национальности» [6, с. 59].

Между тем к началу Великой Отечественной войны Х. Г. Аджемян имел изданные литературно-художественные произведения в разных жанрах, опубликовал несколько критических статей в центральных журналах, а его пьесы ставились в театрах Армении. В 1941 г. в «Историческом журнале» вышла его довольно обстоятельная рецензия на работу академика Армянского филиала АН СССР Я. А. Манандяна «Месроп-Маштоц в борьбе армянского народа за культурную самобытность», которая была издана в Ереване на русском языке в 1941 г. и представляла собой доклад, прочитанный 19 ноября 1940 г. на юбилейной сессии, посвященной 20-летию установления советской власти в Армении [7, с. 141–143]. В 1942 г. тот же журнал публикует другую его толковую рецензию на книгу А. Антоновской «Великий Моурави», в которой освещается драматический жизненный путь грузинского исторического деятеля XVII в. и национального героя Георгия Саакадзе [8, с. 72–75]. В этой рецензии Аджемян в духе письма И. В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» высказал свое положительное отношение к политике России на Кавказе и упущенной возможности со стороны Саакадзе найти в ее лице опору в национально-освободительной борьбе. Он писал, что «из всех внешнеполитических ориентаций самой здоровой и исторически разумной была ориентация на единоверную Россию, которая уже в этот период стала грозной и надежной силой для спасения Грузии от ужасающих злодеяний шаха Аббаса и его достойного

соперника – султана» [8, с. 75]. С одной стороны, это указывает на то, что у писателя уже к тому времени имелись вполне сформировавшиеся великорусские исторические взгляды, а с другой стороны, он по сути отрицал универсальность принятой в рассматриваемый период формулы «наименьшего зла» в отношении вопроса о присоединении к России других народов и территорий.

Еще большую смелость Аджемян вскоре проявил, передав в «Исторический журнал» многостраничную статью «О социальной сущности кавказского мюридизма», которую редакция не согласилась публиковать, поскольку она в корне расходилась с установившимися в советской историографии канонами по этой проблеме. И если в данном случае Аджемян рассчитывал на эпатирование профессиональной исторической среды, то это ему удалось. Вскоре о нем заговорили известные научные авторитеты. Свое удивление и отрицательное мнение о данной статье изложила в письме от 2 марта 1944 г. в ЦК ВКП (б) член редколлегии «Исторического журнала» А. М. Панкратова, просившая партийное руководство «помочь разобраться» в принципиальных вопросах истории. Она писала:

«В редакцию “Исторического журнала” поступает немалое количество статей того же рода (отступающих от классового подхода, оправдывающих колониальную политику царизма. – В. Д.), требующих “реабилитации” героев Ермолова, Скобелева и др. на том основании, что это были храбрые русские генералы. Одна из таких работ писателя и “философа” Аджемяна посвящена переоценке национально-освободительного движения на Кавказе. Шамиль объявляется представителем реакционно-теократической аристократии, а руководимое им движение реакционным на том только основании, что Россия вовлекла «дикарей и разбойников горцев» (по терминологии автора) в сферу культуры и прогресса, а они ей сопротивлялись. Кстати, эта работа начинается с длинного «философского» объяснения, что в наши дни «классовая борьба в истории устарела». Первые слова государственного гимна «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» Аджемян (и многие с ним) толкуют, как основание для отказа от ленинской оценки колониально-национальной политики русского царизма» [3, с. 241].

Затрагивала Панкратова позицию Аджемяна и в других письмах в ЦК ВКП (б).

Но на этом в обретении известности Х. Г. Аджемян не стал останавливаться, решив эпатировать уже руководящих идеологических работников ЦК ВКП (б), но иным образом. 26 марта 1943 г. в аппарат члена Государственного Комитета Обороны Г. М. Маленкова из особого сектора ЦК ВКП (б) было передано рукописное письмо на одну страницу, адресованное И. В. Сталину. Автор письма, отрекомендовавший себя как «писатель Х. Аджемян, человек готовый дерзать и умереть за славу нашей государственности»,

просил Сталина лично выслушать его в течение часа, поскольку имеющийся у него план по дальнейшему ведению войны он не может изложить письменно или озвучить кому-либо, кроме «Вам и Ваших соратников». Письмо содержало набор высокопарных предложений и неясных намеков (имелись в нем грамматические ошибки, что, впрочем, простительно человеку, для которого русский язык не является родным). В частности, Х. Г. Аджемян писал: «В этой войне политическому разуму суждено играть более выдающуюся роль, быть может танкам. Я докажу [это] Вам или другому члену ГКО предложением одного военно-политического плана диверсии против врага, который заставит противника: а) уводить войска за пределы наших границ; б) вынудит наших своекорыстных и проникнутых своими партикулярными интересами союзников выступить быстро, энергично и со всей мощью». В качестве издержек в реализации его плана, по мнению автора письма, могут быть «в худшем случае одна достойная бессмертная жизнь и подобным Исааком мог бы стать как я, так и немало честных и одаренных людей, для которых умереть за Родину и идеи – долг. Верьте, дорогой Иосиф Виссарионович, что всем ходом вещей нам суждено жестоко одурачить наших врагов, опозорить и осрамить их дипломатию и разведку!» [9, л. 37].

В письме содержалась приписка: «Если угодно будет Вам уяснить, что я за человек вообще – затребуйте от Госполитиздата или из ЦК (от Г. Ф. Александрова) мою готовую к печати, но не печатавшуюся книгу: “Критика идей вечной войны и вечного мира”». Естественно, члены ГКО не стали ни интересоваться этой книгой, ни встречаться с самим Аджемяном. Маленков просто переправил письмо «профильному» секретарю ЦК ВКП (б) А. С. Щербакову для выяснения, в чем же суть столь грандиозного плана писателя. Непосредственно этим вопросом в конце марта – начале апреля 1943 г. занимались сотрудники Управления пропаганды и агитации (далее – УПА). Была запрошена характеристика «объективка» на Аджемяна в отделе кадров Союза советских писателей. Кроме того, работник УПА ЦК ВКП (б) А. Еголин лично разговаривал с секретарем правления Союза советских писателей СССР (далее – ССП) А. А. Фадеевым, который высказался отрицательно об Аджемяне как литераторе, считая его «бездарным писателем, случайно попавшем в Союз писателей» [9, л. 38].

В официальной характеристике из аппарата ССП, подписанной секретарем президиума ССП по оргвопросам П. Скосыревым и начальником отдела кадров М. Дубинским, которая была доставлена в ЦК буквально на следующий день – 27 марта 1943 г., – никаких оценок творчества и личных качеств Аджемяна не содержалось. Можно было лишь узнать, что Аджемян Хорен Григорьевич, армянский поэт, прозаик, критик

и драматург, 1908 г. рождения (по другим сведениям 1907 г. – В. Д.), беспартийный. Среднее образование получил в Армении (не было сказано, что он закончил Московский библиотечный институт), работал в типографиях, был наборщиком на армянском шрифте. Первые стихи и художественные очерки появились в армянской печати в 1923 г., а первый сборник стихов вышел в 1929 г. Помимо стихов, написал поэму «Беседа с апостолом» (1934 г.) и повесть «Бодрые залпы» (1931 г.). На сценах армянских театров были поставлены три его пьесы. Отметился также публикацией ряда критических статей в центральных журналах «Книга и пролетарская революция», «Под знаменем марксизма», «Исторический журнал», «Советская библиография». Работал над переводами на армянский язык произведений Пушкина, Тютчева и Фета. В характеристике также говорилось, что Аджемян в период войны написал литературно-философский труд «Критика идей вечной войны и вечного мира» и работает над книгой «Дух войны» для Госполитиздата. «Последняя его повесть о войне отвергнута редакциями как слабая и безграмотная», – отмечалось в характеристике [9, л. 39].

8 апреля 1943 г. начальник УПА ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александров отправил в секретариат А. С. Щербакова коротенькую записку, в которой говорилось: «Писатель Аджемян вызывался в Управление пропаганды. Его “планы” носят абсурдный характер. По существу, он предлагает русский вариант Гесса» [9, л. 40]. Из этого можно заключить, что Аджемян предлагал по типу неудавшейся «миссии» заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса в Великобританию в мае 1941 г. отправить в Германию его или еще кого-то другого, а возможно, и из числа руководителей СССР, с целью переговоров о прекращении советско-германского вооруженного противостояния. Вряд ли стоит говорить о нелепости подобного «плана» в тех условиях и полной адекватности человека, его предложившего. Однако писатель, как можно было бы предположить, не попал в опалу, наоборот, его активная публичная деятельность только начиналась и связана она была уже не с художественной литературой и философией, а с историей.

Трудно сказать, в какой мере именно благодаря названному письму «В Госуд. комитет обороны. Вождю т. Сталину» (таков был его дословный адресат) аппарат ЦК ВКП (б) стал более внимательно присматриваться к Х. Г. Аджемяну, об «ошибках» которого сигнализировала еще Панкратова, но через год он уже фигурирует в официальных партийных документах по идеологическим вопросам. 18 мая 1944 г. при подготовке к совещанию историков, проводившемуся с перерывами в мае – июле 1944 г. в ЦК ВКП (б), на имя секретарей ЦК Г. М. Маленкова, А. С. Щербакова и А. А. Андреева была направлена записка «О серьезных недостатках

и антиленинских ошибок в работе некоторых советских историков» и дополнение к ней под названием «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков». Они были написаны начальником Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александровым, его заместителем П. Н. Федосеевым и редактором газеты «Правда» П. Н. Поспеловым. В дополнении к записке приводились примеры этого «великодержавного шовинизма», которые якобы имели место в выступлениях и трудах известных историков (Е. В. Тарле, Б. Д. Греков, А. И. Яковлев, Б. И. Сыромятников), а также в «писаниях некоего Аджемьяна», где «нашла откровенную защиту» «буржуазная точка зрения», об антиисторичности всякого революционного движения, исходившая из «предпосылки о единстве государства и народа» [10, с. 202].

Далее в документе говорилось, что в статье, присланной в «Исторический журнал», Аджемьян «предлагает отказаться от рассмотрения исторических событий под углом зрения классово-борьбы, считая такой подход “детской болезнью левизны”», «определяет революционные восстания реакционными», поскольку они, по мнению автора статьи, «подорвали силу самодержавной власти в России». «Желая выразить творческую роль народа, – цитировали авторы записки рукопись Аджемьяна, – наша рассудочная историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний Дмитрия Донского, Ал. Невского, Ивана Грозного, Петра I, Суворова и других. Почему? Потому, что первые выступали против государства, вторые же наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства. Первые разрушали, а вторые строили». Вторая цитата касалась оценки писателем пугачевского восстания: «Их победа способна была поставить под удар политическую мощь России, могла вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия достойного зрелого преемника государства Романовых. При победе Пугачева Россия повернулась бы в пучину кровавого одичания» [10, с. 203].

В литературе бытует мнение, что якобы Аджемьян задействовал какие-то неизвестные «связи и механизмы», чтобы оказаться среди участников совещания историков в Кремле [5, с. 111]. Но, во-первых, в УПА к этому времени о нем уже было, как видим, достаточно информации, а во-вторых, на совещание были приглашены все советские историки, упоминавшиеся в записке. Не исключено также, что идеологические работники ЦК постарались избежать во время дискуссии излишнего академизма или, как они выразились, существовавшей в среде историков «взаимной амнистии» и «взаимной терпимости к ошибкам исторического и принципиального характера» [10, с. 201], а для этого потребовалось новое лицо, не связанное корпоративными условиями,

пусть даже и с весьма спорными историческими взглядами. К тому же Г. Ф. Александрову, который занимался подготовкой совещания, было выгодно большее присутствие противников Панкратовой, поскольку та отзывалась неодобрительно о его работе в письмах к секретарям ЦК партии.

На самом совещании историков летом 1944 г. Х. Г. Аджемьян был достаточно видной фигурой – вторым выступающим среди более 70 человек приглашенных (всего выступили 23 историка), его имя звучало почти в половине всех выступлений, ему дали слово для пояснения позиции на заключительном заседании, о нем говорилось в проектах итоговых документов совещания. В содержательном плане на совещании в центре внимания были вопросы роли классовой борьбы и национального начала в отечественном историческом процессе, известная триада: государство – народ – историческая личность, которые поразному трактовались историками. Здесь выявились два концептуально-идеологических полюса: приоритет национального в истории и абсолютизация классового подхода. Вместе с тем, как отмечают Д. Л. Брандербергер и А. М. Дубровский, имели место и взгляды промежуточного характера, олицетворявшие стремление сохранить относительную объективность (К. В. Базилевич, Н. Л. Рубинштейн, Б. Д. Греков и др.) или отсечь крайности в освещении русской истории (И. И. Минц, А. В. Ефимов). Х. Г. Аджемьян вместе с С. К. Бушуевым и Е. В. Тарле стал глашатаям нового «патриотического курса», заявлявшим о недооценке великого прошлого русского народа и необходимости борьбы с «национальным нигилизмом», привнесенным «школой Покровского» [4, с. 150].

А. М. Панкратова была потрясена выступлением Аджемьяна, в котором он озвучил большую часть своей статьи о природе мюридизма. Удивлены были и все остальные: «Чтение продолжалось свыше часа. Впечатление было неотразимое. Собравшиеся не верили своим ушам и глазам. В президиуме молчали и внимательно слушали» [6, с. 59]. В самом деле, и сегодня его выступление (в опубликованной стенограмме) производит впечатление необычной остротой, эмоциональностью и нетривиальными для того времени мыслями.

Никто из советских историков не смел ранее так откровенно утверждать, что монарх в истории выражал не только волю народа, но и его самосознание. Никто еще на столь высоком партийно-государственном совещании не говорил о «монистической цельности и неразрывности народа и государства» и об исторической вреде некоторых форм классовой борьбы, направленных против государства:

«...Разве можно верно понять, например, историю пугачевского бунта без указанного монистического

взгляда единства и взаимообусловленности народа и правителей? Конечно, нетрудно встать на позицию наивной рассудочной историографии и сказать, что царское правительство ничего общего не имело с интересами народа, а потому защитник и вождь Пугачев скликал своих орлов народного восстания и, вступив в смертный бой с царскими наймитами, был, увы, побежден в неравном бою. По этой схеме и было написано немало трудов, повестей и поэм. Это было легко и казалось убедительно. При более глубоком взгляде на предмет оказывается, что государство Екатерины II в условиях конца XVIII в. не в такой уж степени было антинародным, а Пугачев, воюющий за “лучшего царя”, был не таким уж преданным делу народа вождем. Сами массы, поднятые им, не могли еще толком понять, за что они взялись за топор, вилы и оружие, и их победа способна была поставить под удар секиры политическую мощь России, могла широко открыть ворота перед иноземными захватчиками и даже на время вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия более достойного, зрелого преемника государства Романовых. Мы миновали пору того детского лепета, когда, сравнивая пугачевщину с декабристами, рассуждали так: “Что же декабристы? Они сами были дворяне, генералы, а вот Пугачев – это был человек из народа”. Между тем при рассмотрении истории как единого процесса нам легко понять, что победа декабристов вывела бы Россию на путь либерального, капиталистического, более прогрессивного развития, ускорила бы темпы прогресса и восхождения России как мировой, благоустроенной державы, тогда как при победе Пугачева Россия повернулась бы в пучину кровавого одиночества, а слова самого Пугачева: “Бог наказал Россию через мое окаянство” осуществились бы в гораздо более крупных масштабах» [11, с. 62].

Х. Г. Аджемян изложил свое понимание сущности классовой борьбы: ее следует рассматривать только в естественных и разумных пределах, которые определяются монистической историей народа, диалектически связанного с историей государства. Ссылаясь на работы Маркса и Ленина, он утверждал, что классовая борьба не есть главное в марксизме, о чем заявляли еще буржуазные мыслители, а главное – диктатура пролетариата, движение к которой определяется всем ходом исторического процесса, а в нем определяющую роль играет государство. Также Аджемян высказал «крамольную» мысль о произведении К. Маркса и Ф. Энгельса: «Знание России не составляло сильную сторону этих наших учителей. Главное, они не учли и не могли учесть, что Россия не есть проселочная тропа по отношению к столбовой дорожке мировой истории, а наоборот, ей-то и принадлежит высокая честь составлять своей историей последнюю фазу этого великого тракта» [11, с. 66].

Главный удар Х. Г. Аджемян направил в сторону А. М. Панкратовой, ее последних трудов и публичных выступлений:

«Тов. Панкратова в бытность свою в Казахстане создала книгу об истории Казахской ССР, в которой

по старинке очернила русскую завоевательную политику, благодаря которой впоследствии казахи приобрели культуру, литературу, национальный облик. Она расхваливала Касымова и его движение за то, что они упрямо шли против исторически прогрессивного движения России на Восток, что диктовалось как интересами безопасности русской империи с Востока, так и интересами культурного пробуждения казахов в цепких когтях азиатской неподвижности. Логика тут ясная. Раз Россия зря залезла в казахские степи, в казахские горы, значит, она зря гонялась за химерами, и, значит, история России сама есть погоня за призрачными химерическими целями. Такая теория, такая “философия” истории народов СССР также культивируется за рубежом. Марксизм учит, что то, что действительно, – разумно. Тов. Панкратова вступает в схватку с исторической действительностью и клеймит ее осуждением и поношением. Она это делает с полным сознанием своей правоты, ибо считает, что ее право и даже долг – оплевывать русских царей, генералов, наместников и облюбовывать всяких бунтарей, авантюристов, одевая их в тогу национальных освободителей, хотя известно, что в те годы казахи и дагестанцы еще не были нациями. Где тут логика? Логика тут ясная. Она исходит из принципа классовой борьбы, так ложно ею понятого, и строит свои силлогизмы: раз классовая борьба – значит, надо сочувствовать движению “низов” против «верхов». Кто «низы»? – Казахи! Кто «верхи»? – Представители русской империи. Нам же надо отказаться от подобной ложной трактовки сущности ленинизма и исходить из интересов советского государства, советского народа. Это и есть тот монистический целостный, неразрывный субъект, который достоин чести быть критерием исторической истины... <...> Россия не достигла бы ничего и стала бы объектом ненависти, а не субъектом той силы, которая привела нас к изумительным историческим результатам, воспетым нашим гимном: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» [11, с. 66].

Историки-«ортодоксы», стремившиеся сочетать «советский патриотизм с марксистско-ленинским подходом к истории» не только приняли выступление Аджемяна в штывы, но и сделали его, по выражению Панкратовой, «мальчиком для битья». Сама Анна Михайловна, выступая сразу после него на заседании 1 июня 1944 г., обвинила Аджемяна в гегельянстве, связала его взгляды с русской «государственной школой», процитировав Б. Н. Чичерина [11, с. 68]. Н. Л. Рубинштейн продолжил эту мысль, утверждая, что Аджемян в гегельянстве далеко оставил позади даже Соловьева, не доходившего никогда до такого упрощенчества [12, с. 96–97]. В представлении И. И. Минца, если встать на точку зрения Аджемяна, то должны «осудить Октябрьскую революцию, которая произошла в период войны России с Германией» [12, с. 109]. А. В. Ефимов назвал его взгляды «химерой», допустив при этом оскорбительный выпад в том духе, что выступление Аджемяна ниже уровня совещания: «Здесь происходит совещание историков,

между тем т. Аджемьян показал, что он, безусловно, не историк, хотя, по моему разумению, нет данных и о том, что он философ» [13, с. 69]. М. С. Волин обозвал его «маленьким геростратиком», сравнил с чеховским героем, «который, совершив непотребство, за что попал на страницы местной губернской газеты, возомнил о себе как о герое, который прославился на всю губернию» [14, с. 82–83].

8 июля во время выступлений для справок и поправок, а Аджемьяну было предоставлено слово последнему, произошла перепалка между ним и ведущим заседание секретарем ЦК А. С. Щербаковым. Вот как излагает этот эпизод А. М. Панкратова: «Он (Аджемьян. – В. Д.) резко возражает тов. Волину и читает цитаты из Плеханова, заявляя, что оценка Плехановым пугачевщины вполне марксистская. Товарищи с мест кричат ему, что именно в отношении к Пугачеву сказалась меньшевистская концепция Плеханова в области истории. Аджемьян возражает. Происходит резкая полемика Аджемьяна с аудиторией. Тов. Щербаков втягивается в эту полемику и, обращаясь к Аджемьяну, очевидно, не выдерживая, говорит ему гневно: “Как же Вы приходите в ЦК партии и воспеваете оды самодержавию?”. Аджемьян: “Я не согласен с Вами, – нельзя отрицательно относиться к самодержавию на всех этапах истории”. Тов. Щербаков: “Ну, это уже вопрос политических мнений”» [3, с. 363].

В письменном дополнении к стенограмме 8 июля Аджемьян развернуто ответил всем своим критикам. Пожалуй, новый мотив прозвучал только в ответе на выступление Е. Н. Городецкого, в котором по сути содержался посыл для известной идеологической кампании послевоенного времени. Он заявил буквально следующее:

«...Не заслуживает серьезного ответа другой ярлычок, данный мне щедрой рукой т. Городецкого, – о великодержавном шовинизме, ибо это обвинение чаще всего играет роль фигового листка, тщетно скрывающего другой порок, имя которого – космополитический интернационализм». Этот мотив он повторил еще раз, указав, что Городецкий – «выразитель космополитизма, у которого чувства патриотизма, национальной гордости атрофированы» [3, с. 373].

На следующий день после этого заседания, 9 июля 1944 г., Х. Аджемьян направил письмо в Политбюро ЦК ВКП (б), пытаясь оправдаться и высказать критические замечания в адрес А. С. Щербакова. По его мнению, тот не понял сути предлагаемой им новаторской философии истории. Х. Г. Аджемьян сообщил в Политбюро ЦК ВКП (б), что открыл новый закон истории, и если этот закон воспримут, то он счастливо займется разработкой инновационной теории пространства в контексте «творческого марксизма» [3, с. 374–375].

Одновременно Аджемьян направил письмо и Сталину, в котором сообщил:

«Тот факт, что тов. Щербаков мое выступление расценил как “Ода захватнической политики царизма”, говорит о том, что т. т. Минц, Волгин и другие считают, что их нападки на меня одобрены ЦК. Моя работа о реакционной сущности движения Шамиля, моя солидарность с Плехановым о пугачевщине и тот закон, который я открыл в области создания многонационального государства (чем ниже был уровень народа, входящего в состав России, тем сильнее была его воля к сопротивлению и наоборот) оплевывались, но не критиковались. Я считаю себя новатором и публицистом, забитым и забытым догматизмом, с которыми я буду бороться всегда, покуда разум мой еще не погас. Но раз член Политбюро так превратно толкует мои взгляды, я вынужден просить не защиты и не благосклонности, о нет! А лишь ознакомления со стенограммой моего выступления и письменного ответа моим оппонентам. Все это составляет около 3 печатных листов и для чтения нужно время, которое у Вас так дорого. Это так. Но с первых же страниц Вы убедитесь, что “игра стоит свеч”, и если даже во многом я не прав, то и в этом случае то направление, которое выдвигаю я, есть здоровое, полнокровное детище нашей великой эпохи, гордо носящей Ваше имя» [цит. по: 3, с. 376].

Во всех вариантах проекта итогового документа совещания, который готовили сначала работники УПА ЦК ВКП (б), а затем А. А. Жданов, и который так не был принят, содержится критика взглядов Аджемьяна, иногда в оскорбительной форме («эта белиберда» и пр.), вплоть до политических обвинений в идеализации буржуазно-помещичьих порядков и возрождении им великодержавно-националистической идеологии, «враждебной ленинско-сталинской политике укрепления дружбы народов», а попытка доказать «преемственность политики советского государства с политикой русского царизма» есть не что иное, как «навязать Советской России политику старой царской России», ведущей «к отрицанию необходимости Октябрьской революции и советского строя как результата этой революции» [3, с. 391–484; 4, с. 148–163].

24 октября 1944 г. Щербаков выступил на пленуме Московского городского комитета партии, где с осуждением рассказал о воззрениях Аджемьяна [2, с. 489]. С критикой его взглядов (хотя и не называя имен) выступил Г. Ф. Александров в своей статье «О некоторых задачах общественных наук» [15, с. 16]. На заседании парторганизации Института истории АН СССР 18 апреля 1945 г. член редакции «Исторического журнала» И. А. Кудрявцев представил доклад «О некоторых искривлениях по вопросам истории СССР». В нем он специально остановился на фигуре Аджемьяна, подчеркнув, что тот отошел в своих воззрениях от марксизма и проповедует гегельянство, выпячивая роль государства как выразителя народного духа. И. А. Кудрявцев назвал такие взгляды неприемлемыми, а само явление, получившее определенное распространение и в среде профессиональных историков,

«аджемяновщиной», сутью которой являлась реабилитация великодержавного взгляда на историю и отказ от классового принципа [5, с. 113].

Казалось бы, после этого Аджемян должен был сойти с публичной арены. Но что-то в его идеях крайне заинтересовало идеологов, а его выступления были похожи на сознательную провокацию для прощупывания настроений профессиональных историков. Как показало время, этот «историк по наклонностям» не оказался в забвении. Но, если природу заинтересованности партийных идеологов в допущении публичных выступлений Аджемяна с «крамольными» взглядами на историю можно понять, то рационально объяснить, почему в тех условиях он был такой храбрый в своих речах, не представляется возможным, учитывая и тот факт, что его родной брат известный армянский писатель и публицист Гурген (литературный псевдоним Маари) с 1936 г. находился в местах заключения.

Несмотря на обструкцию на совещании мая – июля 1944 г. и сразу после него, Аджемян продолжал стучаться в двери научных учреждений. В 1945 г. он предложил руководству Института истории АН СССР заслушать его доклад о мюридизме, но оно отклонило эту инициативу [5, с. 114]. Однако сдвиги во внутривосточных ориентирах и усиление внедрения идеологии советского патриотизма, пропаганда роли «старшего брата» союзных национальностей русского народа и борьба с любыми проявлениями национализма способствовали тому, что через два года писатель все же представил его элите советской исторической науки.

Доклад Х. Г. Аджемяна «Об исторической сущности кавказского мюридизма», прозвучал 19 июня 1947 г. на расширенном заседании сектора истории народов СССР XIX – начала XX в. Института истории АН СССР. Заседание открыл руководитель сектора Н. М. Дружинин, изложивший мотивы, которыми руководствовались при постановке доклада на обсуждение. «Советская историческая наука, – говорил он, – рассматривает борьбу горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля как национально-освободительное движение, направленное против колониальной политики царской России, как историческое явление, прогрессивное по своему существу. Однако за последнее время некоторые историки высказали мнение о необходимости пересмотреть эту точку зрения как неправильную». К числу научных работников, считающих необходимым внести коренные изменения в прежнюю концепцию о движении горцев 1830–1850-х гг., принадлежит и Х. Г. Аджемян [16, с. 24].

Свой доклад Аджемян начал с того, что априорный взгляд на любое антирусское национальное движение как явление прогрессивное уже не соответствует времени. Он напомнил, что два года назад уже предлагал заслушать его

доклад в Институте истории, тогда это предложение «вызвало некоторый переполох. Начали говорить о недопустимости, о невозможности, о нецелесообразности постановки и пересмотра этого вопроса вообще» [5, с. 114]. Теперь многое изменилось, и указания Маркса и Энгельса, сказал Аджемян, не могут быть руководством в этом вопросе. Автор ссылался на Л. Н. Толстого, давшего непривлекательный образ Шамиля, и Н. Г. Чернышевского, которому приписал статью в «Современнике» «О значении наших последних подвигов на Кавказе» (на самом деле автором был Н. А. Добролюбов) [цит. по: 5, с. 114].

Ниспровергая культ Шамиля, Аджемян рисовал мрачную картину отсталости и дикости горских народов Дагестана и Чечни, но при всем том неплохо организованных для военного разбоя. Только благотворное влияние, – указывал он, – русской культуры и культуры более прогрессивных кавказских народов, армян и грузин, могло изменить сложившееся положение дел. Лишь благодаря торговому и политическому влиянию Российской империи в горском обществе возникли прогрессивные явления [16, с. 134].

Выступавший привел факты, свидетельствовавшие о том, что Шамиль активно сотрудничал с турецким султаном и намеревался свергнуть грузин, армян, азербайджанцев под жесткий гнет султана, оторвать их от России. Он признавал, что Россия проводила колониальную политику, но одновременно «пробуждала в этих народах искры национального самосознания, создавала условия, как экономические, так и культурные, для становления наций в строгом смысле этого слова. Поэтому тяга к России со стороны народов Кавказа определялась их тягой к культуре и становлению их нациям». Причем, чем более развитыми были народы, тем сильнее они тянулись к России. Шамилю автор противопоставил Ахундова, который, по его словам, призывал к единению с Россией [16, с. 135]. В заключении шел однозначный вывод: несмотря на ряд объективных предпосылок, мюридизм – реакционное и религиозное движение фанатиков, а не социальный протест против феодального порабощения со стороны Российской империи.

Обсуждение доклада было весьма оживленным. Б. Н. Заходер категорически отверг тезис о хозяйственной, культурной и социальной отсталости народов Северо-Восточного Кавказа, приведя исторические свидетельства о давних традициях культуры и образованности в регионе. Полемицируя с Аджемяном, К. В. Сивков настаивал на том, что политическая организация, созданная Шамилем, носила государственный характер: в имамате существовала своеобразная правовая система, система судопроизводства, налогов, административного устройства. А. Б. Закс, отметив, что движение горцев не было однородным и в политике Шамиля было немало

противоречий, тем не менее заявила, что характеризовать движение как «реакционное» нельзя, так как в основном оно носило антифеодальный характер. М. В. Нечкина протестовала против уничижительных характеристик Шамиля, подчеркивая, что многолетнее организационное и идейное руководство движением рисует его как подлинного вождя масс. Ш. И. Типеев обвинил Аджемяна в стремлении сочетать марксистские взгляды с буржуазными, марксистское понимание национально-освободительного движения – с шовинистическими оценками. По мнению Е. И. Чистяковой Аджемян возрождает старые, колонизаторские точки зрения на движение горцев, а Л. М. Иванов считает, что Аджемян оправдывает колониальную политику царского правительства. Диспутанты не согласились с тем, что движение горцев было инспирировано Турцией; это движение выросло органически на почве самой страны. В какой-то степени Аджемяна поддержал некий Хуршилов из Дагестана, признавший, что образ Шамиля идеализируется и модернизируется советскими историками. Заключительное слово дали самому докладчику, который сказал, что не хотел идеализировать царскую Россию, но и с критикой категорически не согласился [16, с. 135–139].

Подводя итоги дискуссии, Н. М. Дружинин имел полное основание констатировать, что точка зрения Аджемяна не нашла поддержки в среде участников прений. Соответственно, прежняя точка зрения советских историков оставалась в силе: движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля являлось освободительным и прогрессивным. Н. М. Дружинин критиковал мировоззренческо-методологические подходы Аджемяна, так как, по его мнению, всякое национально-освободительное движение в пределах царской России следует признать реакционным, что совершенно недопустимо. Однако не верна и другая – буржуазно-националистическая точка зрения: признание всякого выступления против царской России под национальными лозунгами положительным, прогрессивным явлением. Впрочем, Н. М. Дружинин закончил призывом к дальнейшей научно-исследовательской разработке обсуждавшейся темы [16, с. 139–140].

Дискуссия свидетельствовала о том, что советские историки (на открытом заседании сектора присутствовали около 40 человек) не приняли нового подхода Х. Г. Аджемяна. Тогда они и не предполагали, что вскоре под воздействием внешних обстоятельств чаша весов в этом споре склонится на сторону писателя. Аджемян в июле 1949 г. был приглашен на заседание президиума АН СССР, в повестке которого стояли вопросы истории исторической науки [17, с. 227]. В 1950 г. в теоретическом органе партии – журнале «Большевик» – появилась статья первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М. Д. Багирова

«К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», в которой историки осуждались за неправильную трактовку мюридизма как прогрессивного явления. Упомянулось там и о дискуссии вокруг доклада Аджемяна, со ссылкой на то, что историки цепко держатся за отжившие взгляды. В статье особенно подчеркивалась связь Шамиля с Турцией и Англией, чему придавался особенно негативный оттенок в условиях борьбы с низкопоклонством перед Западом [18, с. 21–37]. Появление этой публикации окончательно закрепило новую концепцию истории Кавказской войны. Вышло специальное постановление Президиума АН СССР «Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников Академии наук СССР». В академических институтах прошла серия заседаний, на которых осуждалась старая оценка мюридизма. Причем на них вчерашние критики практически слово в слово повторили тезисы докладов Аджемяна. Первоочередной задачей была признана необходимость «преодолеть эти ошибки, произвести углубленное научное исследование данной проблемы», а также «немедленно приступить к исправлению учебников, которые вышли из недр института истории – для высшей и средней школы» [5, с. 117].

Но вот результат участия в другой дискуссии 1947 г. – философской – оказался крайне неудачным для Х. Г. Аджемяна. Дискуссия проводилась по указанию ЦК ВКП (б) по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», об авторе которой у писателя еще с военного времени сложилось отрицательное мнение, а также, если судить по выступлению, и о работе всех «официальных» советских философов. Аджемян утверждал:

«... У нас есть философские работники, популяризаторы, специалисты, историки философии и критики философии. Но философов, утверждаю я, у нас здесь в зале нет. Почему? Потому что философ – это означает не просто ученый, посвященный в философскую науку, но творец этой науки. Возьмите обсуждаемую книгу. Можно ли автора называть философом на основании этой книги? Никак, он историк философии и только. Но у него же на днях вышла статья против Дьюи и других. Выступает ли он в этой статье как философ? Нет. Он тут выступает как критик философии... Мы должны с некоторым смущением отказаться от тех иллюзий, что у нас множество философов, и заботиться о том, чтобы наиболее творчески одаренные из них получили бы возможность проявить себя как философы, т. е. обогащать ядро, сердцевину философской науки, а не только внешнюю оправу, систематизацию, историческое освещение этого ядра. Мы должны дать широкие возможности печатать всякую смелую, оригинально задуманную работу, посвященную проблемам диалектического и исторического материализма, логике, онтологии, гносеологии не в том аспекте, как было до сих пор, а совершенно в другом. До сих пор мы писали о философии... Творческий

философ не должен заниматься только критикой новых реакционных модных течений буржуазного мира, а он должен сам создать новые современные прогрессивные течения, оттенки, жанры в области философии...» [цит. по: 19, с. 277–278].

Далее Аджемян проводил идею о необходимости союза между философией диалектического материализма и православием. Он писал, что подобно тому, как при наличии трактора нужна и лопата, так и в борьбе против католицизма и Ватикана может пригодиться нам (как «трактору») и православная церковь в качестве идейного союзника, «лопаты» [20, с. 96].

Иницилируя эту дискуссию, Сталин распорядился, чтобы она была совершенно свободной и каждый мог говорить все, что считает нужным. Тем не менее речь Х. Г. Аджемяна оказалась единственной, которая не была опубликована по ее окончании. В письме к А. А. Жданову главный редактор журнала «Вопросы философии» Б. М. Кедров, которому поручалась публикация материалов, характеризовал выступление Аджемяна, как пропагандирующие «в корне враждебные нам взгляды», а сама постановка подобных вопросов – как «клевета на наше мировоззрение». А чтобы у Жданова возникли нужные параллели, Кедров заявил, что Аджемян «объективно взял на себя роль Зоценко в философии» [18, с. 277]. В свою очередь Жданов в письме к Сталину предложил речь Аджемяна не публиковать как «враждебную марксизму-ленинизму галиматью», с чем тот согласился [20, с. 97; 21, с. 146].

Последнее выступление Х. Г. Аджемяна перед видными представителями советской гуманитарной науки состоялось уже после XX съезда КПСС. Произшедшая корректировка политико-идеологического курса позволила теперь ему «замахнуться» на критику одного из самых значимых пунктов в идейном наследии И. В. Сталина – теории национального вопроса. Сталинское определение нации в советское время считалось каноническим, где признаки составляют нерасторжимое единство. «Нация, – писал Сталин, – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [22, с. 296]. По Сталину нация не просто историческая категория, а историческая категория определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Вот это-то и попытался оспорить Аджемян.

В мае 1957 г. Аджемян представил в отделе истории АН СССР доклад «Критика взгляда т[ак] наз[ываемой] “буржуазной нации”», обсуждение которого было в конечном итоге назначено на 28 ноября этого года. Тезисы доклада и основная часть стенограммы обсуждения опубликованы не так давно историком А. Л. Юргановым [23, с. 138–157]. Из этих

материалов видно, что пришедших на диспут оказалось немного (6–7 человек), хотя это были достаточно известные историки (А. А. Губер, Б. Ф. Поршнева, Д. В. Молчанов, Г. Л. Кабаев и др.). Поэтому Аджемян был недоволен организацией данного мероприятия, сравнив его с дискуссией о мюридизме. Выступая, он сказал:

«Когда я говорил относительно неудачной организации, я не имел в виду того, что следовало собрать большую аудиторию. Я имел в виду приглашение действительно компетентных товарищей, которые могли бы обсудить эту спорную проблему. И этим я не хотел сказать, что те товарищи, которые почтили наше совещание своим присутствием, некомпетентны. Нет, я имел в виду, чтобы не было фигуры молчания, и чтобы совещание не было ограничено несколькими лицами, потому что эта проблема волнует очень многих, интересует очень многих. И было бы гораздо плодотворнее, если бы мы не так келейно, не так исподтишка организовали это совещание, чтобы присутствовали люди, которым есть что сказать – за или против, это все равно; полагаю, что они сказали бы против, но это было бы гораздо плодотворнее, потому что три человека не могут сказать столько, сколько десять – двенадцать человек. Для такого вывода у меня есть исторический опыт. Я помню, в 1947 году в этом же зале, после трехлетних моих просьб, была организована дискуссия о движении, чтобы пересмотреть те взгляды, ту концепцию, которая существовала в отношении этого движения, сорвать тот ореол национально-освободительной борьбы, который был вокруг Шамиля. И хотя не было особого желания на это, академик Б. Д. Греков внял моим просьбам и организовал подобную дискуссию. И эта дискуссия не была так келейно организована, пришло человек 30–40, выступило 10–12» [23, с. 143].

В тезисах к докладу Х. Г. Аджемян доказывал, что нация действительно историческая категория, но неправильно говорить, что только капитализм породил нации, а фактор экономики и производственных отношений не является определяющим в их формировании. Чтобы найти решающий фактор национального становления бывших народностей необходимо направить поиски не в сферу базисных явлений, а в область надстройки – культуры, политики, права. Развитие культуры народности обуславливает переход от ступени сознания к самосознанию, но народ осознает в этом случае не только духовную самость, а и свои физические и физиологические особенности. Приводя исторические примеры, докладчик утверждал, что одни нации складываются в период рабовладения, другие – при феодализме, в рамках капитализма этот процесс ускоряется. При социализме же формируются те нации, которые во всех предыдущих формациях были настолько далеки от столбовой дороги человеческой культуры, их цивилизации, что еще не успели дойти до степени национального самосознания. Если же нации считать базисным явлением, заявлял Аджемян, то следует признать, что по мере развития экономики национальный

фактор должен усиливаться, но сейчас, наоборот, наблюдаются интеграционные процессы [23, с. 148–157].

Содержание доклада вызвало у участников дискуссии в основном критические замечания. Однако позиция Аджемьяна не была опровергнута аргументами, а скорее не принята в соответствии с укоренившимися в сознании советских обществоведов постулатами формационной концепции. Б. Ф. Поршнев говорил, что «главное, стержневое объяснение нации и ее становление в тезисах Аджемьяна не может быть принято, потому что оно отрицает установку всей исторической науки – рассматривать сначала экономические предпосылки, а потом уже культурные, исторические, языковые и т. д. Автор предлагает нам, отказавшись от выяснения экономического содержания или экономической основы, экономической причины существования нации, целиком обратиться к сфере сознания и самосознания. Мне кажется, что т. Аджемьян ничего нового этой своей концепцией не предложил, ибо определение нации по признаку, скажем, отнесения себя к определенной нации, т. е. по признаку национального сознания, – это давным-давно уже предлагалось. Еще австро-марксизм не мог преодолеть субъективного подхода к понятию «нация»» [23, с. 141]. Д. В. Молчанов говорил: «Если мы откажемся от наших марксистских понятий нации, тогда мы этим явлениям не найдем места в истории и не объясним их» [23, с. 142]. Г. Л. Кабаев просто обвинил Аджемьяна в том, что его позиция «антимарксистская», «ненаучная», «идеалистическая», «ревизионистская», «националистическая», «крайне субъективистская» и даже «расистская» [23, с. 142].

В ходе дискуссии Х. Г. Аджемьян показал себя изоциренным полемистом, отвечая всем и приводя неожиданные аргументы, которые сходу было трудно опровергнуть. В частности, он заявил:

«Вы говорите, что экономика для нас является первенствующей, мы признаем примат экономики. Но дело в том, что примат экономики, в признании которого я с вами не расхожусь, который я признаю, не означает, что эта категория более высокая. Она первичная, но не более высокая. Я помню, в одной философской диссертации диссертант употреблял такое выражение – «материя как наивысшая категория». Я там сказал, что материя не является наивысшей категорией, материя является первичной, а между первичной и наивысшей большая разница. То же и дух, сознание, культура – это вторичное, но это не значит, что это низшее. Наоборот, сознание, дух, самосознание – это явления более высокого порядка, чем экономика» [23, с. 146].

Можно понять академических историков в их неприятии подхода Аджемьяна к вопросу о природе наций, и дело даже не в том, что тот предлагал иной стиль мышления, а то, что недавнее мартовское 1957 г. постановление ЦК КПСС

о «Журнале “Вопросы истории”» заставляло их осторожнее подходить ко всякого рода теоретическим новациям. Вместе с тем дискуссия вольно или невольно вынуждена была проблематизировать понятийную сферу традиционного научного дискурса и идти по пути творческого поиска, что, в частности, привело в последующем к таким явлениям в советской исторической науке, как постановка ряда теоретических вопросов в секторе методологии истории в Институте истории АН СССР, появление «нового направления» в изучении аграрной истории России и др.

Феномен Х. Г. Аджемьяна стал возможен благодаря своеобразному сочетанию общественно-политических условий жизни страны в 1940–1950 гг. и его личных качеств. Хотя он и не был типичным представителем советской исторической и философской мысли, его диссидентство в этих областях не выходило серьезным образом за устанавливаемые властью идеологические рамки. Даже в письме к Сталину 1943 г. с весьма сомнительным «планом по дальнейшему ведению войны» могли тогда увидеть одну из многочисленных народных инициатив помощи в разгроме нацистской Германии. Безусловно, смелые публичные выступления Аджемьяна с эпатажными идеями были выгодны партийному руководству для нахождения, а в иных случаях и продвижения, идеологических установок сообразных меняющейся ситуации. Объективно в них была заинтересована и научная элита, с одной стороны, для внутреннего концептуально-мировоззренческого размежевания, а с другой стороны – как объект для критики, не разрушавший корпоративных отношений.

Список литературы

1. Бурдей Г. Д. Историк и власть. 1941–1945. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. 264 с.
2. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск : Издательство Брянского университета, 2005. 890 с.
3. Юрганов А. Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2011. 763 с.
4. Брандербергер Д. Л., Дубровский А. М. Итоговый партийный документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. (история создания текста) // Археографический ежегодник за 1998 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 1999. С. 148–163.
5. Тихонов В. В. Как «маленькие люди» творили большую историю: Феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2013. С. 108–124.

6. Панкратова А. М. Письма Анны Михайловны Панкратовой / публ. Ю. Ф. Ивановой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.
7. Аджемян Х. Манандян Я. Месроп-Маштоц в борьбе армянского народа за культурную самобытность // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 141–143.
8. Аджемян Х. Антоновская А. «Великий Моурави» // Исторический журнал. 1942. № 8. С. 72–75.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644 (Государственный Комитет Обороны). Оп. 4. Д. 2.
10. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) (1944 г.). Публикация текста, вступление и комментарий к нему подготовила И. В. Ильина // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188–205.
11. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году (Вступительная статья Ю. Н. Амиантова) // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–77.
12. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 82–112.
13. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 47–77.
14. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 70–87.
15. Александров Г. Ф. О некоторых задачах общественных наук // Большевик. 1945. № 14. С. 12–23.
16. Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 134–140.
17. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. М. : РОССПЭН, 2011. 470 с.
18. Багиров М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13. С. 21–37.
19. Добренко Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). С. 254–288.
20. Кедров Б. М. Как создавался наш журнал. Вопрос о новом журнале на философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 92–103.
21. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 134–146.
22. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Собрание сочинений : в 13 т. М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 290–367.
23. Юрганов А. Л. О первом опыте десталинизации в философском объяснении «национального вопроса» (1957 год). Предисловие к архивной публикации // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 1. С. 138–157. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-1-138-157>

Поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–311
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–311
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-305-311>, EDN: AKMYBE

Научная статья
УДК 353.2.072.6(470.44)|19|

Формирование органов советского контроля (1926–1934 годы)

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов власти в направлении поиска приемлемой модели организации контроля в обществе советского типа. На материале архивных источников проанализированы приемы, методы и технологии, связанные с вовлечением трудящихся в работу Рабоче-Крестьянской Инспекции и выстраиванием всей системы функционирования контрольных ведомств. Показано, каким образом подобная практика согласовывалась с курсом ВКП (б) и Советского правительства, трудности и противоречия, препятствовавшие вовлечению граждан в управление государством в условиях нарастающих внутривластных противоречий.

Ключевые слова: Советская власть, социалистическая демократия, контроль, ревизия, Рабкрин, госаппарат

Для цитирования: Митрохин В. А. Формирование органов советского контроля (1926–1934 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-305-311>, EDN: AKMYBE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation of Soviet control bodies (1926–1934)

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Abstract. The article considers the activities of the authorities in the direction of finding an acceptable model for the organization of control in a Soviet-type society. Based on archival sources, methods and technologies related to the involvement of workers to the work of the Workers' and Peasants' Inspectorate and the construction of the entire system of functioning of control departments are analyzed. It is also shown how such a practice was coordinated with the course of the CPSU (b) and the Soviet government, difficulties and contradictions that prevented the involvement of citizens in the management of the state in the face of growing internal party contradictions.

Keywords: Soviet power, socialist democracy, control, audit, Rabkrin, state apparatus

For citation: Mitrokhin V. A. Formation of Soviet control bodies (1926–1934). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–311 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-305-311>, EDN: AKMYBE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Важным направлением работы в условиях радикальной трансформации российского общества и преодолению системного кризиса в 1917 г. явился учет и контроль за количеством труда и распределением продуктов. Ленинские идеи об учёте и контроле нашли свое нормативное отражение в одном из первых декретов Советской власти – «Положении о рабочем контроле» от 14 ноября 1917 года.

Само по себе введение рабочего контроля над производством и распределением товаров и финансовой стороной деятельности предприя-

тия обосновывалось интересами «планомерного регулирования народного хозяйства», поддержания порядка, дисциплины и охраны имущества. Организационно рабочий контроль представлял собой централизованную систему выборных органов, при этом функции низовых звеньев выполняли заводские и фабричные комитеты, советы старост. Их решения имели обязательную силу для владельцев предприятий и учреждений всех форм собственности. [1, л. 9]

Тема формирования системы контроля за мерой труда и потребления получила дальнейшее

развитие в создании Центральной контрольной комиссии. Декрет об её образовании, за подписью главы Совнаркома В. И. Ленина, был издан 18 (31) января 1918 г. Так же были созданы учётно-контрольные коллегии местных Советов и выборные контрольные комиссии в учреждениях и на предприятиях.

По сути, это были первые шаги в направлении создания единых органов контроля Советского государства с непосредственным участием в них трудящихся. Этот подход («орачивания» и «окрестьянивания») нашёл своё дальнейшее развитие в создании Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) и преобразовании, некоторое время существовавшего, наркомата государственного контроля.

Следует отметить, что приобщение трудящихся к контролю, а по сути – управлению хозяйством, в полной мере согласовывалось с установкой классиков марксизма на завоевание демократии и осуществления народовластия [2, с. 446].

Эти идеи нашли дальнейшее теоретическое и практическое продолжение в деятельности первого главы правительства (Совнарком), создателя Советского государства В. И. Ленина. С его точки зрения, только коммунизм в будущем в состоянии обеспечить полную демократию [3, с. 90].

Как нам представляется, создание Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) в 1920 г., упорная работа по её совершенствованию в последние годы, является классическим примером организационного и институционального воплощения идеи народовластия в процессе государственного строительства [4, с. 451–458].

При всех трудностях и противоречиях, какие имели место в процессе выстраивания контрольной системы, в первой половине 1920-х годов в стране, по большей части, удалось сформировать основы организации и функционирования контроля. Тем не менее, сложившийся порядок не в полной мере отражал запросы динамично развивавшегося народного хозяйства.

5 ноября 1926 г. главой Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР стал Григорий Константинович Орджоникидзе. Новый нарком придерживался позиции пересмотра Положения о Народном Комиссариате (НК) РКИ в сторону расширения его прав и полномочий с соответствующим юридическим закреплением.

Первым шагом в этом направлении стали подготовленные ЦКК и РКИ зимой 1927 г. и представленные вскоре на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП (б) так называемые «Предложения ЦКК-РКИ» [5, л. 138]. В них намечалось в рамках усиления режима экономии, борьбы с бесхозяйственностью, бюрократизмом и волокитой предоставить Наркомату РКИ полномочия наложения дисциплинарных взысканий (вплоть до придания виновных суду), а также устранения и увольнения должностных лиц. Инициатива

была поддержана руководством партии. 3 марта 1927 г. документ был рассмотрен и утверждён на заседании Политбюро ЦК ВКП (б).

Было решено, что теперь, наряду с требованиями упрощения отчётности, сокращения ряда органов, представительств и штатов, решения Рабкрина в указанных областях управленческой деятельности «являются для ведомств и госпредприятий окончательными и подлежащими исполнению» [5, л. 138].

Обращает на себя внимание кадровая сторона вопроса «Предложений ЦКК-РКИ». Предполагались строгие меры воздействия, в том числе, в отношении членов партии. В случае нарушения законодательства и требований «революционной законности» предлагалось не просто ограничиваться выговорами и предупреждениями, а карать «незвизывая на лица».

В случае несоответствия члена партии предъявляемым требованиям, совершения им неблагоприятных проступков применялись разные формы наказания, включая исключение из рядов ВКП (б).

Судя по представленным архивным данным РГАНИ, руководством осуществлялся постоянный мониторинг состава партии, включая характеристику исключённых с подробным описанием характера проступков

Повышенные требования и внимательное отношение к морально-этическим качествам членов партии с учётом данного этапа социалистического строительства, являлось знаковой характеристикой кадровой политики в 1920-е гг. [5, л. 45].

В п. 6 документа под названием «Предложения ЦКК-РКИ» Комиссии по революционной законности предлагалось изыскать возможности для «наиболее близкого сотрудничества РКИ и органов юстиции, а также мерах по усилению состава судебно-следственных органов». В этой связи 3 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП (б) поручило руководству Рабкрина в десятидневный срок довести изменённый проект «Положения об РКИ» до Советского правительства.

Работа над ним вылилась в принятие 4 мая 1927 г. Постановления ЦИК и СНК СССР «О расширении прав Рабоче-Крестьянской инспекции», согласно которому роль РКИ в управлении социалистическим строительством принципиально изменилась. Его структуры получили право принимать обязательные для всех учреждений и предприятий постановления об упрощении отчётности, ликвидации ненужных органов и представительств, сокращения штатов, изменения структуры, о наложении дисциплинарных взысканий, а также об отстранении от работы и увольнении должностных лиц за явную бесхозяйственность.

Более того, в соответствии с директивами XIII съезда ВКП (б) ЦКК-РКИ направляла и координировала контрольную деятельность всех

Статистика исключения членов партии из ВКП (б) за общественно порицаемые проступки (1923–1924 гг.)

Название проступка	Абсолютное число исключённых	% исключённых к числу привлечённых в 1924-м году	% исключённых к числу привлечённых в 1923-м году
Склока	127	17,8	21,4
Пьянство	1585	28,6	36,4
Исполнение религиозных обрядов	382	50,3	72,4
Нарушение партдисциплины	1167	28,7	43,4
Хозобрастание, нажива, спекуляция	292	51,3	55,2
Преступления по должности	947	91,9	50,5
Уголовные преступления	915	95,3	77,4
Чуждый элемент	629	99,8	86,5
Халатное отношение к служебным обязанностям	240	14,3	Нет сведений
Связь и поддержка отношений НЭПовским и чуждым элементом	161	38,1	Нет сведений

Составлено по: [5, л. 45].

центральных органов государственного управления: Госплана, ЦСУ, Наркома финансов. В 1928 г. НК РКК СССР был уже наделён правом приостанавливать производство контрольной работы в случае установления параллелизма проверок ведомств [6, с. 62].

Ликвидация в 1930 г. округов, введенных в результате административно-территориальной реформы 1920-х гг., и проведение мероприятий по укреплению районного звена управления привели к созданию районных и городских отделов РКК. Система стала более разветвлённой, а низовые органы приблизились к объектам контроля.

На этом этапе деятельности ЦКК-РКК старалась держать курс на сочетание государственного контроля с общественным, поэтому в ее практике появилось много новых форм вовлечения рабочих и крестьян в работу по совершенствованию государственного аппарата. К их числу относились комиссии при фабрично-заводских комитетах, производственные совещания, шефство над учреждениями, соцсовместительство, «лёгкая кавалерия» (к 1930-му г. в работу «лёгкой кавалерии», состоявшей, преимущественно из молодёжи, было вовлечено свыше 250 тысяч человек) [6, с. 66]. Также получили дальнейшее развитие формы, выработанные РКК ранее: группы содействия на предприятиях, в колхозах, совхозах, контрольные посты, участие в работе бюро жалоб.

Тем не менее, вопрос эффективности данного органа, а зачастую дублирования с его стороны деятельности органов непосредственного управления народным хозяйством, не потерял своей актуальности. К этому выводу подталкивают

сохранившиеся архивные материалы, в частности развернувшаяся в конце тридцатых годов полемика между главой РКК РСФСР Никифоровым Ильичём Ильиным (30.09.1925–10.03.1934) и заместителем председателя СНК РСФСР, секретарём ЦК ВКП (б) Александром Петровичем Смирновым.

Последний обвинил руководство наркомата во «вмешательстве в вопросы, уже решённые СНК, которое внесло ненужную волокиту и запутало дело» [5, л. 166]. В своём письме в инспекцию А. П. Смирнов указывал, что НК РКК РСФСР, вопреки Постановлению Правительства от 27 июля 1927 г., занялся работой по установлению штатов центральных аппаратов, в результате чего работа ведомств была затруднена.

В свою очередь Н. И. Ильин утверждал, что подобное обвинение не только вытекало из неправильного толкования прав и обязанностей РКК, но и «является завершением ряда действий, направленных к урезанию прав РКК, умалению её значения и авторитета» [5, л. 158]. Например, она просматривались в Постановлении СНК РСФСР «О порядке разрешения съездов, созываемых госучреждениями и предприятиями» (15 сентября 1927 г.). РКК была просто отстранена от согласования этих вопросов. Со всей очевидностью та же линия видна в Постановлении от 16 ноября 1927 г., затрагивавшим вопросы установления и изменения отчётности организаций.

В действиях своего оппонента руководитель Рабкрин РСФСР усмотрел попытку препятствовать законным действиям организации

по борьбе с разбуханием штатов в госучреждениях и в первую очередь в центральном аппарате. Последние, писал Н. И. Ильин в своём письме в Политбюро ЦК ВКП (б), «ложатся тяжёлым бременем на государственный бюджет, служат источником развития всех видов бюрократизма». По утверждению Н. И. Ильина борьба с центральными ведомствами за сокращение штатов в 1926/27 хозяйственном году была весьма напряжённой, что являлось не только правом, но и обязанностью Рабкрина. Тем не менее, под давлением республиканского правительства 2 декабря 1927 г. НК РКИ вынужден был принять решение об отказе рассмотрения штатов, «признав неправильность проводимой работы» [5, л. 166]. В своём письме в Политбюро ЦК партии руководитель РКИ Российской Федерации обращается с просьбой «обязать т. Смирнова внести соответствующие изменения в Постановления СНК, в которых урезаются права РКИ» [5, л. 166].

Вопрос о деятельности Правительства РСФСР и правах действительно был поставлен на заседании Политбюро ЦК, о чём свидетельствует выписка из протокола № 5 от 12 января 1928 г. Однако в постановляющей части документа сделана лишь одна запись – «отложить» [5, л. 157].

Соперничество руководства Рабкрина РСФСР и Правительства республики по-своему отразилось в Постановлении СНК № 360 от 8 апреля 1932 г., принятого по докладу НК РКИ «О состоянии контроля за выполнением директив партии, правительства и оперативных планов ведомственными, центральными учреждениями и организациями РСФСР». В этом постановлении указано, что надлежащий уровень организации контроля и проверки исполнения не был обеспечен, «нередко контроль сводится к бумажной констатации отдельных недочётов без их устранения и принятия мер, обеспечивающих своевременное исполнение директив партии и решений правительства» [5, л. 180].

Совет Народных Комиссаров РСФСР постановил «осуществить коренную перестройку работы органов проверки исполнения и методов их работы». Было предложено не позднее 15 апреля 1932 г. привести организацию контроля в полное соответствие с постановлениями Совнаркома от 23 ноября 1930 г. и 5 мая 1931 г. о состоянии контроля за выполнением правительственных заданий и поручений [5, л. 180]. Предписывалось создать единый контрольный орган в центре и на местах, без «распыления» по разным структурам (НК легкой промышленности, НК просвещения и др.). В декадный срок укрепить сектора проверки исполнения квалифицированными специалистами, которые в своей работе должны поддерживать постоянную связь с общественными, профессиональными, шефскими и другими организациями.

В п. 3 Постановления было записано предложение «применять более решительные меры дисциплинарного воздействия в отношении учреждений и лиц, не исполняющих в срок директивы партии и правительства» [5, л. 180].

Жёсткой критике предшествующая работа Рабкрина подверглась со стороны нового наркомата РКИ СССР Я. Э. Рудзутака, вступившего в должность 9 октября 1931 г. Им было разослано письмо под грифом «секретно» республиканским, краевым и областным структурам КК-РКИ с исчерпывающим анализом положения дел в контрольных органах. На этот раз основной акцент был сделан на ситуацию на местах. Указывалось, что органы КК-РКИ «не показали себя органами действительной проверки выполнения директив партии и правительства... в ряде случаев не проявили необходимой чуткости к жалобам трудящихся... не реагировали на извращения линии партии и болезненные явления в парт-организациях» [5, л. 176]. В качестве примера приводилась деятельность контрольных органов Томского сельского района, которые проявили полное равнодушие к ликвидации ряда колхозов и передачи обобществлённого имущества в распоряжение совхозов под видом их укрепления.

«Бездействие и близорукость» КК-РКИ, по мнению нового руководства наркомата, проявляются в реакции этих органов на невыполнение взятых обязательств колхозами и совхозами в целом ряде регионов страны (Украина, Урал, Татария, Казахстан, Западная Сибирь).

Представители ряда контрольных органов, как показали проверки, закрывали глаза на очевидные факты разложения верхушки местной власти. Факты хищения, семейственности, самоснабжения, пьянства обнаружены в Московской области, Нижегородском крае, Белоруссии и других местах. На основании представленных фактов был сделан вывод о том, что «организационное руководство районным звеном поставлено неудовлетворительно» [5, л. 177].

В данном письме НК РКИ СССР по пунктно представлена система мер для исправления сложившегося положения на местах. Акцент был сделан на привлечение неравнодушных граждан, партийных активистов и групп содействия.

О сботах и трудностях в организации работы РКИ свидетельствуют документы эпистолярного жанра. Один из них сохранился в фондах РГАНИ. Это письмо рабочего (фамилия, к сожалению, не указана) одного из Московских заводов, адресованное лично Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И. В. Сталину [7, л. 6]. Автор письма, как утверждалось, «после долгих раздумий» решил поделиться своими впечатлениями о работе в одной из структур Рабоче-Крестьянской Инспекции. Основной своей задачей, на первоначальном этапе, он видел оказание помощи «в борьбе с бюрократизмом, волокитой и искривлениями классовой линии». Вместе со своими

товарищами принял участие в обследовании ряда московских предприятий (в частности, в рамках кампании по мобилизации металлоресурсов), трудился в аппарате бюро жалоб РКИ и стремился содействовать решению проблем трудящихся на основании «многочисленных жалоб и предложений», руководствуясь ленинской формулой «не только ловить, но и уметь исправлять».

Однако, по мнению рабочего, вся эта деятельность, осуществляемая, как правило, после трудовой смены, не находила поддержки как со стороны партийной, так и профсоюзной организаций – «работа в БЖ РКИ не считалась общественной нагрузкой и рассматривалась как добровольное занятие» [7, л. 6]. Далее автор письма утверждал следующее: «Многие из нас, работая в качестве общественных инспекторов, несут по две-три нагрузки на самом предприятии. При этом мы с большим трудом добиваемся того, чтобы ячейка или завком поставили наш отчёт о работе в РКИ... Такое отношение не только отбивает охоту по-настоящему работать, но и препятствует притоку новых добровольцев» [7, л. 6].

Несмотря на нарисованную довольно удручающую картину, в этом послании И. В. Сталину присутствовала некоторая доля оптимизма и отсылка к «ленинской традиции» – «сейчас, по инициативе М. И. Ульяновой, мы приступили к проведению Всесоюзного пятидневника по усилению работы Бюро жалоб». Письмо заканчивалось пламенным призывом: «Просим тебя, как вождя ленинской партии, стоящего на страже заветов Владимира Ильича и знающего отношение Ленина к работе масс в РКИ, сказать своё веское слово, помочь нам устранить трудности, дать возможность максимально проявить стремление к борьбе за лучший советский аппарат и быстрейшую ликвидацию в нём нравов и обычаев старого чиновничества» [7, л. 6].

Как нам представляется, появление письма, адресованного лидеру партии и государства от имени «простого рабочего» было продуманной, организованной акцией и являлось не только отражением партийной борьбы в высшем эшелоне власти, но и проявлением неудовлетворённости части партийной и советской номенклатуры качеством и эффективностью разветвлённого и трудноуправляемого аппарата.

Конечно, претензии к организации работы РКИ на местах, изложенные в письме-обращении, были небезосновательны и в определённой степени отражали сложившуюся ситуацию в сфере контроля. Тем не менее, само письмо, вызвавшее живую реакцию в высшем эшелоне власти, можно рассматривать в качестве шага на пути дискредитации, а в дальнейшем упразднения сложившейся в 20-е годы контрольной системы с её широким народным представительством.

В начале 1932 г., наряду с острейшим вопросом хлебозаготовок, неожиданно остро встала

проблема расширения ассортимента и доступности для населения товаров широкого потребления. С идеей энергичнее привлекать к этой работе ЦКК-РКИ выступил сам И. В. Сталин. Вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК 10 апреля 1932 г. (выписка из протокола № 95). В предложениях, озвученных Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) на заседании, было отмечено, что «основная задача состоит в том, чтобы проверять изо дня в день исполнение решений центра о ширпотребе, развитии советской торговли, улучшении кооперативных и государственно-торговых организаций, развёртывании областных товарных баз Центросоюза» [7, л. 181].

Помимо этого, в директиве, которую Сталин предложил подготовить для местных органов ЦКК-РКИ, особый акцент предлагалось сделать на осуществлении грамотной политики цен. В решении Политбюро подчёркивалось, что по тому, как будет осуществляться эта работа, «будет проверяться дееспособность местных органов ЦКК-РКИ. В случае плохой работы в этой области они будут переизбираться» [7, л. 181].

Реакция главы РКИ Я. Э. Рудзутака на это решение не заставила себя долго ждать. В архиве сохранилась сделанная рукой записка наркома, адресованная лично Сталину и датированная 11 апреля 1932 г. В ней Я. Э. Рудзук просит просмотреть и поправить проект директивы РКИ по товарообороту, который сам оценивал как «не очень удовлетворительный». Также нарком извещает адресата (обращаясь, при этом, к нему на «ты») о планах срочного созыва совещания работников ЦКК-РКИ «чтобы растолковать, как следует, значение этого решения» [7, л. 183].

Проект директивы, адресованной республиканским, краевым, областным и районным КК-РКИ, с авторскими пометками И. В. Сталина, также сохранился в фондах Российского государственного архива новейшей истории. На этот раз «основной задачей» была обозначена «проверка решений партии и правительства, направленных на повышение материального благосостояния широких рабочих и колхозных масс». Контрольным органам, со ссылкой на решения XVII партийной конференции ВКП (б), было предложено «решительно перестроить свою работу, сосредоточив главное внимание на всемерном увеличении рыночных фондов ширпотреба и развитии советской торговли» [7, л. 184]. Также был предложен ряд мер, направленных на улучшение товарооборота за счёт мобилизации местных ресурсов, развёртывание колхозных базаров, развитие сети пошивочных и ремонтных мастерских.

В документе достаточно подробно проанализированы проблемы, имевшие место в этой сфере: длительное «залеживание» товарных масс, разбазаривание фондов снабжения различными учреждениями и предприятиями под видом

нужд государственного потребления, неудовлетворительное выполнение планов отгрузки товаров, что имело следствием замораживание товарооборота. Указывалось на значительные злоупотребления в торгово-кооперативной сети: нарушение установленных цен, обмер и обвешивание потребителей, подмена сортности, а также прямое хищение товаров с последующим сбытом по спекулятивной цене.

Контрольной Комиссии и НК РКИ вменялось проанализировать работу целого ряда наркоматов (лёгкой, пищевой, лесной промышленности) с позиции «выполнения планов производства предметов широкого потребления» и принять необходимые меры для расширения производства. Обращалось внимание не только на количественные показатели, но и качество продукции.

Особым направлением работы контрольных органов должна была стать «борьба с замораживанием товарооборота». Для этого предлагалось отслеживать выполнение планов отгрузки товаров для промышленных центров, сельскохозяйственных районов и их доведение до потребителей. Основной путь насыщения рынка товарами виделся в развёртывании оптовой и розничной сети (особенно в рабочих районах). С этой целью предлагалось не только максимально расширить и разнообразить торговую сеть (магазины, лавки, ларьки), но и добиваться улучшения качества обслуживания потребителей. В п. 4 проекта «Директивы» указывалось на необходимость изжития очередей, устранения грубости, соблюдения чистоты и т. д. Контрольные органы также должны были нацелены на пресечение незаконного явного и скрытого повышения цен, отслеживание выполнения норм установленных торговых накидок, искоренение всех возможных способов обмана потребителей [5, л. 186].

К сожалению, предпринимавшиеся попытки изыскать новые направления в работе РКИ, «придать новое дыхание» и задействовать всю её разветвлённую систему для решения очередных задач социалистического строительства успехом не увенчались. К началу 30-х годов Рабоче-Крестьянская Инспекция представляла собой гигантски разросшуюся, разнородную и трудноуправляемую структуру с недостаточным уровнем подготовки специалистов-контролёров, а в связи с этим – низкой эффективностью проводимой работы. Собственно, на всё это и указывал в уже упоминавшемся секретном письме, больше напоминающем приговор, Я. Э. Рудзутак. Документ был адресован республиканским, краевым и областным структурам РКИ. Касаясь организации работы КК-РКИ на Украине, Урале, в Казахстане, Татарии, Западной Сибири глава комиссариата отмечал «неудовлетворительное руководство контрольной деятельностью, особенно на районном уровне» [5, л. 176–177].

О трудностях на местах свидетельствуют и документы ГАРФ – переписка руководящих органов с местными организациями РКИ [8, л. 275–276].

В 1934 г. НК РКИ упраздняется. Вместо единого органа государственно-общественного контроля создаются Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) и Комиссия советского контроля при СНК СССР. Некоторая связь между этими органами ещё сохранялась. В соответствии со ст. 3 и 4 Положения о Комиссии советского контроля (далее КСК) необходимо было проводить работу в «тесном контакте» с Комиссией партийного контроля [6, с. 67]. Однако создание новых структур, по сути, означало упразднение единого государственно-общественного контроля.

Новая социально-политическая реальность естественным образом привела к завершению и имевшего место соперничества между руководством СНК РСФСР и НК РКИ, что нашло своё отражение в Постановлении Российского ЦИК и Совета Народных Комиссаров РСФСР «О ликвидации Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР, его местных органов и комиссий исполнения при СНК РСФСР, краевых и областных исполкомах».

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1934 г. об образовании Комиссии Советского Контроля при СНК СССР постановили:

1. Народный Комиссариат РКИ РСФСР и его местные органы считать упразднёнными.
2. Комиссию Исполнения при СНК РСФСР и комиссии исполнения при СНК АССР, облисполкомах автономных областей, краевых и областных исполкомах – упразднить.
3. Аппарат НК РКИ РСФСР, его местных органов и комиссий – расформировать.
4. Предложить СНК РСФСР в месячный срок внести в действующее законодательство РСФСР изменения [5, л. 204].

Новая система организации советского контроля теперь представляла собой централизованную сеть органов, низовыми звеньями которой были уполномоченные в союзных и автономных республиках, краях и областях, утверждавшиеся СНК СССР. Положением о Комиссии советского контроля 1934 г. фактически отменялась сложившаяся разветвлённая сеть групп содействия органам государственного контроля, а тем самым и «романтический» период приобщения трудящихся к управлению государством завершился.

С трудом налаженная за первые годы социалистического строительства сеть взаимосвязи власти и народа была разрушена. Теперь полномочия в осуществлении контрольных функций в стране передавались группе зависимых от центральной власти чиновников, по-своему, в меру имевших место образованности и культуры, истолковывавших «волю народа». Был определён

особый порядок формирования кадрового состава комиссии советского контроля. Председателем комиссии назначался один из заместителей главы СНК. Кандидатура главы комиссии, так же, как и его заместитель, утверждались совместным постановлением ЦИК и СНК СССР.

В отличие от ЦКК и РКИ новое контрольное ведомство занималось сугубо проверкой исполнения решений власти. Какое-либо влияние на аппарат, ранее осуществляемое, например, с помощью групп содействия органам контроля, теперь исключался.

Некоторая связь с общественностью поддерживалась за счёт сотрудничества с комиссиями Советов. Статья 17 «Положения» обязывала привлекать к контрольной деятельности профсоюзы, ВЛКСМ, инженерный, колхозный актив, однако новая редакция «Положения о комиссии Советского контроля» ещё в большей степени ограничила возможности привлечения трудящихся к управлению государством в сфере контрольной деятельности.

В архивных фондах РГАНИ сохранились документы, которые частично проливают свет на кадровую политику руководства страны в этой сфере. Состав членов комиссии Советского контроля решением ЦК ВКП (б) и СНК СССР был определён в количестве 45 человек. Первые 35 кандидатов были утверждены 5 ноября 1939 г. В отношении оставшихся решение было принято 29 февраля 1940 г. [9, л. 159].

В справке КСК на имя Председателя правительства В. М. Молотова и секретаря ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкова указан состав «новобранцев» контрольного ведомства с характеристиками на каждую персону и просьбой об утверждении. Как видно из документа, комиссия советского контроля пополнялась профессиональными экономистами, курировавшими в качестве уполномоченных КСК или контролёров разные сферы народного хозяйства по линии соответствующих наркоматов: Масленников И. Ф. – НК юстиции, Черняк М. К. – НК связи, Жуков В. К. – НК электропрома, Мосесов З. А. – НК морфлота и т. д. [9, л. 159; 10].

Подводя итог, отметим, что во второй половине 1920-х – начале 30-х гг. в сложившейся ещё в начале десятилетия контрольной системе наметились изменения. Несмотря на все попытки её усовершенствования, наделения управленческих структур РКИ большими полномочиями, её эффективность оставляла желать лучшего. Вопрос радикальной реорганизации рабоче-крестьянской инспекции буквально витал в воздухе

и являлся предметом жарких дискуссий в коридорах власти. В конечном итоге это привело к ликвидации единого контрольного механизма и разделению его на партийный и советский.

Решение, принятое руководством страны в 1934 г., хоть и способствовало большей «профессионализации» контрольных структур, насыщению их специалистами, однако, не сильно сказалось на их эффективности. А вот социальные последствия упразднения РКИ были очевидны. Прекратила существование разветвлённая периферийная сеть групп содействия народному контролю, вбиравшая в себя тысячи активистов по всей стране и формировавшаяся на протяжении более десяти лет. В конечном итоге, принятое решение значительно ограничило возможности привлечения граждан к управлению государством в сфере контроля и привело к дальнейшей бюрократизации контрольных структур.

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 19 (Протоколы СНК РСФСР). Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 30 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
3. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 3–120.
4. Митрохин В. А. Становление народного контроля в Советской России: социально-политическая практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 451–458. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-451-458>
5. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК, органы контроля ЦКК-НК, партийно-государственный контроль, комитет партийного контроля (1919–1966). Оп. 55. Д. 3.
6. Народный контроль в СССР / [Отв. ред. В. И. Туровцев] ; АН СССР. Ин-т государства и права. М. : Наука, 1967. 284 с.
7. РГАНИ. Ф. 3 Оп. 55. Д. 10.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4085 (Переписка Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции с местными отделами РКИ). Оп. 1 а. Д. 1017.
9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 12.
10. РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953)). Оп. 1. Д. 1978.

Поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 28.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 312–318

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 312–318

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-312-318>, EDN: CTDFVE

Научная статья

УДК 355.24(571.17)|1941/1945|

Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны

Е. Ю. Стародубцев

Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

Стародубцев Евгений Юрьевич, ассистент кафедры истории России, starodubtsev.ewgenij@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5355-8520>, AuthorID: 1173507

Аннотация. В статье рассматривается процесс эвакуации промышленных объектов и гражданского населения на территорию Кемеровской области – Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Приводится информация о количестве эвакуированных предприятий; уточняются места их размещения до и после перебазирования. Выделяются крупнейшие промышленные объекты Кузбасса, которые были созданы еще до начала войны и являлись производственными площадками для введения в строй оборудования прибывших заводов. Эвакуация гражданского населения в большинстве случаев происходила в четкой зависимости от перебазирования промышленных объектов. В связи с этим поднимается вопрос о численности эвакуируемых как в целом по области, так и по отдельным городам и районам. На основании этих статистических данных приводится процентное соотношение числа эвакуированных к общему количеству населения. Обращение к архивным документам, позволило уделить внимание аспектам, связанным с процессом эвакуации: прием и размещение граждан, медицинское и бытовое обслуживание, трудоустройство. Освещаются трудности, с которыми пришлось столкнуться эвакуированным, а также способы их решения.

Ключевые слова: эвакуация, промышленность, предприятия, население, Кузбасс, Великая Отечественная война, тыл

Для цитирования: Стародубцев Е. Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 312–318. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-312-318>, EDN: CTDFVE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Evacuation of industry and civilian population to the territory of Kuzbass during the Great Patriotic War

E. Yu. Starodubtsev

Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russia

Evgeniy Yu. Starodubtsev, starodubtsev.ewgenij@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5355-8520>, AuthorID: 1173507

Abstract. The paper examines the process of evacuation of industrial facilities and civilian population to the territory of the Kemerovo region – Kuzbass during the Great Patriotic War. The author provides information on the number of evacuated enterprises, and also clarifies their locations before and after the relocation. The largest industrial facilities in Kuzbass are highlighted, which were created even before the start of the war and were industrial sites for the commissioning of equipment from arriving factories. The evacuation of the civilian population in most cases occurred in clear dependence on the relocation of industrial facilities. In this regard, the author raises question about the number of evacuated citizens, both in the region as a whole and in individual cities and districts. Based on these statistics, it gives the percentage of the number of evacuees to the total population. In addition, based on archival documents, the author pays attention to aspects related to the evacuation process: reception and accommodation, medical and consumer services, employment. Also, the work highlights the difficulties that evacuated citizens had to face, as well as ways to solve them.

Keywords: evacuation, industry, enterprises, population, Kuzbass, Great Patriotic War, rear

For citation: Starodubtsev E. Yu. Evacuation of industry and civilian population to the territory of Kuzbass during the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 312–318 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-312-318>, EDN: CTDFVE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Великая Отечественная война является одним из переломных событий истории нашей страны. В связи с оккупацией значительной части западных территорий ключевой задачей советского руководства становится сохранение промышленного потенциала государства. Практически сразу после начала боевых действий выходят постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР о создании Совета по эвакуации [1, л. 67] и Государственного Комитета Оборона № 99 об эвакуации промышленных предприятий [2, л. 39–51].

Территория Кузбасса сразу после начала Великой Отечественной войны стала центром принятия промышленных объектов и гражданского населения. Это было обусловлено выгодным географическим положением региона, а также наличием площадок, пригодных для размещения заводского оборудования.

В начале войны Кемеровская область еще не являлась самостоятельной административной единицей, выделение региона из состава Новосибирской области произойдет только 26 января 1943 г. Причиной этому послужит в том числе процесс эвакуации промышленных объектов и гражданского населения на территорию области.

Проблема эвакуации в Кузбасс находит свое отражение в историографии. В работах Н. П. Шуранова на основе богатого архивного материала освещается деятельность Кузбасса как тылового региона в годы Великой Отечественной войны. Автор рассматривает размещение эвакуированных предприятий на территории области, приводит данные о количестве эвакуированных [3, 4]. Многочисленные исследователи подробно рассматривают связь Кузбасса и Донбасса в годы войны, уделяя пристальное внимание процессу эвакуации предприятий [5, 6].

Однако работы, затрагивающие вопросы эвакуации гражданского населения на территорию региона, практически отсутствуют. Л. И. Снегирёва в своих трудах рассматривает различные аспекты, связанные с эвакуированными, уделяет внимание вопросам приема и размещения, трудоустройства, санитарно-медицинского обслуживания данной категории населения на территории Западной Сибири, при этом упоминая и Кузбасс [7–10]. В работе И. Ю. Ускова анализируется эвакуационный процесс на примере г. Кемерово, приводятся данные по количеству эвакуированных, размещенных в областном центре [11].

Стоит отметить, что данная проблема на примере Кузбасса раскрыта недостаточно. Для комплексного изучения событий Великой Отечественной войны и вклада Кузбасса в победу необходимо уделить внимание процессу эвакуации промышленных предприятий и гражданского населения.

Первоначально стоит обратиться к процессу эвакуации промышленных объектов на территорию региона.

Больше всего эвакуированных предприятий принял г. Кемерово. В общей сложности в городе было размещено оборудование 38 эвакуированных производств, в большинстве своем связанных с химической и оборонной промышленностью [3, с. 48–50]. Например, на площадке Кемеровского коксохимического завода разместились оборудование 16 коксохимических заводов из оккупированных территорий, а также Воронежского завода № 2 [3, с. 50].

Отдельно стоит выделить предприятия оборонной промышленности. В столицу региона были эвакуированы следующие заводы: № 510 из г. Ногинск, № 6 из г. Ржев, № 9 из г. Шостка, № 20 из г. Рубежное, № 64 (частично) из г. Горловка, № 187 из г. Тула, № 323 из г. Алексин и др. [12, с. 322]. Помимо этого, в городе разместились анилинокрасочный, электромеханический, салициловый заводы, а также подковно-гвоздильные цехи предприятия «Красный металлист» из Ленинграда [3, с. 49].

Процесс эвакуации промышленных объектов затронул многие города Кузбасса, не стал исключением и г. Сталинск (ныне Новокузнецк), который еще до войны стал крупным индустриальным центром СССР, в первую очередь благодаря строительству и функционированию гиганта черной металлургии – Кузнецкого металлургического комбината (КМК).

На КМК разместились оборудование следующих предприятий: «Красный Тигель» из г. Луга, «Днепроспецсталь» из г. Запорожье, машиностроительные заводы из г. Славянск и г. Дебальцево, литейно-механические предприятия из г. Серго и г. Славянск, завод им. К. Либкнехта, Ново-Макеевский и Мариупольский коксохимические заводы Донбасса [13, л. 16].

В Сталинск прибыло оборудование ферросплавного и алюминиевого предприятий из г. Запорожье, а также цементные заводы из г. Днепропетровска и г. Орджоникидзе [4, с. 34]. За годы войны в городе, в том числе благодаря эвакуационному процессу, были созданы заводы: металлоконструкций, алюминиевый, ферросплавный, машиностроительный, цементный, а также существенно расширен Кузнецкий металлургический комбинат [14, с. 151–152].

В Прокопьевск было эвакуировано оборудование четырех предприятий: цехи машин постоянного тока электромеханического завода из г. Харьков [15, л. 1], «Мотор» из г. Воронеж, табачная фабрика им. Урицкого из г. Ленинград, а также механический завод из г. Красный Луч [3, с. 52].

Помимо Кемерово, Новокузнецка и Прокопьевска, эвакуированное оборудование было размещено в Ленинск-Кузнецком (заводы: «Красный Октябрь» г. Харьков, «Мосэлемент» и фи-

лиал оптико-механического завода, который был перебазирован в г. Новосибирск), Анжеро-Судженске (заводы: «Свет шахтера» г. Харьков, «Красный металлист» г. Конотоп, два стекольных, химико-фармацевтический, а также часть оборудования Московского салицилового завода), в Киселевск (заводы: «Красный Луч» г. Таллин, судоремонтный г. Рутченково, № 70 им. Владимира Ильича г. Москва), в Белове (заводы: «Укрцинк» г. Константиновка, № 843 г. Коломна, киноаппаратуры г. Одесса), в Топки (Завод противопожарного оборудования г. Ливны), и Юрге (заводы: № 232 «Большевик» г. Ленинград, «Баррикады» г. Сталинград). Также на территории поселка Промышленная было размещено оборудование завода «Спецмашдеталь» г. Киев и колодочно-каблукная фабрика из этого же города [3, с. 52–54]. В общей сложности, в Кузбасс было эвакуировано 81 предприятие (или отдельные цехи) из западных районов страны [5, с. 115].

Помимо промышленных объектов, в регион прибывали и эвакуируемые. В первые месяцы войны эвакуацию населения осуществляло Переселенческое управление при СНК СССР. Однако в связи с огромными трудностями, которые сопровождали эвакуационный процесс, 26 сентября 1941 г. было принято решение создать специальное Управление при Совете по эвакуации. В его структуру входило несколько отделов: эвакуации, трудоустройства, бытового обслуживания, Центрально-справочное бюро [12, с. 20].

На 1 апреля 1943 г. в Кузбассе были размещены 212 541 эвакуированных граждан, что являлось максимальным показателем за период Великой Отечественной войны. В городах проживали 128 650 чел., в сельской местности – 83 891 чел. [16, л. 117].

По архивным документам можно проследить численность населения по городам и районам области на 1 января 1943 г. Данные представлены в таблице.

Анализируя данные по численности населения (см. таблицу), стоит обратить внимание на то обстоятельство, что процент эвакуируемых в некоторых городах является довольно высоким: Анжеро-Судженск – 17%, Киселевск – 22%. Абсолютным лидером является г. Осинники, где процент эвакуированного населения от общего числа горожан составил 55%. Однако на 1 января 1943 г. крупнейшими городами Кузбасса остаются Сталинск с населением 196 847 чел. (11% эвакуируемых), Кемерово – 180 291 чел. (12% эвакуируемых) и Прокопьевск – 128 621 чел. (12% эвакуируемых). Из районов с высоким процентом эвакуированного населения можно отметить Юргинский – 15%, Киселевский – 14%, Прокопьевский – 13%. В целом по области эвакуируемые составляли 11% от общего числа жителей.

Помимо статистических данных, важной является информация о приеме и размещении

эвакуируемых на новых территориях, а также вопросы трудоустройства, медицинского и бытового обслуживания данной категории населения.

В городах Сибири после начала Великой Отечественной войны стали готовиться к принятию эвакуируемых. Например, решением № 48 Кемеровского горисполкома был организован остановочный пункт для временного размещения прибывающих эвакуированных граждан (для прохождения санобработки). Для его организации было выделено помещение, принадлежавшее горздравотделу, подготовлена встреча эвакуируемых на вокзале и осуществлена их транспортировка до остановочного пункта [18, л. 233].

Из докладной записки о результатах проверки состояния эвакуированного населения в столице Кузбасса (от 12 декабря 1941 г.) известно, что эвакуируемые стали прибывать в город с июля 1941 г. Горисполком не принял соответствующих мер к упорядочиванию этого процесса. Постановлением совещания при Городском исполнительном комитете от 12 августа 1941 г. была выделена пятерка (ответственные лица) по приему. Однако на момент декабря 1941 г. пятерки уже не существовало, и никто за это персонально не отвечал. В результате в горсовете отсутствовал контроль за размещением, трудоустройством и хозяйственным обслуживанием эвакуируемых. Поступающие сведения от местных заводов о наличии прибывшего организованного эвакуированного населения с предприятиями направлялось в статистическое управление. Эти сведения не систематизировались и соответствующих выводов по ним не делалось [19, л. 13].

В данном документе довольно подробно освещаются вопросы приема и проживания эвакуируемых. Прибывшие эшелоны с эвакуируемыми в ряде случаев не встречали. Отдельные эшелоны с людьми стояли в тупиках до четырех дней. Горячей воды на вокзале не было. Размещение в отдельных случаях проходило в непригодные помещения. Например, прибывшие 10 декабря сотрудники Рубежанского химического комбината размещались временно в цехе завода на земляном полу. Столов, стульев или табуреток, а также воды, как и в большинстве эвакуационных пунктов города, не было. Люди были вынуждены зимой умываться снегом на улице. Только при вмешательстве городского прокурора прибывших переселили в другое место [19, л. 15].

В большинстве помещений, где проживали эвакуируемые, было грязно. Например, в бараках коксохимического завода полы не мылись, отсутствовали умывальники. Люди с вещами лежали с детьми на грязном полу. Имелись жильцы, не связанные с производством. В связи со всеми проблемами необходимо было закрепить персонально ответственное лицо горисполкома по обслуживанию эвакуированного населения. [19, л. 16–19].

Численность населения Кузбасса на 1 января 1943 г.

Города и районы Кузбасса	Всего населения, чел.	Количество эвакуированного населения, чел.	Процент эвакуированных граждан
Анжеро-Судженск	74 800	12 624	17
Белово	61 795	5 058	8
Кемерово	180 291	21 159	12
Киселевск	58 492	12 914	22
Ленинск-Кузнецкий	91 204	14 968	16
Осинники	39 970	21 797	55
Прокопьевск	128 621	15 234	12
Сталинск (Новокузнецк)	196 847	22 187	11
Тайга	33 332	2 617	8
Итого по городам	865 352	128 558	15
Анжеро-Судженский	44 657	3 530	8
Барзасский	32 531	2 558	8
Беловский	38 937	4 095	11
Гурьевский	89 490	5 142	6
Зырянский	26 805	1 963	7
Ижморский	41 644	3 147	8
Кемеровский	43 275	4 040	9
Киселевский	22 302	3 084	14
Крапивинский	30 019	1 791	6
Кузедеевский	66 609	3 704	6
Кузнецкий	38 673	3 743	10
Л-Кузнецкий	42 773	3 489	8
Мариинский	65 838	6 491	10
Мысковский	11 347	476	4
Прокопьевский	31 868	4 005	13
Таштагольский	53 150	980	2
Тисульский	60 887	2 084	3
Титовский	58 722	3 890	7
Топкинский	59 582	5 720	10
Тяжинский	45 341	4 448	10
Чебулинский	28 902	1 804	6
Юргинский	47 219	7 299	15
Яшкинский	52 360	3 008	6
Итого по районам	1 032 931	80 491	8
Всего по области	1 898 283	209 049	11

Составлено по: [17, л. 108].

В декабре 1941 г. в Кемерово заслушивались доклады председателей районных исполнительных комитетов. Бюро горкома отмечало, что плохо был организован точный учет эвакуированных. Размещение эвакуируемых проходило медленно, имели место недостатки в уплотнении населения районов, особенно частного сектора. Городским отделом милиции и начальником паспортного стола не был установлен контроль за пропиской вследствие чего многие занимали

жилплощадь, но нигде не работали. В эвакуационных пунктах отмечалась большая скученность, отсутствовала вода и даже мебель, получили распространение заболевания [12, с. 178–179].

Большое внимание уделялось жилищной проблеме эвакуированного населения. В начале Великой Отечественной войны в городах Кузбасса на одного человека приходилось жилой площади: в Прокопьевске – 3,6 м², Кемерово, Сталинске, Анжеро-Судженске – по 3,1 м², Ленинске-

Кузнецком – 2,45 м² [20, с. 727–728]. В связи с этим на территории области начинается активное строительство жилья для размещения вновь прибывшего населения. В постановлении Сталинского горкома ВКП (б) от 22 октября 1941 г. № 61 говорится о невозможности предоставить жилье эвакуируемым. Для решения данного вопроса бюро горкома обязывало руководителей предприятий построить бараки: директор КМК тов. Белан – 30 бараков, управляющий Куйбышевуголь тов. Утенкова – 10, директор завода «Красный Тигель» тов. Блинова – 2 барака и т. д. В общей сложности должны были возвести 115 жилищ упрощенного типа. Для строительства мобилизовали население города в порядке трудовой повинности, с оплатой работы на общих основаниях [21, л. 104–105].

Под особым контролем были ленинградцы. Примером может служить распоряжение председателя Крапивинского райисполкома от 18 февраля 1942 г., в котором говорится о ненадлежащем отношении к прибывшим жителям. Упоминается колхоз «Красный Герой», где до сих пор данные граждане не были размещены по квартирам, питание не было организовано [22, л. 48].

Из Ленинграда в г. Сталинск в начале февраля 1942 г. было эвакуировано ремесленное училище № 70. Его сотрудники и учащиеся были сильно истощены и нуждались в медицинском обслуживании, питании. Руководство училища халатно отнеслось к делу эвакуации людей. В общей сложности из Ленинграда были вывезены 398 чел. За время эвакуации из них умерли 26 чел., 54 чел. – отстали от эшелонов, 67 чел. были госпитализированы. Антисанитария, отсутствие медицинского обслуживания, плохое питание увеличили заболеваемость и смертность. Трупы выбрасывались из вагонов, акты о смерти не оформлялись [12, с. 222].

На 1 апреля 1943 г. на территории Кузбасса проживали 46 853 чел. из блокадного Ленинграда [16, л. 117].

Отдельным аспектом для изучения обозначенной проблемы являются жалобы эвакуированных. К примеру, к областному прокурору обращались эвакуированные граждане в Юргинский район (Кравченко, Кураева, Иванова и др.). В документе сообщается, что прибыли они из разных областей Советского Союза. У каждого из них по 3–4 детей. Есть семьи командного и рядового состава, мужья на фронте. Дети сидят по 10 дней без хлеба, руководитель колхоза хлеба не давал, ссылаясь, что он нужен для своих колхозников и предлагал обратиться в магазин сельского потребительского общества. Сельпо решило отпустить им по 400 г муки, при этом выдавали ее с большими перебоями. Народ голодал, не было ни картошки, ни капусты, ни молока для детей. Фиксировались случаи смерти от голода. Эвакуируемые были уверены в том, что вышестоящие организации не знали, что происходит

на местах, и просили обратить особое внимание на их положение [23, л. 60].

Медицинское обслуживание также является важной составляющей жизни эвакуированного населения. В целом по Новосибирской области на апрель 1942 г. ситуация следующая: несмотря на количественный рост населения в городах и районах, сеть лечебных учреждений была сокращена, медицинское обслуживание ухудшилось, заболеваемость, особенно связанная с инфекционными болезнями, возросла, увеличились показатели смертности. В некоторых городах медицинское обслуживание было поставлено неудовлетворительно. Например, в г. Осинники вызвать врача на дом было практически невозможно [24, л. 277].

По данным на 20 октября 1942 г., в Гурьевском районе все эвакуированное население подвергалось медицинскому осмотру. Больные немедленно госпитализировались. Санитарную обработку проводили тщательно через баню г. Гурьевска. При расселении предварительно проверялось санитарное и эпидемическое состояние квартир. В течение 21 дня эвакуированные граждане находились под медицинским наблюдением, после чего пользовались медобслуживанием на общих основаниях [25, л. 110–110 об.].

Руководство страны и региона, несмотря на огромное количество проблем, связанных с эвакуационным процессом, все же пыталось контролировать прием и размещение, а также условия проживания эвакуируемых. Так, в Киселевск на 22 сентября 1942 г. прибыли 3 581 чел. Все эвакуированные семьи размещались в домах, обеспечивались основными предметами домашнего обихода, за исключением отдельных семей, прибывших в последнее время, которые обеспечивались в каждом отдельном случае через торговую сеть. Эвакуированным выдавались семена картофеля в количестве 60 т. Дети данных граждан в детские учреждения принимались в первую очередь [25, л. 107–107 об.].

Отдельное внимание уделялось вопросам трудоустройства. По данным на 1 апреля 1943 г., в Кузбассе насчитывалось 106 839 чел. трудоспособного эвакуированного населения. В городах проживали 67 002 чел., в сельской местности – 39 837 чел. Из общего числа были трудоустроены 101 625 чел. При этом в городах в промышленности и транспорте были заняты 57 710 чел., в промкооперациях – 3 390 чел., в прочих учреждениях – 4 360 чел. В районах области 35 185 чел. трудились в сельском хозяйстве, а 970 чел. – в прочих учреждениях [26, л. 118].

Проблему эвакуации гражданского населения на территорию Кемеровской области – Кузбасс до ее выделения из Новосибирской области представляется возможным рассматривать только по отдельным населенным пунктам и районам. Полноценная статистика доступна только

с 1943 г., когда уже начался процесс реэвакуации населения.

Период Великой Отечественной войны был очень значимым для развития Кузбасса. Перевозка предприятий позволило расширить действующие производства, а также создать новые. При этом существенным аспектом является именно эвакуация гражданского населения, поскольку прибывали новые кадры для промышленности, социальной и культурной сфер. Однако самая важная составляющая данного процесса – спасение жизней огромного количества граждан нашей страны.

В общей сложности на территорию Кемеровской области было эвакуировано 81 предприятие (или отдельные цехи). Это вызвало невиданный рост промышленного потенциала региона. Кузбасс стал одним из крупнейших экономических центров страны. При этом происходит и стремительный рост населения, прежде всего связанный с процессом эвакуации гражданского населения в города и районы области. Максимальная численность эвакуированных зафиксирована на 1 апреля 1943 г. – 212,5 тыс. чел, в дальнейшем цифра будет снижаться. На 1 января 1944 г. количество эвакуированных составляло 110,7 тыс. чел., на 1 апреля 1945 г. – 73,9 тыс. чел. [12, с. 322].

Чтобы детально рассмотреть процесс эвакуации гражданского населения на территорию области, недостаточно сухих статистических данных. Гораздо важнее обратить внимание на вопросы приема и размещения, медицинского и бытового обслуживания, трудоустройства эвакуированных. Это позволит полноценно отразить сложность и значимость данного процесса.

Для комплексного изучения истории Кузбасса в годы Великой Отечественной войны необходимо исследовать проблему эвакуации промышленности и гражданского населения как два взаимосвязанных процесса.

Список литературы

1. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О создании Совета по эвакуации» // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903–1991)). Оп. 166. Д. 659.
2. Постановление Государственного комитета обороны от 11 июля 1941 г. № ГКО-99 сс «Об эвакуации промышленных предприятий» // РГАСПИ. Ф. 644 (Государственный комитет обороны СССР (ГКО)). Оп. 1. Д. 2.
3. Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово : Кемеровский государственный университет ; Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 2000. 219 с.
4. Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово : Притомское, 1995. 117 с.
5. Ермолаев А. Н., Зеленин А. А., Овчинников В. А. Кузбасс-Донбасс: из истории взаимодействия регионов в годы Великой Отечественной войны // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2023. № 2 (85). С. 113–119.
6. Баева М. А., Хансанамян З. З. Кузбасс – фронту: Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Scientist (Russia). 2020. № 3 (13). С. 2–9.
7. Снегирёва Л. И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 38–43.
8. Снегирёва Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 201–210.
9. Снегирёва Л. И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в Западно-Сибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 143–156.
10. Снегирёва Л. И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31.
11. Усков И. Ю. Г. Кемерово и эвакуация 1941–1942 гг. // Кузбасс в годы Великой Отечественной войны : материалы областной научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). (Кемерово, 20 июня 2000 г.). Кемерово : ОГУП Кемеровское областное издательство «Притомское», 2000. С. 18–21.
12. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах : в 3 т. Т. 1 : Исход / отв. ред. Л. И. Снегирёва. Томск : Издательство ТГПУ, 2005. 360 с.
13. Государственный архив Кузбасса в г. Новокузнецке. Ф. Р-12 (Территориальный отдел государственной статистики по городу Новокузнецку Кемеровского областного комитета государственной статистики Госкомстата России). Оп. 1. Д. 270.
14. Лукин А. А. Нарастание мощностей тяжелой индустрии в Новокузнецке в период Великой Отечественной войны // Новокузнецк в прошлом и настоящем: материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк : [Б. и.], 1971. С. 149–158.
15. Архивный отдел Администрации г. Прокопьевска. Ф. 95 (Завод «Электромашина»). Оп. 1. Д. 139.
16. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-327 (Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР и его предшественники). Оп. 2. Д. 206.
17. Государственный архив Кузбасса (далее – ГАК). Ф. Р-304 (Кемеровский областной комитет государственной статистики Государственного статистического комитета). Оп. 1. Д. 1.

18. ГАК. Ф. Р-18 (Исполнительный комитет Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся г. Кемерово Кемеровской области). Оп. 5. Д. 13.
19. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1030 (Отдел по хозяйственному устройству эвакуированных и переселенцев при Исполнительном комитете Новосибирского областного Совета народных депутатов, город Новосибирск, 1937–1946 гг.). Оп. 1. Д. 147.
20. *Исупов В. А., Снегирёва Л. И.* Эвакуированные ленинградцы: Новосибирская область // Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 727–780.
21. ГАК. Ф. П-74 (Новокузнецкий горком КПСС). Оп. 6. Д. 6.
22. ГАК. Ф. Р-253 (Исполнительный Комитет Крапивинского районного Совета народных депутатов). Оп. 4. Д. 143.
23. ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172.
24. ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142.
25. ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 209.
26. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 30.

Поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024;
принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 18.03.2024;
accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 319–324
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 319–324
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-319-324>, EDN: DDFCAV

Научная статья
УДК [316.342.2:338.435](470+571)|1953/1958|

Бюджет российского крестьянина-колхозника в 1953–1958 годах (по материалам рассекреченных архивных документов)

М. С. Чирков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Чирков Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и историографии, mich.chirk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6259-2417>, AurhorID: 474392

Аннотация. В статье анализируются статистические данные, закрытые многие десятилетия для обычного пользователя, по бюджетам семей крестьян-колхозников в 1958 г. Сравнивая их с показателями периода начала аграрных реформ, можно сделать вывод, согласно которому положение колхозного крестьянства несколько улучшилось из-за сокращения налогов и сборов. Вместе с тем денежные и натуральные доходы были невелики, структура расходов значительных изменений не претерпела. Социально-экономическое положение колхозников во второй половине 1950-х гг. оставалось сложным.

Ключевые слова: РСФСР, крестьянское население, колхозная семья, уровень жизни, общественное хозяйство, экономический район, средний доход

Для цитирования: Чирков М. С. Бюджет российского крестьянина-колхозника в 1953–1958 годах (по материалам рассекреченных архивных документов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 319–324. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-319-324>, EDN: DDFCAV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The budget of a Russian peasant collective farmer in 1953–1958 (based on declassified archival documents)

M. S. Chirkov

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Mikhail S. Chirkov, mich.chirk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6259-2417>, AurhorID: 474392

Abstract. The article analyzes statistics, closed for many decades for an ordinary user, on the budgets of families of peasant collective farmers in 1958. Comparing with the indicators of the period of the beginning of agrarian reforms, we can conclude that the position of the collective farm peasantry has improved somewhat due to the reduction of taxes and fees. At the same time, cash and natural income were small, the structure of expenses did not undergo significant changes. The socio-economic situation of collective farmers in the second half of the 1950s remained difficult.

Keywords: RSFSR, peasant population, collective farm family, standard of living, public economy, economic region, average income

For citation: Chirkov M. S. The budget of a Russian peasant collective farmer in 1953–1958 (based on declassified archival documents). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 319–324 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-319-324>, EDN: DDFCAV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Период «оттепели» 1953–1964 гг. характеризуется рядом социально-экономических реформ в сельском хозяйстве, которые существенным образом повлияли на уровень жизни российского крестьянства. Изменения в положении сельских тружеников стали предметом многочисленных исследований отечественных историков, как советских, так и современных. Начало историографии периода «оттепели» было положено работами Ю. В. Арутюняна [1], В. Б. Остров-

ского [2], В. П. Данилова [3] и других авторов. В них впервые была предпринята попытка оценить уровень жизни крестьянского населения в советский период, указывалось на трудности быта первого послевоенного десятилетия. В 1970–1980-е гг. вышло множество трудов, посвященных социально-экономическим условиям проживания земледельцев, где восторжествовал тезис о «постоянном и неуклонном» росте материального обеспечения тружеников села [4, 5],

ведущей роли Коммунистической партии в организации этого процесса [6, 7].

В период «перестройки» и в 1990-е гг., стали множиться негативные оценки советской модели сельскохозяйственного устройства. Отмечалось негативное влияние государственной аграрной политики 1950–1960-х гг., якобы нацеленной на «раскрестьянивание» деревни в целях превращения колхозников в лишенных инициативы строителей коммунистической системы. Одновременно необходимо отметить усилия по изучению особенностей сельского быта с учетом реальных трудностей, «без прикрас» [8–10]. В 2000–2010 гг. возобладали объективные подходы к изучению отечественной истории. Значительное количество исследователей пытались всесторонне анализировать социально-экономические процессы в российском селе; указывалось на противоречивые результаты аграрного курса периода «оттепели» [11–13]. Однозначность и поспешность многих выводов, сделанных в исследованиях конца XX в., становилась очевидной с учетом анализа многих факторов, оказывавших влияние на уровень жизни крестьянского населения.

Несмотря на большое количество работ, посвященных жизни и быту крестьянства периода 1953–1964 гг., остаются малоисследованными проблемы крестьянской повседневности, доходности хозяйств сельских тружеников, самоснабжения в условиях низкой оплаты труда в колхозах. В научный оборот продолжают вводиться многочисленные данные, позволяющие оценивать степень влияния аграрных реформ начального периода «оттепели» на уровень жизни сельских тружеников. Большое количество информации содержат материалы, в разные годы предоставившиеся Центральным статистическим управлением (ЦСУ) при Совете министров СССР по запросам высших органов государственной власти страны. В отличие от официальной советской статистики, которая имела тенденцию к приукрашиванию действительности, данные ЦСУ не предназначались к публикации и содержали гриф секретности. Долгие годы такого рода материалы содержались в недоступных для исследователя фондах различных архивов. Рассекречивание указанных документов позволяет расширить источниковую базу данных о социально-экономических аспектах повседневной жизни российского крестьянства в период 1953–1964 гг. Можно предположить, что материалы, подготовленные для правительственных структур, содержат более объективные показатели, поскольку предназначались для партийно-государственных чиновников разных рангов. Выступать в качестве единственного правдоподобного источника информации такие документы, конечно же, не могут, но обладают, на наш взгляд, высокой степенью достоверности.

Уровень жизни российских крестьян на протяжении послевоенного периода имел тенденцию к постоянным изменениям. Они вызывались различными обстоятельствами, как объективного, так и субъективного характера. При оценках социально-экономических изменений необходимо учитывать и прямое влияние государственной политики, и негативные последствия Великой Отечественной войны. Даже в уральском и сибирском регионах, далеких от линии фронта, к 1945 г. выдача хлеба на трудодни сократилась, по сравнению с довоенными реалиями, в 3–5 раз [14, л. 10]. Первые послевоенные годы стали весьма сложным периодом, нацеленным на восстановление отечественной деревни и показателей социально-экономического развития, достигнутых к 1941 г. Статистика за период второй половины 1940-х гг. нигде не публиковалась и не фигурирует в известных нам документах [15, с. 77]. Очевидно, власть пока не была готова к обнародованию людских и материальных потерь, понесенных страной. Свою роль сыграли не только масштабы катастрофы военного лихолетья, но и последствия голода 1946–1947 гг. и в целом влияние аграрной политики, направленной на максимальное изъятие ресурсов из отечественной деревни. В любом случае масштабные задачи «восстановить довоенный уровень... сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах» [16, с. 15], которые были определены еще в 1945 г., в силу объективных обстоятельств реализованы не были.

Более того, в период 1945–1953 гг. российское крестьянство испытывало колоссальные трудности в области продовольственного снабжения и промышленного обеспечения. Увеличивались налоги, росли различные повинности. Сельские труженики (в особенности колхозники) находились в статусе «людей второго сорта», будучи ограниченными в праве выбора места проживания. Современные исследователи в своих работах убедительно доказывают существование значимых предпосылок аграрных преобразований, нацеленных на улучшение положения отечественной деревни [17, с. 6].

Партийно-государственные решения 1953 г., направленные на преодоление кризисной ситуации в советском сельском хозяйстве, привели к позитивным изменениям в жизни российских крестьян. Большинство исследователей сходятся во мнении, что положительное влияние реформ ощущалось на протяжении периода 1953–1958 гг., вплоть до начала хрущевской политики ограничения личных подсобных хозяйств крестьян [18, с. 89]. Здесь необходимо отметить, что масса сельских тружеников не была однородной. В основном она подразделялась на две категории – рабочих совхозов и колхозников. Их главное отличие состояло в том, что совхозы являлись государственными предприятиями

и их работники получали небольшую, но гарантированную заработную плату. На них распространялась система всех государственных гарантий (пенсии, пособия, различные дотации и пр.). Колхозы же представляли собой сельскохозяйственную артель, участники которой трудились за невысокую натуральную оплату, получаемую в качестве вознаграждения за обязательные для отработки «трудодни». При этом и рабочие совхозов, и колхозники наделялись приусадебными участками в размере от 0,25 до 0,5 га (в зависимости от региона), на которых могли организовать личное подсобное хозяйство (ЛПХ). Н. Г. Харитонов справедливо отмечает, что «в условиях господствовавшей системы хозяйствования, в частности, хронической невыплаты по трудодням, для крестьян личные хозяйства фактически выступали в качестве единственного способа выживания» [19, с. 88].

Особенностью советской статистики был учет доходов не каждого отдельно взятого колхозника, а целой семьи (статистика определила, что это в среднем – 4 чел.). Суммировались все поступления средств от каждого члена «ячейки общества», расходы анализировались по такой же схеме. Что показали бюджетные обследования семей сельских тружеников? Как изменилась общая экономическая ситуация в крестьянских хозяйствах колхозников спустя 5 лет после начала реформ?

В целом проведение экономических преобразований, начиная с 1953 г., способствовало улучшению положения крестьянского населения. Колхозное крестьянство, как уже говорилось, рабочие совхозов, трудилось не на государственном предприятии, как в общественном хозяйстве. В отличие от гарантированной заработной платы, размер которой устанавливался для рабочих всех совхозов, колхозники получали доходы в зависимости от особенностей природно-географического положения региона, экономического положения и налогообложения республики, материального положения своего колхоза и т. п. Соответственно, различия по регионам РСФСР были существенные. Подсчитать доходы колхозников оказалось для статистики делом непростым, поскольку многое было завязано на натуральных величинах. В частности, пришлось учитывать все поступления из колхозов деньгами и натурой, стоимость продукции, полученной от ЛПХ, любые другие доходы от государства в виде пособий, пенсий (что встречалось крайне редко) и т. д. Динамика роста, по сравнению с 1953 г., оказалась весьма позитивной. Доход члена колхозной семьи после аграрных реформ вырос к 1957 г. на 45%. В 1958 г. он поднялся еще на 7% (табл. 1).

Как уже говорилось, средние цифры по РСФСР не отражали реального положения дел в регионах. Статистика по экономическим

районам фиксировала в 1958 г. следующие показатели (табл. 2).

Таблица 1

Динамика роста среднего дохода в колхозах РСФСР с 1953 по 1958 год

Год	Размер среднего дохода в колхозе, тыс. руб.	Рост дохода к 1953 г., %
1953	9,7	–
1957	14	+45
1958	15	+52

Составлено по: [20, л. 18].

Таблица 2

Динамика роста среднего дохода в колхозах РСФСР по экономическим районам в 1958 году (выборочно)

Экономические районы РСФСР	Размер среднего дохода в колхозе, тыс. руб.	Рост дохода к 1953 г., %
Дальний Восток	20,8	+77
Северо-Запад	16,0	+40
Поволжье	14,8	+58
Центральный нечерноземный	14,4	+56
Урал	13,1	+36

Составлено по: [20, л. 18].

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что уровень дохода колхозников в разных регионах РСФСР существенно различался. Ввиду малонаселенности Дальнего Востока дополнительный приток населения приводил к росту имеющихся показателей. В то же время традиционные районы земледелия с сократившимся демографическим потенциалом развивались менее успешно. При этом колхозное крестьянство России не было лидером по доходам в масштабах всей страны. Сельские труженики некоторых союзных республик опережали РСФСР как по размеру получаемых средств, так и по темпам их роста (табл. 3).

Как видно из данных табл. 3, колхозное крестьянство во многих союзных республиках отличалось более высоким доходом, чем российские земледельцы. Особняком здесь стоит Казахская ССР, которая значительно нарастила свои показатели за счет «целинной эпопеи». Тем удивительнее, когда современные политики из ставших независимыми бывших республик СССР заявляют, что Россия десятилетиям их «угнетала», «выкачивала ресурсы», «не давала развиваться». Экономические показатели свидетельствуют о том, что уровень жизни колхозников РСФСР во многих экономических районах был ниже, чем в целом ряде национальных образований Советского Союза.

Таблица 3

Динамика роста среднего дохода в колхозах СССР по союзным республикам в 1958 году (выборочно)

Республики СССР	Размер среднего дохода в колхозе, тыс. руб.	Рост дохода к 1953 г., %
Грузия	19,5	+50
Латвия	18,8	+69
Казахстан	17,0	+73
Литва	18,3	+44
Туркмения	16,9	+82
Эстония	16,4	+62
Армения	15,8	+55
Узбекистан	15,5	+52
Россия	15	+52

Составлено по: [20, л. 18].

За годы экономических реформ в РСФСР выросли доходы колхозников, получаемые в общественном хозяйстве. В то же время за счет мероприятий, проводимых правительством с 1956 г. в целях ограничения ЛПХ, во многих регионах снизился доход от ведения собственного хозяйства (табл. 4).

Увеличение поступлений в колхозе происходило и в денежном, и в натуральном эквиваленте. Денежный доход в общей сумме в различных экономических районах РСФСР колебался от 37 до 52%. При этом доход колхозников почти всех регионов (за исключением Дальнего Востока) за работу в общественном хозяйстве был ниже, чем от ведения ЛПХ. Таким образом, и в первые годы «оттепели» личное подсобное хозяйство продолжало играть важную роль в обеспечении семьи продуктами питания и давало стабильные

средства к существованию. Во всех экономических районах России в 1958 г. поступления доходов от животноводства превышали поступления от растениеводства, при этом доля поступлений от животноводства сократилась с 57 до 54%, а растениеводства выросла с 36 до 42% [20, л. 21]. По подсчетам статистиков, средняя величина денежного дохода на семью в целом по России составляла 8852 руб. В натуральном выражении каждая колхозная семья за год получила 6148 руб. Таким образом, удельный вес дохода в натуральном выражении вплоть до конца 1950-х гг. оставался достаточно высоким, что свидетельствует о слабом развитии товарно-денежных отношений в деревне.

Структура расходов семьи колхозников за период 1953–1958 гг. представлена в табл. 5.

Цифры свидетельствуют о том, что структура расходов за период 1953–1958 гг. серьезных изменений не претерпела. Безусловно, рост доходов крестьян-колхозников привел и к увеличению их трат. Вместе с тем в процентном соотношении структура расходов осталась практически прежней. Серьезное снижение можно отметить лишь в графе «Налоги и сборы» – с 8,9 до 4,2%. Если учесть, что еще в 1952 г. сумма всех налогов забирала 13,7% всего семейного дохода [20, л. 77], то следует признать значительный успех советской власти в области снижения налоговой нагрузки на крестьян. Соответственно, колхозники получили возможность тратить чуть больше на культурно-просветительские нужды, продукты питания и различные хозяйственные товары. На 2% выросли показатели графы «Прочие расходы», куда входили, например, приобретаемые для разведения скот и птица, облигации государственных займов и многое др.

Таблица 4

Структура дохода в колхозах РСФСР по экономическим районам в 1953–1958 годах (выборочно), %

Экономические районы РСФСР	Годы	Поступления от колхоза	Поступления от ЛПХ	Поступления от государственных и кооперативных организаций, других источников
Дальний Восток	1953	41	40	19
	1958	49	39	12
Северо-Запад	1953	20	46	34
	1958	31	43	26
Поволжье	1953	38	42	20
	1958	43	41	16
Центральный нечерноземный	1953	22	51	27
	1958	34	44	22
Урал	1953	38	43	19
	1958	39	45	16

Составлено по: [20, л. 19].

Таблица 5

Структура расходов семьи колхозника в 1953–1958 годах

Вид расходов	Годы	Сумма, руб.	%
Покупка продуктов питания (включая алкоголь, папиросы и пр.)	1953	1511	30,4
	1958	2721	31,9
Приобретение тканей, одежды, обуви и т. п.	1953	1427	28,7
	1958	2338	27,4
Покупка культтоваров, посещение театров, кино и др.	1953	239	4,8
	1958	563	6,6
Налоги и сборы	1953	443	8,9
	1958	358	4,2
Приобретение мебели, хозяйственных вещей и электроприборов	1953	119	2,4
	1958	256	3,0
Прочие расходы	1953	1233	24,8
	1958	2293	26,9
Итого	1953	4972	100
	1958	8529	100

Составлено по: [20, л. 16].

Необходимо учитывать, что величина дохода в абсолютных величинах не является главной характеристикой, отражающей уровень жизни населения. Здесь важен такой фактор, как покупательная способность, соответственно, нужно сопоставлять уровень доходов с ценами на основные продукты питания и товары широкого потребления. Стоимость основных продуктов и товаров еще в 1953 г. представлена в табл. 6.

Таблица 6

Цены на основные продукты питания и товары, установленные с 1 апреля 1953 года

Наименование продуктов и товаров	Цены, руб. и коп.
Хлеб белый и хлебобулочные изделия (1 кг)	3–00
Мясо (говядина, 1 кг)	12–50
Рыба (судак, 1 кг)	7–10
Молоко (1 л)	2–24
Масло сливочное (1 кг)	27–80
Яйца (10 шт)	8–35
Масло растительное (1 л)	17–00
Водка (0,5 л)	22–80
Обувь (1 пара, в среднем)	188–50
Ситец (1 м)	6–10
Шерстяная ткань (1 м)	113–00
Автомобиль «Победа»	16 000–00

Составлено по: [21, л. 18].

Стоимость продовольственной корзины была оценена газетой «Труд» в 510 руб., а графа «Покупка продуктов питания» в статистических

отчетах показывает, что расходы крестьянской семьи по этой статье составляли 1511 руб. [21]. То есть заявленная статистикой средняя колхозная семья тратила на продовольствие примерно 378 руб. на человека, что не дотягивает до официальной цифры из советской периодики. Одно лишь приобретение хлеба и хлебобулочных изделий составляло 77 руб. в расчете на 1 члена семьи, в тогдашних расценках это 26 кг, в то время, как, например, научно обоснованная норма потребления хлеба по расчетам советских медиков должна была составлять не менее 121 кг в год [22, л. 171]. Получалась значительная разница и здесь вновь на помощь колхознику приходило его ЛПХ, с помощью которого удавалось компенсировать недостающие объемы продовольствия. Личное хозяйство долгое время оставалось «палочкой-выручалочкой», позволяющей обеспечивать крестьянскую семью всем необходимым.

Таким образом, собранная советской статистикой информация для закрытого пользования не позволяет констатировать значительное повышение жизненного уровня колхозного крестьянства в период с 1953 по 1958 г. Безусловно, снижение налогов и ликвидация многих поборов вывели колхозников из катастрофического экономического состояния, в котором они оказались в первые послевоенные годы. Вместе с тем доходы крестьянского хозяйства, хоть и выросли в абсолютных значениях, тем не менее оставались невысокими. Денежные поступления не покрывали потребности колхозников. Сама структура доходов и расходов в процентном соотношении практически не изменилась. Семья крестьянина-колхозника, как и в более ранние годы, черпала недостающие ресурсы из ЛПХ. В отношении

личного подсобного хозяйства власть с 1956 г. проводила политику ограничительных мер, снижая тем самым доходность колхозной семьи. Начиная с 1958 г., проявилась тенденция к уменьшению производительности личного хозяйства, стало сокращаться поголовье скота. Несмотря на это, инерция сельскохозяйственных реформ была достаточно сильна, а возможности для повышения уровня жизни крестьянского населения не были исчерпаны, что и показало аграрное развитие страны второй половины 1960 – начала 1980-х гг.

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. Формирование кадров массовой квалификации. М. : Издательство Академии наук СССР, 1960. 341 с.
2. Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее результаты. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1967. 329 с.
3. Советское крестьянство: краткий очерк истории (1917–1970) / под ред. В. П. Данилова. М. : Политиздат, 1973. 592 с.
4. История крестьянства в СССР. История советского крестьянства : в 5 т. / гл. ред. Г. В. Шерстобитов. Т. 4 : Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х годов / отв. ред. И. М. Волков. М. : Наука, 1988. 395 с.
5. Сдобнов С. И. Советская деревня на пути социального прогресса. М. : Современная Россия, 1974. 253 с.
6. Игнатовский П. А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М. : Мысль, 1971. 287 с.
7. Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М. : Политиздат, 1976. 319 с.
8. Берснев В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург : НИСО УрО РАН, 1994. 135 с.
9. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х гг. М. : Наука, 1992. 222 с.
10. Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964 гг. М. : Россия молодая, 1993. 198 с.
11. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М. : Ленанд, 2014. 607 с.
12. Томилин В. Н. Государство и колхозы. 1946–1964. М. : АИРО-XXI, 2021. 448 с.
13. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М. : Наука, 2006. 295 с.
14. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7486 (Министерство сельского хозяйства СССР). Оп. 7. Д. 272.
15. Чирков М. С. Проблемы социально-экономического развития отечественной деревни в 1945–1952 гг. (по материалам архивных источников) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 75–82.
16. Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. Т. 16. М. : Писатель, 1997. С. 5–16.
17. Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система СССР в 1946–1964 гг. в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 5–11. <https://doi.org/10.17223/19988613/58/1>
18. Чайка Е. А. Партийно-государственная социальная политика на селе в 1945–1965 гг. в отечественной историографии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 88–91.
19. Харитонова Н. Г. Социальные последствия аграрной политики и изменения уровня жизни советского крестьянства в 1953–1964 гг. // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 86–93.
20. РГАЭ. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР). Оп. 41. Д. 271.
21. О новом снижении государственных розничных цен // Труд. 1953. 1 апр.
22. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2313.

Поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-325-332>, EDN: ETVMOС

Научная статья
УДК [94(37+398):930.2] | 00/02 |

Ольвиополиты «известные Августам»: титул *σεβαστόγυνωτος* в надписях Ольвии I–III вв. н.э.

М. Н. Растегаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Растегаева Мария Николаевна, аспирант кафедры истории древнего мира,
marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>, AuthorID: 1149537

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношений *amicitia Caesaris et populi Romani* в Ольвии, где в почетных декретах зафиксирован титул *σεβαστόγυνωτος*, который можно перевести как «знакомый с Августами» или же «известный Августам». На основе анализа сведений эпиграфики и ономастики делается вывод, что титул *σεβαστόγυνωτος* восходит к представителю новой ольвийской аристократии, который возвысился в период «второго рождения» города в середине I в. н.э. Потомки этого рода также использовали данный титул, однако применительно к предкам, от которых они происходили, поэтому статус *σεβαστόγυνωτος* не передавался по наследству.

Ключевые слова: Рим, Северное Причерноморье, Ольвия, эпиграфика, *amicitia Caesaris et populi Romani*, *σεβαστόγυνωτος*

Для цитирования: Растегаева М. Н. Ольвиополиты «известные Августам»: титул *σεβαστόγυνωτος* в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-325-332>, EDN: ETVMOС

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

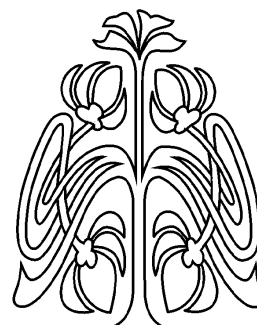
Olbiopolitans “known to the Augustans”: The title *σεβαστόγυνωτος* in the inscriptions of Olbia in the 1st–3rd centuries AD

M. N. Rastegaeva

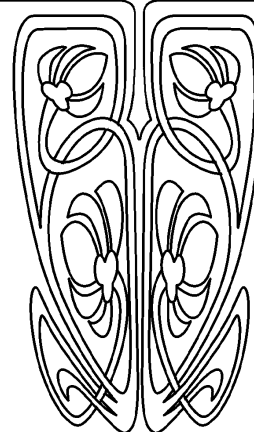
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mariya N. Rastegaeva, marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>, AuthorID: 1149537

Abstract. The article deals with the problem of *amicitia Caesaris et populi Romani* relations in Olbia, where the title *σεβαστόγυνωτος* is fixed in honorary decrees, which can be translated as “familiar with the Augusti” or “known to the Augusti”. Based on the analysis of epigraphic and onomastic evidences, it is concluded that the title *σεβαστόγυνωτος* goes back to a member of the new Olbian aristocracy, who rose to prominence during the “rebirth” of the city in the middle of the 1st century AD. The descendants of this family also used this title, but in relation to the ancestors from whom they descended, therefore the status of *σεβαστόγυνωτος* was not inherited.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Keywords: Rome, Northern Black Sea region, Olbia, epigraphy, *amicitia Caesaris et populi Romani*, $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$

For citation: Rastegaeva M. N. Olbiopolitans "known to the Augustans": The title $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ in the inscriptions of Olbia in the 1st–3rd centuries AD. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 325–332 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-325-332>, EDN: ETBMOС

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В римской внешней политике практиковались различные формы непрямого господства. При этом определяющими во взаимоотношениях с внеиталийскими государствами и государственными образованиями были отношения *amicitia Caesaris et populi Romani* (так называемые отношения «дружбы с Цезарем и народом римским»). Частью этой политики римских «уз дружбы» стало и Северное Причерноморье, в особенности Боспорское царство, титулатура правителей которого часто содержит определения $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\acute{\alpha}\iota\sigma\alpha\rho$ и $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$. Именно в северной части Понта отчетливо выделяется проблематика подчинения территорий *Imperium Romanum*, где в непосредственной близости друг от друга происходят процессы исключения «варварских» *hostes* из *orbis Romanum* и включения в него таких же «варварских» *amici*. Несмотря на обозначенные взаимоотношения Рима и государств Северного Причерноморья, в эпиграфике Ольвии римского времени не встречаются расхожие на Боспоре титулы $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\acute{\alpha}\iota\sigma\alpha\rho$ и $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$. Однако здесь вероятной реминисценцией этих определений может являться титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$, о котором речь пойдет далее.

Титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ встречается только в нескольких греческих надписях римского времени. Семантическое значение $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ довольно прозрачно – «знакомый с Августами» или же «известный Августам». Г. Мендель рассматривает его как проявление «провинциального честолюбия» [1, р. 64; 2, 1422; 3, р. 227–228]. Этимологические словари передают $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ как греческий аналог латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*, рассматривая его как почетный титул [4; 5], однако это утверждение весьма спорно. $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ не может являться региональной лексической вариацией наиболее распространенных титулов $\phi\iota\lambda\omicron\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma$ – $\acute{o}\ \phi\iota\lambda\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\upsilon$ – *amicus Augusti*, поскольку в Малой Азии $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ употребляется вместе с $\phi\iota\lambda\omicron\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma$. Кроме того, как полагает Б. Надель [6, р. 298], титулы имеют совершенно разное значение, поскольку восходят к различным понятиям – $\phi\iota\lambda\acute{\iota}\alpha$ и $\gamma\upsilon\omega\delta\iota\varsigma$. Получается, что $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ представляет собой почетный титул, который не может считаться греческим аналогом латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*.

В Ольвии титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ встречается в двух почетных декретах, относящихся к периоду правления императора Септимия Севера –

надпись в честь Каллисфена, сына Каллисфена (IOSPE I² 42), и Каллисфена, сына Дада (IOSPE I² 43). Оба занимали должность архонта-эпонима. Первый происходил «от знаменитых предков, известных Августам» ($\acute{\alpha}\nu[\eta\rho\ \gamma\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \rho\rho\omicron\upsilon\acute{o}\nu\omega\nu\ \acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\eta\mu\omega\nu\tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\upsilon[v]]$); второй был потомком «знаменитого рода, известного Августам» ($\gamma\epsilon\nu\acute{o}\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\ \lambda\alpha\mu\iota\rho\acute{o}\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\upsilon$).

Curriculum vitae Каллисфена, сына Каллисфена, достаточно подробно освещен в ольвийской эпиграфике – он четыре раза занимал должность архонта-эпонима, а также получил титул «отец города» ($\rho\alpha\tau\eta\rho\ \tau\eta\varsigma\ \rho\acute{o\lambda\epsilon\omega\varsigma$) (IOSPE I² 42, IOSPE I² 174, HO 86) [7; 8, с. 570–571]. Он упоминается и в надписи IOSPE I² 174, которую В. В. Латышев и вслед за ним В. П. Яйленко датируют 196/198 гг. н.э., соответственно политическая деятельность Каллисфена, сына Каллисфена, приходится на третью – последнюю четверть II в. н.э. Очевидно, что к архонству Каллисфена относится серия ольвийских медных монет, отчеканенных в период правления Септимия Севера. Первая из них, состоящая из четырех номиналов, по замечанию В. А. Анохина, имеет автономный (или квази-автономный) характер – на аверсе монет помещается указание на ольвийского эпонима, в наиболее полном виде читаемое как AP · КАЛ · ТО · Δ, т. е. «архонт Кал... в четвертый раз». Типы монет: сидящий на троне Зевс и стоящая Тихе; бык и орел с венком в клюве; стоящий воин и кадуцей; лира и стоящий Аполлон [9, табл. XXIII -384–387; 10, с. 143; табл. XXXIV].

При этом греческое личное имя Каллисфен не упоминается в Северном Причерноморье в до-римский период [11, р. 123–380]. В римский период это имя встречается часто, особенно в городах Боспорского царства и в Ольвии [12, 183 f.], где оно, вероятно, было излюбленным в одном аристократическом роду. Имя Каллисфен упоминается также в почетном декрете в честь неизвестного сына Каллисфена (IOSPE I² 44), имя которого приходится на лауну между сохранившимися фрагментами. В этом тексте В. П. Яйленко восстанавливает и титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$, указывая в переводе, что Ант, сын Каллисфена, «происходит от предков славных и известных императорам, многие и значительные благодеяния оказал народу превосходным образом, соревнуя достоинству рода --, во всех случившихся для города -- и осознавая славу рода -- вследствие чего удрученный город -- добровольно принял на себя -- доходы -- сооружение -- в тяжком --» [8, с. 527]. Однако восстановление имени

Анта в надписи принимают не все исследователи, поэтому достоверно можно реконструировать только то, что некий сын Каллисфена был потомком *σ[εβαστόγυνωτος]*.

Современником Каллисфена, сына Каллисфена, был Каллисфен, сын Дада, упоминаемый в IOSPE I² 42 как один из докладчиков на всенародном собрании. В IOSPE I² 174 он фигурирует как архонт. В его честь принят декрет IOSPE I² 43, в котором он обозначен как трижды занимавший эпонимные первые должности, честно и справедливо исполнивший срок магистратур и, будучи стратегом, проявивший всяческую заботу о мире. Встречается Каллисфен, сын Дада и в других ольвийских надписях, где он фигурирует как архонт-эпоним периода правления Септимия Севера (193–211 г. н.э.) (IOSPE I² 42, IOSPE I² 43, IOSPE I² 174). Имя *Δάδος* имеет фракийское происхождение [13, S. 110], причем в этом варианте встречается только в Северном Причерноморье (LGPN IV 84).

Получается, что и Каллисфен, сын Каллисфена, и Каллисфен, сын Дада, являлись политическими деятелями Ольвии конца II – начала III вв. н.э. и вели род от предков знаменитых и известных римским императорам. Однако сведения о каких-либо контактах этих ольвиополитов с Римом отсутствуют.

Очевидно, что ключ к пониманию титула *σεβαστόγυνωτος* в ольвийских надписях рубежа II–III вв. н.э. следует искать в более ранней эпиграфике. Известно, что *σεβαστόγυνωτος* фигурирует и в надписи времен Тиберия или Калигулы – почетном декрете IOSPE I² 79, изданном гражданами Византия в честь ольвиополита Оронта, в котором приводится информация о том, что отец Оронта Абаб был хорошо известен не только в своем отечестве, но и по всему Понту и возвысился настолько, что был знаком с Августами (*μέχρι τὰς τῶν Σεβαστῶν γυνώσεως προκό[ψ]αντος*) [латинские аналоги – 14, p. 85]. При этом и сам Оронт унаследовал от отца благосклонность к народу и проксению, а потому народ Византия счел нужным «похвалить ольвиополита Оронта, сына Абаба, за его постоянную и унаследованную от предков заботливость к народу» (*ἐπαινεῖσθαι μὲν Ὀρόνταν Ἀβάβου Ὀλβιολοίταν ἐπὶ ταῖς διανεκεῖ ποτὶ τὸν δᾶμον καὶ διὰ προγόνων προνοίαι· εἴμεν δὲ αὐτὸν καὶ πολεῖταν καὶ τοὺς ἐγγόνους αὐτοῦ*). Изучение этой надписи имеет достаточно длительную историю – еще в 1843 г. А. Бёк предложил ее чтение с некоторыми краткими комментариями [15, Nr. 2060]. Но лишь относительно недавно В. Кожокару был проведен детальный анализ этого текста [16, S. 41–56].

Остановимся на некоторых деталях, относящихся к этой надписи. Первый вопрос – о происхождении имени самого Оронта и его отца Абаба. По этому поводу существует несколько версий. А. Бёк высказал мнение о сирийском

происхождении обоих имен [15, p. 130], вероятно, полагая, что имя Оронт могло происходить от названия реки в Сирии. Это мнение поддержал В. В. Латышев (IOSPE I² 79). Л. Згуста и В. П. Яйленко полагают, что имена и Абаба, и Оронта имели иранское происхождение [17, S. 293; 8, с. 563].

Ряд других лингвистических исследований также определяет иранское происхождение имени *Ὀρόντας* или *Ὀρόντης*, которое в основном зафиксировано в эпиграфических источниках, относящихся к пограничной области греко-персидской культуры в Армении, Малой Азии и Северном Причерноморье [17, S. 276]. Л. Згуста полагает, что имя имеет персидское происхождение, приводя лишь свидетельства из Северного Причерноморья [17, S. 250]. Армения как регион распространения упоминается у Ф. Джаста [18, S. 235]. Некоторые формы этого имени встречаются также среди личных имен в Малой Азии, например, *Ὀρόνδας*, *Ὀρονδιάνη* и *Ὀρονδιάνος*, но их связь с именем *Ὀρόντης* спорна [19, S. 381, Anm. 63]. В Северном Причерноморье обладатели имени Оронт безусловно связываются с иранской средой [16, S. 43–44].

Сложнее дело обстоит с происхождением имени отца Оронта Абаба, поскольку оно встречается в Северном Причерноморье только в двух надписях середины I в. н.э. – IOSPE I² 79 и IOSPE I² 181, а иные обладатели этого имени в других районах греко-римского мира зафиксированы не были. *Ἀβάβος* используется лишь на юге Сирии и считается семитским мужским именем [20, S. 6; 21, S. 218; 22, S. 157]. Однако версия о семитском происхождении имени ольвиополита Абаба считается сомнительной [17, S. 291]. Л. Згуста обращается к более общим языковым аналогам из Малой Азии и, приводя ряд имен малоазийского происхождения (*Ἀβα*, *Ἀβας* и *Ἀβηβας*), полагает, что в разных языковых группах эти имена могли происходить от общих корней [17, S. 293; 8, с. 563; 23, с. 128], т. е. были «детскими» именами. Исследователь упоминает имя Абабы, матери императора Максимиана Фракийца, которая в источниках упоминается как *femina Alanica* (Iord. Get.83; SHA Max. 1.6). Однако практически все исследователи отвергают это сообщение, полагая, что имена родителей императора являются вымышленными, ведь даже в «Истории Августов» эти сведения упоминаются в качестве слухов [24, S. 440; 25, p. 182; 26, с. 357; 22, S. 158]. Впрочем, Ю. Б. Циркин отмечает, что, с точки зрения филологии, имена родителей императора Максимиана Фракийца вполне могут быть подлинными, поскольку соответствуют правилам скифо-иранской и германской ономастики [27, с. 39; 28, S. 294; 29, p. 22–28; 30, S. 204], даже если в конкретном источнике они могут быть плодом воображения самого императора.

Получается, что сведения ономастики в этом случае дают следующее: имя Оронта опреде-

ленно имеет иранское или персидское происхождение, имя Абаба, вероятно, аланское (т. е. сарматское) [8, с. 563]. Как полагает В. П. Яйленко, Абаб мог быть представителем скифского или сарматского рода, который занимался торговлей с греками, а именно ольвийскими купцами. В таком случае весьма конкретное наполнение получают слова из «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома о том, что после так называемой гетской экспансии [31, с. 144; 32, с. 263–272]¹ конца I в. до н.э. Ольвия возрождается согласно желанию скифов [33, S. 61–65; 34, S. 12, 16–17; 35, с. 119–153] в результате чего, по мнению античного автора, город «варваризируется» (Dio. Chr. XXXVI.4–5) [36, с. 21–52; 37, S. 165–172]². При этом в ольвийских надписях с конца I – начала II в. н.э. по 30-е гг. III в. н.э. встречается множество имен варварского, преимущественно иранского происхождения – многие архонты стратеги и жрецы – т. е. представители полисной верхушки – имеют иранские, вероятно, сарматские имена [35, с. 134; 38, с. 565–607; 39, с. 156–186; 40, с. 86–95]. Кроме того, в период с 50–80-х гг. н.э. сарматский царь Фарзой и его преемник Иненсимей чеканят золотые и серебряные монеты в Ольвии [41, с. 66–82; 42, с. 108–115; 9, с. 65–70; 43, с. 67–71]. Как подчеркивает С. Р. Тохтасев, «по-прежнему остается единственно обоснованной концепция, согласно которой ольвиополиты-выходцы из северопричерноморской иранской среды были сарматского происхождения» [38, с. 606].

Основываясь на этом факте, В. Кожакару приходит к тому, что семья Абаба и Оронта могла происходить из среды так называемых $\mu\iota\zeta\omicron\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\omicron\iota$ [44, р. 41–48] и подняться до ольвийской знати именно в период между гетским завоеванием и восстановлением города [16, р. 49–50]. По предположению некоторых авторов, население Ольвии в трудный для него период могло укрыться либо в других античных центрах, либо среди эллинизированного населения нижнеднепровских городищ [45, с. 296; 32, с. 271], а потому нельзя исключать, что отец Абаба Каллисфен (IOSPE I² 181) мог жениться на представительнице сарматской знати, отсюда и иранские корни имени сына. Такая версия является не более чем предположением, однако весьма соответствует сложившейся ситуации, тем более что смешанные греко-варварские браки известны в Северном Причерноморье и в более ранний период [см., напр., Hdt. IV.78; ср.: 46, 51ff.]. Но эта гипотеза сталкивается с существенным препятствием – имя Καλλισθένης не встречается в Ольвии и других полисах Северного Причерноморья в догетский период [11; 32, с. 272]. Впервые Каллисфен упоминается в IOSPE I² 181, сообщающей о строительной деятельности его сына Абаба. В. Кожакару приводит второй возможный вариант появления Каллисфена в Ольвии – он мог переселиться сюда с берегов

Западного и Южного Понта или из внепонтийской греческой или греко-семитской области [16, S. 50].

Так или иначе о почетном положении Оронта и Абаба в среде ольвийской городской аристократии после гетского нашествия говорится в IOSPE I² 79. В тексте почетного декрета в честь Оронта подчеркиваются заслуги его отца: « $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\omicron\varsigma\ \omicron\upsilon\ \mu\omicron\nu\omicron\nu\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \mu\alpha\tau\rho\iota\delta\omicron\varsigma,\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\grave{\alpha}\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\upsilon\nu\lambda\alpha\nu\tau\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\omicron\nu\tau\iota\kappa\omicron\upsilon\ \mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\theta\nu\epsilon\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \mu\acute{\epsilon}\chi\rho\iota\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu\ \gamma\nu\omega\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ ». При этом использование в надписи оборота *genetivus absolutus* ($\acute{\alpha}\nu\delta\rho\omicron\varsigma$ и причастия $\mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ и $\mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$) [47, Sp. 1166]³ говорит о том, что все перечисленные заслуги относятся именно к отцу Оронта Абабу – «мужу первенствовавшему не только в отечестве, но и во всем Понтийском народе и возвысившемуся до известности Августам, а также принесшему много пользы и городу Византийцев в общественных нуждах и в покровительстве приезжавшему в торговую гавань» (IOSPE I² 79. Пер. В. В. Латышева).

Примечательно, что именно в проксении Византия Абаб обозначен как $\mu\acute{\epsilon}\chi\rho\iota\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu\ \gamma\nu\omega\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \mu\upsilon\lambda\eta\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ (возвысившийся до известности Августам), т. е. это первое упоминание титула $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\gamma\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ в эпиграфике Ольвии. Возникает вполне логичный вопрос: как $\mu\iota\zeta\omicron\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\omicron\varsigma$ из среды провинциальной ольвийской аристократии мог возвыситься до известности Августам? По предположению В. Кожакару, Абаб мог получить это положение благодаря своему участию в посольстве либо в Рим, либо к римскому наместнику провинции Мезия, для того чтобы заручиться поддержкой сильного союзника в борьбе против варварского окружения. Более того, будучи влиятельным человеком, он мог представлять римские интересы на своей родине [16, S. 46–48; 47, Sp. 1166]. Ю. Г. Виноградов даже предполагает, что Абаб, возможно, занимал высокий пост на службе императора [48, S. 342]. Однако в этом случае следовало бы ожидать соответствующего подтверждения в надписях. Поэтому в отсутствие надежных свидетельств источников все догадки исследователей являются лишь теоретическими построениями.

Единственный факт о политической деятельности Абаба, надежно зафиксированный в надписях, свидетельствует о его участии в возведении общественных построек. Так, надпись IOSPE I² 181 сообщает о строительстве портика, посвященного императорам Августу и Тиберию и народу: «Императору Кесарю, богу, сыну бога, Августу, величайшему первосвященнику, отцу отечества и всего человеческого рода, и императору Августу, сыну бога, Тиберию Кесарю и народу Абаб, сын Каллисфена, из собственных средств посвятил портик» (IOSPE I² 181. Пер. В. В. Латышева).

Фрагмент, на котором размещалась надпись, был найден в Очакове, поэтому место его расположения до вывоза из Ольвии остается неизвестным. Предполагаемая датировка – после 4 г. н.э., т. е. время, когда Тиберий был усыновлен Августом и получил имя *Tiberius Iulius Caesar*, а в надписи он обозначен именно *Τιβέριος Καῖσαρ*. При этом титул Тиберия в надписи – *Αὐτοκράτωρ Σεβαστός*, т. е. титул Императора Августа, а это означает, что надпись могла быть сделана только после смерти Августа в 14 г. н.э. [49, с. 182; 50, с. 641]⁴. Возможным археологическим подтверждением существования этого сооружения с посвящением являются обнаруженные в юго-восточной части Верхнего города Ольвии остатки пятиколонного дорического портика, который авторы раскопок связывают с именем Абаба [51, с. 125; 52, S. 151]⁵. Существует расхожее мнение, что это посвящение Абаба и упоминание в нем римских императоров может свидетельствовать о том, что полисная элита возрожденной Ольвии могла таким образом демонстрировать свою лояльность римским императорам за содействие в их политической и экономической деятельности [53, с. 73]. Однако кажется весьма сомнительным, что строительная деятельность на территории города проводилась без санкции гражданской общины [48, S. 342], тем более что третьим адресатом в IOSPE I² 181 является народ. Вероятно, к деятельности Абаба можно отнести еще одну надпись – IOSPE I² 275, где В. П. Яйленко восстанавливает имя [Α]βαβος, определяя ее как стихотворную эпитафию или же строительно-мемориальную надпись [8, с. 576–577]: «-- Абаб воздвиг (?) – весьма славный град и -- статуя (рельеф) -- любви -- отца (?) --» (IOSPE I² 275. Чтение и перевод В. П. Яйленко).

Учитывая, что создание IOSPE I² 181, IOSPE I² 275 и, соответственно, строительные мероприятия Абаба относятся ко второй четверти I в. н.э., их можно связать с так называемым *δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως*, т. е. вторым рождением города, когда Ольвия, как и Истрия (ISM I 191; 193) [54, р. 88], заново отстраивалась после ликвидации гетской угрозы [32, с. 271–272]. При этом граждане, финансирующие строительство, сравниваются с основателями города, как видно из эпиграфики Ольвии II в. н.э. (IOSPE I² 42; 43; 44) [55, с. 146]⁶. Интересную интерпретацию выражения *δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως* можно встретить у Л. Робера [цит. по: 32, р. 271], который отождествляет «основателей города» с эвергетами, добившимися от римлян ряда привилегий политического порядка, при этом предложенная версия французского исследователя базируется на материалах греческого Афродизиаса. Похожие соображения уже на основе надписи из Фанагории были высказаны Х. Хайненом, который полагает, что в данном случае *κτίστης* мог вполне буквально относиться к деятельности политика как реставратора государственного устройства

и основателя новых построек или же в переносном смысле характеризовать его как благодетеля города. Он обосновывает связь между *κτίστης* и *εὐεργέτης* и рассматривает «основание города» как всеобъемлющую форму эвергетизма [56, S. 203].

Получается, что титул *σεβαστόγυνωτος* восходит именно к Абабу, сыну Каллисфена, т. е. «основавший город второй раз» и оказавший ему множественные благодеяния, возвысился до известности Августам. Остается не совсем понятным, требовала ли эта «известность» личного знакомства с римскими правящими кругами, поскольку источники не отражают этот момент, хотя, кажется, что подобное предприятие должно было запечатлеться в камне. Вероятно, «известность» могла быть и не связана с личным знакомством, а ограничиваться лишь известностью тех или иных заслуг косвенным способом – сегодня наиболее популярной является точка зрения, согласно которой гражданин провинциального северопонтийского города мог получить этот титул благодаря своей деятельности в качестве посла либо в Рим, либо к римскому наместнику провинции Мезия [16, S. 46–48; 57, р. 150]. При этом очевидно, что известность Августам была лишь следствием политического возвышения провинциального рода, которое в дальнейшем будет воплощаться в таких явлениях, как повторное исполнение магистратур или же занятие должностей близкими родственниками (IOSPE I² 42; 43; 44).

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что титул явно не мог передаваться по наследству – если Абаб был *σεβαστόγυνωτος*, то Оронт происходил от известного Августам отца (IOSPE I² 79), а Каллисфен, сын Каллисфена, и Каллисфен, сына Дада – «от знаменитых предков, известных Августам» (IOSPE I² 42; 43), т. е. титулом обладал только сам Абаб, тем более, что источники не дают никакой информации о каких-либо контактах потомков Абаба с римской администрацией. Однако если сам титул *σεβαστόγυνωτος* наследственным быть не мог, то память о былых достижениях предков передаваться в роду могла, по аналогии с тем, как память о принадлежности к роду первооснователей сохранялась у греков в течение столетий [58, р. 73]⁷. Известность императору, как и следовало ожидать, считалась высокой честью и заслуживала быть увековеченной в камне, даже, если такого положения достигли близкие родственники (как в случае с Оронтом) или предки (IOSPE I² 42 и 43).

Исходя из высказанных соображений, можно заключить, что титул *σεβαστόγυνωτος* восходит к Абабу, сыну Каллисфена – представителю новой ольвийской аристократии, происходящему из среды *μῆσοβάρβαροι*. Вероятно, он мог возвыситься в период *δευτέρα κτίσις τῆς πόλεως*, т. е. «второго рождения» Ольвии в середине

I в. н.э., когда город восстанавливался после ликвидации гетской угрозы, о чем свидетельствуют надписи о его строительной деятельности (IOSPE I² 181, IOSPE I² 275). Сведения эпиграфики позволяют говорить о том, что Абаб, «основавший город второй раз» и оказавший ему множественные благодеяния, стал «известным Августам» и в широком смысле был для Ольвии эвергетом. Не вполне понятно, какими именно деяниями Абаб добился такого положения, но очевидно, что оно было лишь следствием политического возвышения провинциального рода. В дальнейшем представители этой семьи также подчеркивали почетный титул Абаба, отмечая, что их близкие родственники (IOSPE I² 79) или же предки (IOSPE I² 42; 43; 44) были известны римским императорам. При этом сам титул *σεβαστόγυνωστος* не был наследственным, но очевидно давал ряд преимуществ в политической жизни провинциального северопричерноморского города, что проявлялось в таких явлениях, как повторное исполнение магистратур или же занятие должностей близкими родственниками (IOSPE I² 42; 43; 44). Получается, что титул *σεβαστόγυνωστος* использовался не высшим слоем римского общества, а богатыми провинциальными или влиятельными жителями территорий, включенных в сферу римских интересов. Кроме того, как было показано, *σεβαστόγυνωστος* не может считаться греческим аналогом латинских выражений *amicus imperatoris* или *amicus Caesaris*.

Примечания

- ¹ Согласно общепринятой точке зрения Ольвия и ее округа были разорены или почти полностью уничтожены гетами и вплоть до конца I в. до н. э. здесь не фиксируются никаких следов жизни. Город возрождается не ранее конца I в. до н. э., а скорее всего – в первой четверти I в. н. э., что можно считать следствием исчезновения угрозы со стороны гетов.
- ² См. обстоятельный анализ этого фрагмента «Борисфенитской речи» у А. В. Подосинова.
- ³ Момент, требующий уточнения, поскольку некоторые авторы ошибочно приписывают деяния Абаба Оронту.
- ⁴ А. И. Иванчик на основании рассмотрения титулатуры императора предлагает более точную датировку этой надписи – между 17 сентября 14 г., когда Тиберий получил титул Августа, и 10 марта 15 г., когда он стал великим понтификом.
- ⁵ Интересной аналогией портику Абаба в Ольвии может являться храм в Истрии, построенный при жизни императора Августа (ISM I 146).
- ⁶ Существует мнение, что под предками «основавшими город» в IOSPE I². 42 и IOSPE I². 43 может пониматься один из олигархических родов первых колонистов, однако, как говорилось выше, имя Каллисфен не встречается в Ольвии до I в. н. э.

⁷ Аристократические роды сохраняли генеалогическое древо на множество поколений: например, в эпитафии раннего Хиоса перечислены по именам 15 предков (DGE 690).

Список литературы

1. Mendel G. Inscriptions de Bithynie // Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris : Ecole française d'Athènes, 1901. Vol. XXV. P. 5–92.
2. Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes / ed. R. Cagnat, G. Lafaye. Paris : Academiae Inscriptionum et Litterarum Humanarum, 1906. Vol. III. 722 p.
3. Rober L. Études Anatoliennes / ed. M. Albert Gabriel. Paris : de Boccard, 1937. 620 p.
4. Herweeden H. Lexicon Graecum / ed. H. Herweeden. Leiden : AW Sijthoff, 1910. 1678 S.
5. A Greek-English Lexicon / eds. H. G. Liddell, R. Scott, S. Jones, R. Mc Kenzie. Oxford : Clarendon Press, 1948. 758 p.
6. Nadel B. A note about Σεβαστόγυνωστος // Eos. 1962. Vol. 52. P. 295–298.
7. Русыева А. С. Каллисфен, сын Каллисфена из Ольвии // Древнее Причерноморье / отв. ред. А. Г. Загинайло. Одесса : Редакционно-издательский отдел областного управления по печати, 1991. Вып. 2. С. 83–84.
8. Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб. : Нестор-История, 2016. 1024 с.
9. Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова думка, 1989. 125 с.
10. Зограф А. Н. Античные монеты. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. 308 с.
11. Cojocar V. Populația zonei nordice și nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI–I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice (Die Bevölkerung der nördlichen und nordwestlichen Schwarzmeerküste vom 6. bis 1. Jh. v. Chr. auf Grundlage des Inschriftenmaterials). Iași : Al. I. Cuza, 2004. 500 p.
12. A Lexicon of Greek Personal Names / ed. P. M. Fraser. Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford : Oxford University Press, 2005. 458 p.
13. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien : Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 398 S.
14. Robert L. Études épigraphiques et philologiques. Paris : Champion, 1938. 343 p.
15. Corpus Inscriptionum Graecarum II. Pars XI. Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerio / ed. A. Boeckh. Berolini : Berolini ex officina academia, 1843. 1166 p.
16. Cojocar V. Von Byzantion nach Olbia: Zur Proxenie und zu den Außenbeziehungen auf der Grundlage einer Ehreninschrift // Arheologia Moldovei. Bukarest: Editura Academiei Române, 2009/2010. Vol. 32. S. 41–56.

17. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag : Akademie, 1955. 467 S.
18. Justi F. Iranisches Namenbuch. Hildesheim : Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963. 526 S.
19. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag : Der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1964. 701 S.
20. Wuthnow H. Die semitischen Menschnennamen in griechischen Inschriften und Papyri des vorderen. Leipzig : Dieterich, 1930. 175 S.
21. Lidzbarski M. Ephemeris für semitische Epigraphik. Bd. I–II. Gießen : Töpelmann, 1902. 444 S.
22. Vidman L. Ababa und Αβαβος. Ein Beitrag zur Onomastik der nördlichen Schwarzmeerküste // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes / Hrsg. J. Irmscher, D. B. Schelow. Berlin : Akademie-Verlag, 1961. S. 155–158.
23. Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М. : Гриф и К, 2010. 740 с.
24. Wiegels R. Tribunus legionis III (Italicae)? Zu einer Notiz in der Historia Augusta und zur Vita des Maximinus Thrax vor seiner Kaisererhebung // Klio. 2012. Bd. 94. S. 436–461.
25. Syme R. Emperors and biography. Oxford : The Clarendon Press, 1971. 306 p.
26. Любжин А. И. Примечания // Властелины Рима. М. : Наука, 1992. 384 с.
27. Циркин Ю. Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб. : Нестор-История, 2015. 472 с.
28. Altheim F. Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1957. Bd. II. 428 S.
29. Belezza A. Massimino il Trace. Genova : Fratelli Pagano, 1964. 240 p.
30. Lippold A. Kommentar zur Vita Maximini Duo der Historia Augusta. Bonn : Dr. Rudolf Habelt, 1991. 740 S.
31. Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum, 3. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, Благотворительный фонд «Деметра», 2007. 240 с.
32. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М. : Наука, 1989. 288 с.
33. Heinen H. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Stuttgart : Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 2006. 91 S.
34. Hupe J. Einleitung // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Zeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. J. Hupe. Rahden : Leidorf, 2006. 278 S.
35. Книпович Т. Н. Население Ольвии в VI–I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50. С. 119–153.
36. Подосинов А. В. Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. № 6. С. 157–187.
37. Hupe J. Dion von Prusa zum Kult des Achilleus in Olbia // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Zeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. J. Hupe. Rahden : Leidorf, 2006. 278 S.
38. Тохтасьева С. Р. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н. э. // Commentationes Iranicae: сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица / под ред. С. Р. Тохтасьева, П. Б. Лурье. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 565–607.
39. Трещева Ю. Н. Просопография должностных лиц в Ольвии I–III вв. н. э. // ВДИ. 1977. Вып. 4. С. 156–182.
40. Карышковский П. О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. Вып. 1. С. 73–96.
41. Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья / отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев : Наукова думка, 1982. С. 66–82.
42. Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев : Наукова думка, 1988. 164 с.
43. Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев : Наукова думка, 1991. 112 с.
44. Casevitz M. Le vocabulaire du mélange démographique: mixobarbares et mixhellènes // Origines gentium / éd. V. Fromentin, S. Gotteland. Bordeaux : Ausonius éditions, 2001. P. 41–47.
45. Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев : ИА НАНУ, 1999. 478 с.
46. Ruscu L. Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre (Die Außenbeziehungen der griechischen Städte der rumänischen Schwarzmeerküste). Cluj-Napoca : Academia Română, 2002. 254 S.
47. Diehl E. Orontes 8 // Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft in alphabetischer Ordnung / Hrsg. G. Wissowa. Bd. XVIII. Hbd. 1. Stuttgart : J. B. Metzler Verlag, 1939. Sp. 1166.
48. Vinogradov Ju. G. Olbia und Traian // Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz : Philipp Von Zabern, 1997. 703 S.
49. Русяева А. С. Абаб, сын Каллисфена – политический деятель Ольвии Понтийской // Античный мир и археология / отв. ред. В. Н. Парфенов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. Вып. 11. С. 182–187.
50. Иванчик А. И. Новое посвящение стратегов из Ольвии и проблема восстановления города после гетского разгрома // ВДИ. 2017. № 3 (77). С. 636–650.

51. Крапивина В. В., Буйских А. В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья* / ред. С. Б. Охотников. Одесса : Ветаком, 1997. С. 122–127.
52. Pippidi D. M. Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit // *Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft.* Berlin : Akademie-Verlag, 1962. Bd. 34. 216 S.
53. Яйленко В. П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». Продолжение // *Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья* / отв. ред. А. И. Павловская. М. : Институт всеобщей истории, 1987. С. 4–105.
54. Avram A. An Istrian Dedication to Leto // *Cauldron of Ariantas* / eds. P. G. Bilde, J. M. Højte, V. F. Stolba. Aarhus : Aarhus University Press, 2003. P. 87–91.
55. Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1887. 314 с.
56. Heinen H. Romfreunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosporos. Zu neuen Inschriften aus Phanagorea // *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v.Chr. – 1. Jahrhundert n.Chr.)* / Hrsg. A. Coşkun. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2008. S. 189–208.
57. Chaniotis A. Political culture in the cities of the northern Black sea region in the “Long hellenistic age” (the epigraphic evidence) // *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions* / ed. V. Kozlovskaya. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 141–166.
58. Graham A. J. ΟΙΚΗΙΟΙ ΠΕΡΙΝΘΙΟΙ // *JH S. Oxford : The Society for the Promotion of Hellenic Studies*, 1964. Vol. 84. P. 73–75.

Поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 333–341
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 333–341
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-333-341>, EDN: EXTSAE

Научная статья
УДК 94-055.2(410)|06/10|:930(100)

Зарубежная историография о положении женщины в англосаксонском обществе VII–XI веков

И. И. Болдырева

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко, Россия, 394036, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 10

Болдырева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин, boldyrevairi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>, AuthorID: 734852

Аннотация. В центре внимания статьи – зарубежная историография, посвященная месту и роли женщины в англосаксонском обществе VII–XI вв. На основе обзора основных научных публикаций в разработке данного проблемного поля выделены три периода: конец XIX – первая половина XX в. – начало изучения раннесредневековых английских женщин как субъектов истории; 50–80-е гг. прошлого века – начало систематических исследований; рубеж 1980–1990-х гг. по настоящее время – широкое применение гендерной методологии. Если во второй период медиэвисты продемонстрировали значимость женщины в англосаксонском социуме, историки следующих поколений стремились подчеркнуть ее неполноправие. Показано, что, несмотря на обширное количество специальных работ, в современной медиэвистике целостное представление о положении женщины в раннесредневековом английском обществе отсутствует.

Ключевые слова: англосаксонское общество, женщина в истории, раннесредневековая Англия, историография, историческая феминология, гендерные исследования

Для цитирования: Болдырева И. И. Зарубежная историография о положении женщины в англосаксонском обществе VII–XI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 333–341. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-333-341>, EDN: EXTSAE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Foreign historiography on the position of women in Anglo-Saxon society of the 7th – 11th centuries

I. I. Boldyreva

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, 10 Studencheskaya St., Voronezh 394036, Russia

Irina I. Boldyreva, boldyrevairi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>, AuthorID: 734852

Abstract. The article focuses on foreign historiography devoted to the place and role of women in Anglo-Saxon society of the 7th – 11th centuries. Based on a review of the main academic publications, three successive periods are identified: the end of the 19th – 1st half of the 20th cc. – the beginning of the study of early medieval English women as subjects of history; 1950–1980s – the beginning of systematic research in this area; the turn of the 1980–1990s to our days – a significant increase in the number of publications due to the wide use of gender methodology. While in the second period medievalists demonstrated the importance of women in Anglo-Saxon society, historians of subsequent generations sought to emphasize their suppression. It is shown that despite the extensive number of special works, in modern medieval studies there is no holistic understanding of the position of women in early medieval England.

Keywords: Anglo-Saxon society, woman in history, early medieval England, historiography, women's history, gender studies

For citation: Boldyreva I. I. Foreign historiography on the position of women in Anglo-Saxon society of the 7th – 11th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 333–341 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-333-341>, EDN: EXTSAE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В одном из разделов своей монографии, посвященной становлению раннефеодального общества в Англии, известный советский медиэвист Клара Федоровна Савело обращается к социально-экономическому статусу англосаксонской женщины [1, с. 70–75]. Характеризуя отношение государства к семейному коллективу,

исследователь отмечает право представительницы слабого пола владеть имуществом и его историческую эволюцию. Текст этой научной работы свидетельствует о том, что ее автор была знакома с изданной в 1957 г. книгой своей британской коллеги Дорис Мэри Стентон «Английская женщина в истории» [2].

Англосаксонский период истории Британии приблизительно совпадает с временными рамками раннего Средневековья. К рубежу VI–VII столетий, спустя полтора века после начала колонизации Британских островов племенами германцев, на их землях складывается раннеклассовое общество. Верхней хронологической границей англосаксонского периода принято считать Нормандское завоевание 1066 г.

Научная литература, посвященная изучению положения женщины в англосаксонском обществе, главным образом, представлена работами англоязычных авторов. В отечественной медиэвистике этой проблематике не уделялось должного внимания вплоть до последних полутора десятилетий [3–7].

Начало изучения женщин как субъектов исторического прошлого совпадает с первой волной феминизма на Западе. На рубеже XIX–XX вв. впервые были предприняты попытки преодолеть андроцентризм, присущий исторической науке прошлых лет. Внимание исследователей англосаксонского общества, среди которых оказалось немало литературоведов, ранее других привлекли памятники эпоса, которые наиболее информативны для осмысления этического идеала и мировоззрения раннесредневековых варварских обществ. В частности, Ричард Бертон отмечал, что королевы знаменитой древнеанглийской поэмы «Беовульф» изображены через свой отношения с родичами и семьей, а также как дипломатичные хозяйки [8, р. 8].

Параллельно с литературными штудиями в конце XIX в. предпринимаются первые попытки осмыслить положение англосаксонских женщин на основе изучения законодательных текстов, агиографии, исторического нарратива [9; 10, р. 79–142; 11]. Как правило, эти работы используют позитивистскую методологию, выполнены в русле социальной истории или истории права. Так, статья Дж. Ф. Брауна «Значимость женщин во времена англосаксов» основана на анализе житийных сочинений и «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного. Здесь приведен краткий очерк биографий знатных англосаксонских монахинь, известных по историческим свидетельствам конца VII–VIII в. Их важную роль в англосаксонском обществе автор связывал с уважительным отношением к представительнице слабого пола у кельтов и германцев. Вторым источником, обусловившим возможность аристократок проявить себя в политической сфере, Дж. Ф. Браун называл распространявшуюся на Британских островах христианскую культуру, подчеркивая, что в крещении раннесредневековых правителей Европы и Англии принимали активное участие их жены-христианки [11, р. 11–39].

В 1943 г. в «Трудах королевского исторического общества» была опубликована еще одна значимая работа, автором которой стал

британский медиэвист Ф. М. Стентон. Изучая отражение англосаксонских женских имен в топонимическом материале Англии, Ф. М. Стентон пришел к выводу, согласно которому значительное число раннесредневековых английских аристократок являлись владелицами поместий. По мнению исследователя, в сельском быту женщины и мужчины воспринимались практически на равных (on terms of rough equality), а «независимость, которой пользовались женщины в эпоху переселения народов, за несколько столетий англосаксонской истории не была полностью утрачена» [12, р. 10].

Вместе с тем до середины XX в. статус англосаксонской женщины серьезно не изучался. Историография этой проблематики оставалась крайне немногочисленной и калейдоскопичной. Практически не использовались документальные источники. Уделяя внимание отдельным эпическим сюжетам и монахиням эпохи Беда, исследователи практически не обращались к историческим реалиям позднего англосаксонского периода. Научная полемика или отсутствовала, или носила очень ограниченный характер.

Лишь с середины прошлого века под влиянием второй волны феминизма, центром которой были Великобритания и США, в этой области осуществляются первые систематические исследования, а также начинается активное использование правовых памятников, законов, документов. Среди наиболее значимых работ 1950–1980-х гг. следует отметить публикации Д. М. Стентон, Б. Бэндел, Ш. Дайатрич, М. Кэмпбелла, Э. Клинк, К. Фелл. Большинство из них признавали социально-экономическое положение англосаксонской женщины достаточно благоприятным, показывая, что она обладала правом опеки над детьми, участвовала в публичной жизни, владела земельной собственностью. О равноправии мужчин и женщин у англосаксов писала Д. М. Стентон [2, р. 51]. При этом исследователи довольно часто противопоставляли широкий спектр возможностей знатных англосаксонских дам историческим реалиям более поздней нормандской эпохи. Так, по мнению, Бетти Бэндел, активное участие в военных делах мерсийской правительницы Этельфледы, с точки зрения англосаксонского летописца, вполне допустимое, в англо-нормандском обществе считалось абсолютно неприемлемым [13]. Ш. Дайатрич в своей статье «Знакомство с женщинами англосаксонского общества (600–1066)» цитировала Фрэнка Стентона. «В древнеанглийском обществе женщинам дозволялось не только кулуарное влияние, но также широчайшие возможности принимать участия в публичных делах», – пишет она, одновременно отмечая, что после 1066 г. «дамы, принадлежавшие к господствующему сословию, занимали все более подчиненное положение по отношению к своим мужьям» [14, р. 41].

Компаративный ракурс оказывается в центре внимания статьи профессора университета Нью-Брансуика Энн Клинк «Англосаксонские женщины и право» (1982 г.). Канадская исследовательница сосредоточила внимание на динамике правового статуса женщины в хронологических рамках англосаксонской эпохи и показала его эволюцию, сопровождавшуюся расширением женских прав в X–XI столетиях [15].

Со второй половины прошлого века появляются работы, посвященные англосаксонским женщинам во власти на примере политических биографий Эммы Нормандской и мерсийской правительницы Этельфледы [16–18].

Значимым рубежом изучения проблемы стало опубликованное в 1984 г. монографическое исследование профессора Ноттингемского университета Кристин Фелл «Женщины в англосаксонской Англии» [19]. Две последние главы монографии, относящиеся к положению женщины после Нормандского завоевания, написаны Сесилией Кларк и Элизабет Уильямс [19, р. 148–193]. Книга, обобщившая исследования предшествующих десятилетий, основана на многочисленных исторических источниках, археологических и письменных. Не исключено, что на этот научный труд автора вдохновила изданная несколькими годами ранее монография Сьюзен Уэмпл, посвященная положению женщины во франкском обществе VI–VIII вв. [20].

В первой главе Фелл рассматривает изображение женщин в памятниках героического эпоса, текстах, сохранивших следы древнеанглийских мифов и легенд, восходящих к континентальному прошлому германцев [19, р. 22–38].

Во второй главе, посвященной повседневной жизни англосаксонских женщин, внимание фокусируется на связи представительницы слабого пола с искусством прядения, ткачества, вышивания. Фелл показывает, что в процесс изготовления одежды были вовлечены не только простолюдины, но и аристократки. Если для крестьянских семей значимость женского рукоделия определялась необходимостью удовлетворения базовых материальных нужд своих домочадцев, то для знатных дам изготовление дорогостоящих и изысканных предметов гардероба являлось своего рода выражением их статусности. Кроме того, автор высказывает предположение о происхождении древнеанглийского слова *wif* (женщина) от существительного, обозначающего искусство ткачества и сохранившегося в современном английском как *weaving* [19, р. 39–55].

В третьей и четвертой главах рассматриваются права женщины в браке, ее родственные связи, отношения с мужем и детьми. Здесь Фелл, прежде всего, подчеркивает экономическую и юридическую защищенность представительниц слабого пола [19, р. 56–62, 74–88]. Текст монографии подтверждает, что К. Фелл провела кропотливую работу с большим объемом

документов и прекрасно ориентируется в источниках. На страницах книги оживают «истории» реальных людей из прошлого. Однако некоторые утверждения автора в контексте современного состояния источниковедения представляются недостаточно обоснованными. «От англосаксонского общества у нас нет информации о женщинах, которые были отвергнуты по причине своего бесплодия», – пишет она [19, р. 74–75]. Однако отсутствие прямых свидетельств не означает, что подобные случаи не имели места в среде высшей аристократии и королевских семьях, тем более что жены многих англосаксонских правителей известны историкам лишь по имени.

Как один из примеров правовых норм, защищавших женщин, Фелл приводит титул 81 судьи кентского короля Этельберта, в котором говорится о том, что после смерти мужа собственность бездетной вдовы, включая утренний дар, доставалась не родне супруга, а ее родственникам по линии отца (*foedringmagas*). Таким образом «принося свой утренний дар, она обогащает свою семью», – утверждает Фелл [19, р. 75], забывая при этом, что собственность доставалась не самой вдове, а ее родне, которая, по всей видимости, осуществляла над женщиной опеку.

В главе 5 «Поместье и двор» исследователь касается проблемы хозяйственной активности представительниц высшей аристократии, обсуждает свидетельства участия англосаксонских знатных дам в операциях с земельной собственностью, уровень их грамотности, утверждая, что грамота среди женщин была не менее распространена, чем среди мужчин [19, р. 93–104]. Свой тезис об относительно высокой образованности женщин в раннесредневековом английском обществе она развивает в следующей главе, посвященной конвентам и их обитательницам. Упадок женского монашества к концу англосаксонской эпохи Фелл связывает с серьезным упадком латинской образованности в церковной среде. Она пишет, что на смену равенству полов в сфере учености и письменной культуры, чей расцвет приходится на VIII в., в X в. приходит равенство в невежестве (*equality in ignorance*) [19, р. 109–128].

Монография К. Фелл представляет собой попытку дать характеристику положению англосаксонских женщин в различных сферах жизни общества, охватывает довольно протяженный хронологический период и разнообразные категории исторических свидетельств, как светских, так и церковных. Для специалистов по истории средневековой Европы эта книга представляет безусловный интерес, до настоящего времени оставаясь единственной обобщающей работой, посвященной месту и роли представительниц слабого пола в англосаксонском социуме.

Вместе с тем монография не лишена недостатков и не соответствует целому ряду требований, предъявляемых к современному научному

исследованию. Здесь отсутствуют точные ссылки на исторические источники и литературу. В основном тексте работы нет выраженной полемики и критической оценки работ предшественников. Выводы по главам не представлены, равно как и такой значимый элемент структуры научного исследования, как заключение. Прежде всего, Фелл показывает значимость представительниц слабого пола в раннее Средневековье, их хозяйственную и публичную активность. Однако сложности, проблемы, с которыми сталкивались англосаксонские женщины, а также специфика их статуса, по сравнению со статусом мужчины, в том числе имущественная и юридическая, не находят отражения в монографии. Англосаксонский период истории Британии охватывает более пяти столетий – объемный хронологический отрезок, на протяжении которого происходило становление феодальных отношений, национальной церкви, имели место значимые политические события, завершившиеся складыванием единого государства под эгидой Уэссекса. Вместе с тем хронологический метод, предполагающий изучение исторических процессов и явлений в их последовательности и динамике, автор использует очень ограниченно. Все это создает ощущение «неполноты» и поверхностности. Ориентируясь на описательную подачу материала, К. Фелл, являясь признанным специалистом в академической среде, возможно, рассчитывала привлечь более широкий круг потенциальных читателей, который бы не ограничивался ее коллегами-медиевистами.

Другим значимым исследованием, представляющим большой интерес в контексте историографии проблемы, является книга американского филолога Джейн Чанс «Женщина как героиня древнеанглийской литературы» [21]: монография, написанная на материале литературных памятников VIII–XI вв., помогает лучше понять мировоззрение той эпохи, представления, присутствовавшие в англосаксонской светской и религиозной среде о женском этическом идеале и его антиподах. В частности, автор рассматривает концепт «пряха мира» (*freodwebbe*), характерный для героического эпоса и выражающий, по ее мнению, идеал замужней аристократки. В социальном пространстве эпических сочинений она выделяет не менее яркий образ – отважной и целомудренной девы-воительницы, которая аллегорически символизирует чистую человеческую душу и Церковь Христову [21, р. 31–52]. Несмотря на заглавие, предполагающее использование сочинений разного жанра, шесть глав исследования написаны на основе эпических текстов. И лишь в главе 4 автор обращается к более широкому корпусу источников, в числе которых «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного, хроники, житийные сочинения [21, р. 53–64].

Еще одним рубежным событием в историографии, посвященной изучению раннесредневековых английских женщин, стал сборник трудов «Новые чтения о женщинах в древнеанглийской литературе», увидевший свет в 1990 г. в издательстве университета Индианы [22]. Редакторами-составителями издания выступили американские ученые Хелен Дамико и Александра Олсен. В книгу вошли 19 научных публикаций, сгруппированных в 4 тематических раздела: «Исторические свидетельства», «Сексуальность и фольклор», «Язык и значение в описании», «Раскрывая стереотипы». Первое, что привлекает внимание при знакомстве с книгой, это в некотором смысле достаточно условное соответствие ее названия содержанию. В сборник «Новые чтения...» (*New Readings...*) вошли работы, ранее опубликованные. Некоторые из них были представлены на суд научной общественности в 1940–1950-е гг. [22, р. 44–55, 79–88]. В первом разделе содержится несколько статей, написанных на основе хартий, законодательных источников, материалов топонимики, одним словом, памятников, которые вряд ли можно отнести к литературному жанру [22, р. 44–55, 56–78, 79–88, 89–99]. Это обстоятельство никоим образом не сказывается на научном уровне вошедших в сборник публикаций, а подобные казусы, скорее, свидетельствуют о чрезвычайной популярности женской проблематики в англоязычной медиевистике рубежа 1980–1990-х гг. Характерно, что целый ряд авторов, чьи работы вошли в это издание, трудились в русле гендерного направления [22, р. 137–145, 262–272].

С распространением гендерных исследований в 1980-е гг. в историографии, посвященной изучению англосаксонских женщин, можно выделить несколько новых тенденций: во-первых, появление многочисленных научных публикаций, посвященных отдельным сюжетам и сочинениям; во-вторых, активное вовлечение в разработку проблемы американских ученых; в-третьих, рост интереса к трудам церковных авторов, памятникам церковного права, проповедям, житиям, в том числе относящимся к позднему англосаксонскому периоду [23–26]. Авторы новейших публикаций, как правило, стремятся радикально переосмыслить устоявшиеся в историографии представления о равенстве полов в раннесредневековом английском обществе, акцентируют неполноправие женщины, враждебное отношение к ней в англосаксонской церковной среде, обсуждают проблему «присутствия / отсутствия» женщин в исторических текстах. Параллельно наблюдается пристальное внимание к сфере ментальности, культурным смыслам и символам, изображению телесности в религиозном нарративе.

Ярким образцом гендерного подхода к изучению раннесредневековой Англии и вместе с тем одной из наиболее добротных и оригинальных

работ является вышедшее в свет монографическое исследование новозеландского историка Стефани Холлис «Англосаксонские женщины и церковь» [27]. Книга, опубликованная в престижном академическом издательстве Boydell Press, увидела свет в 1992 г. Холлис тщательно анализирует сочинения англосаксонских церковных авторов, которые писали о женщинах или для женщин в конце VII–VIII в., и констатирует, что еще до Нормандского завоевания статус женщины в английской церкви существенно снижается. Материал «Церковной истории» Беда и его житие святого Кутберта Холлис использует, чтобы продемонстрировать неприятие известным средневековым историком и богословом политической активности королей и влиятельных аббатов.

В русле гендерного подхода выполнено монографическое исследование Шери Хорнер «Дискурс закрытого пространства (enclosure): репрезентация женщин в древнеанглийской литературе» (2001 г.) [28]. Исследование носит междисциплинарный характер и опирается на методологию литературоведения, философии, культурологии. Широко используя метод герменевтического анализа, Хорнер предпринимает попытку соединить литературные свидетельства и исторические реалии в концептуальное целое.

По мнению Хорнер, изображая женских персонажей, авторы многих древнеанглийских текстов, на уровне буквальном, фигуральном, текстологическом вписывают «женскую» сферу в строгие замкнутые границы. В качестве этих границ может выступать как определенное материальное пространство, например, пространство дворца, дома, темницы, кельи, так и социальная структура брака, необходимая для «удержания» женщины в рамках нормы, одобряемой обществом. В житиях святых дев этими границами является само женское тело, целостность которого нерушима. Любой выход женщины за пределы закрытого пространства (enclosure) воспринимается как опасное, неестественное, нарушающее сложившийся порядок. Основной тезис монографии объясняет литературный дискурс «закрытого пространства» влиянием института христианской церкви, в частности строгих правил замкнутых монашеских общин, существовавших в раннее Средневековье [28, р. 6].

Комментируя гипотезу Хорнер, необходимо обратить внимание на то, что в своем исследовании автор практически не использует материал, содержащий историческую конкретику. Между тем исторический нарратив, жития, письма демонстрируют, что до начала скандинавских вторжений на Британские острова степень сегрегации полов в англосаксонских двойных монастырях была различной. В силу особенностей своей организации, хозяйственных нужд, социального статуса знатных насельниц эти институты поддерживали тесные контакты с широким кругом

лиц. Лишь одну из многочисленных женских общин, а именно общину двойного монастыря Уимборн, Рудольф из Фульды (865 г.) описывает как абсолютно обособленную, с очень строгими внутренними правилами [3, с. 324–325]. Даже в X–XI вв., когда двойные монастыри уходят в прошлое и вводится бенедиктинский устав, женские конвенты не были полностью «закрыты» для мира [4, с. 256–258].

В 2006 г. была опубликована монография доцента Рутгерского университета Стейси Клейн «Правящие женщины: власть королевы и гендер в англосаксонской литературе» [29]. Источниковую основу исследования составили сочинения, созданные в период с VIII по начало XI в.: «Церковная история» Беда Достопочтенного, «Елена» Кюнивульфа, «Беовульф», адаптированные переводы на англосаксонский язык ветхозаветных книг «Царств» и «Эсфири», выполненные аббатом Элфриком Эншемским. Книгу отличает тщательный анализ и оригинальное толкование текстов источников. Литературные персонажи древнеанглийских художественных и назидательных сочинений, а также литературные образы исторических королей Клейн рассматривает сквозь призму социально-политических и культурных реалий Англии соответствующего периода. Она отмечает недооценку роли жен правителей в «Церковной истории» Беда, объясняя ее особенностями мировоззрения раннесредневекового книжника [29, р. 17–52]. Обращаясь к эпической поэме «Елена», автор предлагает новое прочтение сочинения в контексте социальной иерархии, политических и культурных процессов, происходивших в поздний англосаксонский период [29, р. 53–85]. В заключительных главах монографии, посвященных сочинениям Элфрика, Клейн связывает осмысление им образов библейских цариц с изменениями, которые происходили в статусе жены правителя Англии в период бенедиктинской реформы [29, р. 125–189].

Проблема женщины и власти в англосаксонском обществе также находит отражение в научных трудах профессора Ливерпульского университета Полин Стаффорд. В отличие от коллег-филологов для достижения своих исследовательских задач Стаффорд в равной степени привлекает повествовательные памятники и документы, демонстрируя блестящее знание источников. Самая известная ее монография посвящена королевам Англии первой половины XI в. Эмме и Эдите [30]. Исторические фигуры Эммы и Эдиты рассматриваются Стаффорд многоаспектно, через призму их материнства, брака, королевского патронажа, идентичности, практики распоряжения земельной собственностью.

Клэр Лис и Джиллиан Оверинг, авторы монографии «Двойные агенты: женщины и клерикальная культура в англосаксонской Англии»

(2001), широко используют феминистскую и гендерную методологию, обращаясь к трудам главных интеллектуалов эпохи – Беда, Альдхельма, Элфрика [31]. В основе исследования – достаточно разнообразный источниковый материал: исторический нарратив, агиография, хартии, отдельные образцы древнеанглийской литературы. Представляя безусловный интерес для медиэвистики, эта книга сосредоточена, прежде всего, на философско-культурологическом осмыслении «женского», его форм и граней в патриархальной культуре раннесредневекового английского общества. Специфика методологии исследования проявляется уже в смысловых доминантах, которые авторы выделяют в структуре издания: «Материнство в творениях отцов. Беда. Хильда и культурное воспроизводство» «Устная традиция, фемининность и ее исчезающий след в ранней англосаксонской Англии», «Письменная традиция и гендер в поздней англосаксонской Англии», «Изображая тело: Гендер. Представление. Агиография».

Книга содержит ряд ценных наблюдений. В частности, Лис и Оверинг являются одними из первых, кто обратил внимание на особенности репрезентации женщин в англосаксонском актовом материале. На примере относящейся к правлению Кнута (1016–1035) тяжбы из Херефордшира они показывают, что, даже выиграв судебный спор, раннесредневековая аристократка могла остаться безымянной для документа [31, р. 71–77].

С другой стороны, подобно другим исследователям-феминисткам авторы книги стремятся осмыслить англосаксонские церковные тексты, используя категории и смыслы современной культуры, и сосредоточены, прежде всего, на «разоблачении» гендерных диспропорций, присущих Средневековью. Характеризуя изображение представительниц слабого пола в раннесредневековых английских источниках, они используют слово «подавление» (suppression). «Для нас, – пишут они, – отрицание, замалчивание и игнорирование (elision) деятельности женщин в свидетельствах англосаксонской письменной культуры на уровне структурном является столь всепроникающим, что кажется абсолютно очевидным» [31, р. 172].

Характеризуя тенденции, доминирующие в англоязычной научной литературе последних двух–трех десятилетий, посвященные изучению раннесредневековых английских женщин, также необходимо обратить внимание на сборник научных статей «Создавая образы женщин-святых в англосаксонской Англии». Книга была опубликована в 2013 г. в Торонто под редакцией известного американского медиэвиста Пола Цармача, профессора университета Западного Мичигана в Каламазу [32]. На протяжении многих лет основной сферой научных интересов

ученого оставалась англосаксонская проповедь и житийная литература. В сборник вошли 12 научных публикаций, хронология которых охватывает период с IX по конец XI в. В центре внимания исследователей – различные аспекты женской агиографии «Древнеанглийского мартиролога» [32, р. 13–29, 30–54], женское целомудрие и особенности жанра в поздних англосаксонских житиях [32, р. 55–81, 121–139, 140–164], духовное материнство [32, р. 167–190, 191–214], а также образы святых мучениц в письменной традиции Англии конца X–XI вв. [32, р. 217–248, 249–273, 274–306]. Источниковую базу целого ряда публикаций составили назидательные сочинения аббата Элфрика Эншемского и англо-нормандского писателя Госцелина.

Среди работ сборника одной из наиболее оригинальных является статья профессора права университета Миннесоты Мэри Луизы Феллоус [33]. Изучая завещание знатной вдовы по имени Этельгифу, жившей во второй половине X в., Фэллоус обращает внимание на связь подобного рода документов с духовной литературой позднего англосаксонского периода. В частности, она отмечает присутствие в тексте грамоты темы целомудрия и темы стойкости, которыми проникнута агиография той эпохи. Это влияние в значительной степени обусловлено тем, что житийная традиция служила руководством для христиан в том, как прожить временную жизнь, чтобы наследовать Небесное Царство.

Другое важное наблюдение Фэллоус относится к осмыслению различий женского и мужского духовного подвига в сознании раннесредневекового книжника. На основе сравнительного анализа двух составленных аббатом Элфриком житий – святителя Мартина Турского и преподобномученицы Евгении – она приходит к выводу о том, что поздние англосаксонские клирики важное внимание уделяли соответствию поведения святого присутствовавшим в культуре социальным моделям мужчины и женщины. Они «больше мыслили в категориях гендерной конгруэнтности, чем гендерной иерархии», – пишет Фэллоус [33, р. 82].

За последние два десятилетия проблема роли женщины в англосаксонской церкви нашла отражение в достаточно крупных исследованиях таких авторитетных авторов, как Барбара Йорк и Дайан Уотт. В 2003 г. в издательстве Continuum вышла в свет монография профессора Винчестерского университета Б. Йорк «Женские монастыри и англосаксонские королевские дома» [34]. В книге предпринята попытка восстановить хронологию и обстоятельства возникновения женских монашеских общин раннесредневековой Англии, основанных представительницами правящих фамилий. Автор показывает, что судьбы этих обителей были тесно связаны с королевскими домами, которые выступали их покровителями, а положение настоятельницы открывало

для женщины королевской крови возможности, сопоставимые с возможностями мужчины.

Исследование профессора университета Суррей Д. Уотт освещает другой интересный аспект интересующего нас проблемного поля – участие англосаксонских женщин в становлении раннесредневековой письменной традиции. Ее монография «Женщины, письменность и религия в Англии и за ее пределами, 650–1100 гг.» была опубликована в 2020 г. научным издательством Bloomsbury Academic в рамках серии «Штудии по раннесредневековой истории» (редактор серии – Ян Вуд) [35]. Как и в предыдущем исследовании, речь идет о средневековых *feminae religiosae*. В эпоху раннего Средневековья именно монахини имели доступ к книжной культуре, владели грамотой, работали с манускриптами.

Причастность раннесредневековых английских инокинь к письменной традиции исследователь рассматривает не только сквозь призму патронажа или гипотетического авторства не дошедших до нас источников, но в более широком культурном контексте. Воспоминания, устные свидетельства, записи, которыми насельницы женских общин делились с агнографами, ложились в основу житийных повествований. Читательницами таких сочинений, прославлявших местных подвижниц, становились следующие поколения монахинь и монахов.

Одновременно, по мнению автора, женские свидетельства часто подвергались редактированию, переписывались, терялись, а создаваемые церковными авторами на их основе тексты имели своей целью подавить и поставить под контроль женскую власть и авторитет.

В двух последних главах своей работы Д. Уотт обращается к письменному наследию монастыря Уилтон и его насельниц, с которыми тесные контакты поддерживал живший в XI в. Госцелин Кентерберийский, автор жития святой Эдиты и *Liber Confortatorius* [35, p. 117–157]. Изучать эти ранние англо-нормандские памятники медиевисты начали относительно недавно [36–39]. Однако, несмотря на внимание исследователей к уилтонской общине и ее святым, женское монашество Англии X–XI вв. до сих пор не получило в историографии должного осмысления.

Помимо интереса к изображению женщин в англосаксонской религиозной прозе не прекращаются попытки переосмыслить отдельные эпические сюжеты, проливающие свет на восприятие «женского» в культуре англосаксов. На протяжении нескольких десятилетий не увядает интерес к эпической «Юдифи», женским персонажам «Беовульфа» [40–43].

Другим направлением новейших исследований в области женской истории остается историко-правовое. За последнюю четверть века наиболее весомый вклад в изучение юридического аспекта статуса англосаксонских женщин связан с работами профессора университета

Глазго Кэрол Хоуг, которая является одним из ведущих специалистов в области англосаксонского права. В 2014 г. она издала монографию «*An Ald Reht*»: Очерки по англосаксонскому праву», в которую вошли ее статьи прежних лет [44]. Большинство работ Хоуг связаны с исторической лингвистикой и посвящены различным аспектам репрезентации женщин в англосаксонских законах. Многие из них имеют своей целью пересмотреть принятый ранее в научном сообществе перевод и основанные на нем толкования отдельных титулов и терминов судебных актов, начиная с кентского законодательства VII в. и завершая *Domboc* Альфреда Великого (конец IX в.).

Основываясь на проведенном анализе историографии, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на внушительное число специальных работ, в современном гуманитарном знании целостное представление о положении женщины в раннесредневековом английском обществе отсутствует.

Единственная, посвященная англосаксонским женщинам обобщающая монография, изданная британским историком Кристин Фелл более 35 лет назад, не соответствует многим современным научным стандартам. Автор ориентируется на описательную подачу материала, а хронологический метод исследования, предполагающий изучение исторических процессов и явлений в их последовательности и динамике, используется ограниченно.

При этом основной корпус исследований, в том числе новейших, демонстрирует тщательный источниковый анализ. Однако в силу специфики тематического ракурса, большинство этих работ фокусируют свое внимание на отдельных памятниках, исторических персоналиях, казусах, сюжетах. Значительный рост числа подобных публикаций, начиная с последней трети прошлого века, можно объяснить активным освоением изучаемой проблематики, привлечением новых категорий исторических свидетельств и поиском новых методов работы с ними.

Выводы, к которым приходят авторы более ранних и поздних работ, как правило, имеют существенные различия. Если в 1950–1980-е гг. Д. Стентон, Ш. Дайатрич, К. Фелл продемонстрировали научной общественности присутствие и значимость женщин в раннесредневековом английском социуме, историки следующих поколений, стремились переосмыслить устоявшееся к тому времени в медиевистике представление об относительном равенстве полов в англосаксонский период. Многие из них видели своей задачей выявление неполноправия средневековых аристократок, враждебного отношения к ним в церковной среде, что в целом характерно для феминистского подхода к прошлому. Следует признать, что этот подход, приоткрывая новые грани социальной истории, одновременно сужает методологический ракурс исследований

и научный потенциал исторических текстов для анализа социальной и культурной специфики обществ.

Список литературы

1. Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л. : Издательство ЛГУ, 1977. 145 с.
2. Stenton D. M. The English Woman in History. London : Allen and Edwin ; New York : Macmillan, 1957. 363 p.
3. Болдырева И. И. Англосаксонское женское монашество в VII–VIII вв. // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 321–337. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.023>
4. Болдырева И. И. Женские монастыри Англии IX – середины XI веков // Научный диалог. 2019. № 12. С. 248–263. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-248-263>
5. Болдырева И. И. Положение жены правителя в Англии второй половины X века: королева Эльфтрида // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 198–206. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-198-206>
6. Гвоздецкая Н. Ю. Женщины в «Церковной истории народа англос» Беды Достопочтенного // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии / отв. ред. М. В. Тюленев. Иваново : Ивановский государственный университет, 2008. Вып. 1. С. 24–44.
7. Прогунова Ю. М. Леоба: ученая монахиня, аббатиса // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198), вып. 33. С. 62–67.
8. Burton R. Woman in Old English Poetry // *Sewanee Review*. 1895. Vol. 4. P. 1–14.
9. Buckstaff F. Married Women's Property in the Anglo-Saxon and Anglo-Norman Law and the Origins of the Common Law Dower // *Annals of the American Academy of the Political and Social Sciences*. 1893. Vol. 4. P. 233–264.
10. Eckenstein L. Woman under monasticism. Chapters on Saint-Lore and Convent Life between A. D. 500 and A. D. 1500. Cambridge : Cambridge University Press, 1895. 496 p.
11. Browne G. F. The importance of Women in Anglo-Saxon Times // *The importance of Women in Anglo-Saxon Times and Other Addresses*. London : Society for Promoting Christian Knowledge, 1919. P. 11–39.
12. Stenton F. M. The Historical Bearing of Place-Name Studies: The Place of Women in Anglo-Saxon Society // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1943. Vol. 25. P. 1–13.
13. Bandell B. The English Chroniclers' Attitude toward Women // *Journal of the History of Ideas*. 1955. № 16. P. 113–118.
14. Dietrich S. Introduction to women in Anglo-Saxon society (600–1066) // *The Women of England from Anglo-Saxon times to the Present* / ed. B. Kanner. Hamden : Archon Books, 1979. P. 32–56.
15. Klinck A. L. Anglo-Saxon women and the law // *Journal of Medieval History*. 1982. Vol. 8, № 2. P. 107–121.
16. Campbell M. W. Emma, reine d'Angleterre: mere denature ou femme vindicative? // *Annales de Normandie*. 1973. Vol. 23. P. 97–114.
17. Campbell M. W. Queen Emma and Aelfgifu of Northampton: Canut the Great's Women // *Medieval Scandinavia*. 1971. Vol. 4. P. 66–79.
18. Wainwright F. T. Aethelflaed, Lady of the Mercians // *The Anglo-Saxons: some aspects of their history and culture presented to Bruce Dickins* / ed. P. Clemons. London : Bowes and Bowes, 1959. P. 53–69.
19. Fell C., Clark C., Williams E. Women in Anglo-Saxon England and the Impact of 1066. London : Basil Blackwell, 1986. 208 p.
20. Wemple S. F. Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister. 500 to 800. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1981. 348 p.
21. Chance J. Woman as Hero in Old English Literature. Syracuse : Syracuse University Press, 1986. 156 p.
22. *New Readings on Women in Old English Literature* / eds. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington : Indiana University Press, 1990. 313 p.
23. Gopa R. A Virgin Acts Manfully: Aelfric's Life of St. Eugenia and the Latin Versions // *Leeds Studies in English*. 1992. Vol. 23. P. 1–27.
24. Jackson P. Aelfric and the Purpose of Christian Marriage: A Reconsideration of the Life of St. Aethelthryth. Lines 120–130 // *Anglo-Saxon England*. 2000. Vol. 29. P. 235–260.
25. Szarmach P. E. Aelfric's Women Saints: Eugenia // *New Readings on Women in Old English Literature* / eds. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington : Indiana University Press, 1990. P. 146–157.
26. Szarmach P. E. St. Euphrosyne: Holy Transvestite // *Holy Men and Holy Women: Old English Prose Saints' Lives and Their Contexts* / ed. P. E. Szarmach. Albany : State University of New York Press, 1996. P. 353–365.
27. Hollis S. Anglo-Saxon Women and the Church: Sharing a Common Fate. Woodbridge : Boydell Press, 1992. 336 p.
28. Horner Sh. The Discourse of Enclosure: Representing Women in Old English Literature. Albany : State University of New York Press, 2001. 207 p.
29. Klein S. S. Ruling Women: Queenship and Gender in Anglo-Saxon Literature. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 2006. 282 p.
30. Stafford P. Queen Emma and Queen Edith: queenship and women's power in eleventh-century England. Oxford ; Cambridge : Blackwell Publishers, 1997. 371 p.
31. Lees C. A. Overing G. R. Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2001. 244 p.
32. *Writing Women Saints in Anglo-Saxon England* / ed. P. E. Szarmach. Toronto : University of Toronto Press, 2013. 368 p.
33. Fellows M. L. Aethelgifu's Will as Hagiography // *Writing Women Saints in Anglo-Saxon England* / ed. P. E. Szarmach. Toronto : University of Toronto Press, 2013. P. 82–102.

34. York B. *Nunneries and the Anglo-Saxon Royal Houses*. London ; New York : Continuum, 2003. 229 p.
35. Watt D. *Women, Writing, and Religion in England and Beyond, 650–1100*. London : Bloomsbury Academic, 2020. 238 p.
36. Hollis S. Goscelin's Writings and the Wilton Women // *Writing the Wilton Women: Goscelin's Legend of Edith and Liber confortatorius* / eds. S. Hollis, W. R. Barnes. Turnhout : Brepols Publishers, 2004. P. 217–244.
37. Hollis S. St Edith and Wilton Community // *Writing the Wilton Women: Goscelin's Legend of Edith and Liber confortatorius* / eds. S. Hollis, W. R. Barnes. Turnhout : Brepols Publishers, 2004. P. 245–280.
38. Hollis S. Edith as Contemplative and Bride of Christ // *Writing the Wilton Women: Goscelin's Legend of Edith and Liber confortatorius* / eds. S. Hollis, W. R. Barnes. Turnhout : Brepols Publishers, 2004. P. 281–306.
39. Hollis S. Wilton as a Centre of Learning // *Writing the Wilton Women: Goscelin's Legend of Edith and Liber confortatorius* / eds. S. Hollis, W. R. Barnes. Turnhout : Brepols Publishers, 2004. P. 307–338.
40. Cavell M. Formulaic *Friðuwebban*: Reexamining Peace-Weaving in the Light of Old English Poetics // *The Journal of English and Germanic Philology*. 2015. Vol. 114, № 3. P. 355–372.
41. Cooper T.-A. Judith in Late Anglo-Saxon England // *The sword of Judith: Judith Studies across the Disciplines* / eds. K. R. Brine, E. Ciletti. Cambridge : Open Books, 2010. P. 169–196.
42. Magennis H. Gender and Heroism in the Old English Judith // *Writing Gender and Genre in Medieval Literature* / ed. E. Treharne. Cambridge : D. S. Brewer, 2002. P. 5–18.
43. Hennequin M. W. We've Created a Monster: The Strange Case of Grendel's Mother // *English Studies*. 2008. Vol. 89, № 5. P. 503–523.
44. Hough C. "An Ald Reht": Essays on Anglo-Saxon Law. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 276 p.

Поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 06.03.2024; approved after reviewing 10.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 342–347
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 342–347
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>, EDN: EOYMNХ

Научная статья
УДК 343.9-055.2(430.119.3)|16|

Женская преступность в Мюнстере в первой половине XVII века

О. В. Чавкина[✉], А. Г. Канаев

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

Чавкина Олеся Викторовна, специалист по учебно-методической работе кафедры всеобщей истории, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002
Канаев Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, kanaevs@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1269-8878>, AuthorID: 336738

Аннотация. В статье на основе анализа сохранившихся материалов судебно-следственных дел Мюнстера первой половины XVII в. выявляются особенности женской преступности в городе. Показано, что основными видами женских преступлений были колдовство, детоубийство, кражи. На состояние женской преступности влияли социально-демографические факторы, а также отсутствие материальной и социальной помощи со стороны властей Мюнстера. Формулируется вывод о незначительном, по сравнению с показателями мужской преступности, количестве зарегистрированных в первой половине XVII в. преступлений, совершенных женщинами.

Ключевые слова: раннее Новое время, Мюнстер, история преступности, женская преступность, колдовство, детоубийство, кража

Для цитирования: Чавкина О. В., Канаев А. Г. Женская преступность в Мюнстере в первой половине XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 342–347. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>, EDN: EOYMNХ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Women's crime in Munster in the first half of the XVII century

O. V. Chavkina[✉], A. G. Kanaev

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoy St., Krasnoyarsk 660049, Russia

Olesya V. Chavkina, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002
Alexandr G. Kanaev, kanaevs@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1269-8878>, AuthorID: 336738

Abstract. Based on the analysis of the preserved materials of the judicial and investigative cases of Munster in the first half of the XVII century, the article identifies the features of the women's crime in the city. It is shown that the main types of women's crimes were witchcraft, infanticide, thefts. The state of the women's crime was influenced by socio-demographic factors, as well as the lack of financial assistance and the social support from Munster's authorities. The conclusion is made about the insignificant number of crimes committed by women in the first half of the XVII century compared to men.

Keywords: Early modern time, Munster, crime's history, women's crime, witchcraft, infanticide, theft

For citation: Chavkina O. V., Kanaev A. G. Women's crime in Munster in the first half of the XVII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 342–347 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>, EDN: EOYMNХ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время изучение женской преступности как составной части истории преступности является актуальным для исследователей в различных сферах гуманитарного знания: истории, социологии, философии, криминологии. В зарубежной историографии имеется большое количество статей и монографий, посвященных женской преступности раннего Нового времени в Англии, Германии, Голландии, Италии. В частности, об этом писали в своих трудах английские

исследователи Г. Уокер [1], Дж. Кермод [2], Дж. А. Шарп [3], голландские историки Манон ван дер Хейден [4], С. Мюрлинг [5], немецкие авторы С. Бургарц [6], У. Герхард [7], У. Рублек [8], О. Ульбрихт [9], Г. Шверхофф [10], Р. Ютте [11]. В своих работах зарубежные авторы останавливались на изучении таких вопросов, как социальный и правовой статус женщины, гендерные конфликты в немецком обществе времен Реформации и Тридцатилетней войны, специаль-

но рассматривали преступления, совершаемые женщинами в указанный период, а также поднимали вопрос о гендерных факторах преступности. У. Рублек считает, что в общей статистике преступности были зарегистрированы не все преступления, совершаемые женщинами, причиной чего являлась снисходительная по отношению к женщинам политика уголовных судов того времени [8, р. 45]. По мнению Ж. М. Камп, причины того, что женщины были относительно незначительно представлены в зарегистрированной преступности во Франкфурте раннего Нового времени, связаны с влиянием местных факторов, в первую очередь социальных и правовых норм, моделей девиантного поведения и механизмов социального контроля [12, р. 3]. Другие исследователи, например Г. Уокер и Дж. Кермод, рассматривали возможность использования статистических методов в исследовании при изучении женской преступности раннего Нового времени [2, р. 4]. Ж. М. Камп отмечает, что в Кельне XVI в. общее количество совершенных женщинами преступлений составляло 16% от числа зарегистрированных обвиняемых лиц, а во Франкфурте XVII и XVIII вв. – около 22%, в отличие от таких европейских городов, как Амстердам и Лондон, где наблюдался более высокий уровень женской преступности – около 50% [12, р. 3]. Автор считает, что, кроме количественных показателей, необходимо учитывать и гендерные аспекты преступности [12, р. 5]. Например, С. Бургарц писала, что пол всегда должен быть важным фактором при изучении преступности независимо от статистической доли женщин среди преследуемых преступников. Даже если криминальная статистика с течением времени демонстрировала относительно небольшую представленность женщин, это нельзя трактовать как закономерное, повсеместно распространенное явление, учитывая, что преступления совершались в различных исторических социальных контекстах [6, S. 25–26]. Таким образом, представленные точки зрения весьма неоднозначны в подходах к исследованию женской преступности в период раннего Нового времени.

Помимо изучения женской преступности в целом, зарубежные исследователи Дж. Б. Даррант [13], Э. Роулэндс [14], Р. Дюльмен [15], М. Мойман [16], М. Б. Льюис [17], М. Р. Боес [18], Н. Гроховина [19] рассматривали отдельные, наиболее распространенные преступления, которые совершали женщины раннего Нового времени, такие как колдовство, детоубийство, супружеская измена, кражи.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в зарубежной историографии проблема женской преступности в отдельных городах и землях Германии раннего Нового времени недостаточно изучена. Зарубежные исследователи рассматривали женскую преступность на примере таких городов, как Франкфурт-на-Майне

[20], Кельн [21], детоубийство и аборты – Аугсбург [22], колдовство – герцогство Бавария [23]. С. Альфинг, К. Шедензак [24] и С. Лакуа-О’Доннелл [25] в своих трудах изучали повседневную жизнь женщин из разных слоев мюнстерского общества и их девиантное поведение в период раннего Нового времени. М. Витке [26] в своем исследовании рассматривала насильственные преступления, совершенные как мужчинами, так и женщинами Мюнстера, а также сравнивала женскую преступность в городе с тем положением, которое сложилось в сельской местности. Однако комплексной работы, посвященной женской преступности в Мюнстере раннего Нового времени, не удалось обнаружить.

Важная особенность католического города Мюнстера заключалась в том, что он был единственным вестфальским городом, оставшимся не захваченным неприятельскими войсками во время Тридцатилетней войны. В условиях относительно мирной жизни городские власти продолжали осуществлять политику по борьбе с преступностью, в частности – с противоправным поведением женщин. Исходя из этого, на основе анализа сохранившихся судебно-следственных материалов уголовных дел Мюнстера, попытаемся выявить характерные особенности противоправного поведения женщин в этом городе в первой половине XVII в.

Изучение сохранившихся материалов дел Мюнстера позволяет заключить, что в первой половине XVII в. из всех зафиксированных в нем преступлений более 86% были совершены мужчинами и около 14% – женщинами.

Все преступления, совершенные женщинами Мюнстера в это время, можно разделить на 4 основные группы: религиозные (колдовство, кража церковного имущества), преступления против нравственности (блуд, прелюбодеяние), преступления против личности (непредумышленное убийство, детоубийство), имущественные преступления (кражи, приобретение краденного, мошенничество). Более подробно остановимся на рассмотрении наиболее часто упоминаемых в судебной практике преступлений, совершаемых женщинами – колдовстве, детоубийстве и кражах.

Наиболее тяжким деянием в иерархии преступлений является колдовство, относившееся к группе религиозных преступлений. В первой половине XVII в. власти проводили активную политику по преследованию ведьм, что подтверждается архивными источниками Мюнстера. Как отмечает С. Альфинг, власти были заинтересованы в поимке и наказании «козлов отпущения», поскольку их было легче обвинить во всех несчастьях и бедствиях, происходивших в городе, и обосновать необходимость бороться с ними как с источниками зла [27, S. 6–7]. С. Альфинг приводит статистику преследуемых и казненных за колдовство в Вестфальском регионе в период

раннего Нового времени. Так, например, в Оснабрюке в 1538–1669 гг. количество преследуемых составило 90 чел., из которых 53 чел. были казнены; в Миндене в 1603–1648 гг. было казнено 126 чел. [27, S. 21]. По оценкам Дж. Б. Дарранта, в Айхштете с 1590–1631 гг. казненные за колдовство составили 240 чел., в том числе 211 женщин и 29 мужчин [13, р. 14]. В центральной Германии в г. Бюдинге между 1532 и 1699 гг. в колдовстве обвинялись 485 чел., из которых 400 были казнены [28, S. 76].

В общей сложности с 1616 г. по 1644 г. судебными органами Мюнстера было рассмотрено 8 случаев о колдовстве, в отношении 7 женщин и 1 мужчины.

Как можно заметить, количество дел о колдовстве в Мюнстере было значительно меньше, чем в городах Баварии, Гессена и в Северной Вестфалии в раннее Новое время. Данная тенденция, на наш взгляд, объясняется тем, что в период Тридцатилетней войны Мюнстер был более благополучным и социально стабильным в отличие от других городов Германии, поэтому у власти не было насущной необходимости искать виновников во всех несчастьях, происходивших в городе. Это косвенно подтверждает тот факт, что Мюнстер стал одним из мест проведения переговоров о заключении мира по окончании Тридцатилетней войны.

Для того чтобы понять причину столь незначительного количества рассмотренных дел и вынесенных по ним смертных приговоров (всего двух), обратимся к сохранившимся архивным материалам.

Анализ судебно-следственных дел позволяет констатировать, что подозреваемые женщины в основном обвинялись в том, что совершали колдовство (*Zauberei*), а именно травили животных (лошадей, овец) и домашнюю птицу хозяев, у которых они работали, околдовывали и травили ядом детей, обучали своих родных этому ремеслу, например, Анна цур Штайнхерст учила колдовать своего внука Эрнеста Пальсеркампа [29]. Участие подозреваемых в шабаше ведьм в источниках практически не упоминается, за исключением дела Анны цур Штайнхерст (1619 г.) [29].

Возникает вопрос: с чем были связаны обвинения в колдовстве? Обращаясь к материалам судебных дел, можно сказать, что именно родственные связи послужили толчком для возбуждения судебного разбирательства. Совет Мюнстера, проводя допрос без применения пытки, спрашивал у подозреваемых об их социальном положении, о родственниках (привлекался ли кто-нибудь из членов их семей к ответственности за колдовство). В материалах судебного процесса нередко встречались случаи, когда женщину подозревали лишь потому, что ее отец был сожжен за колдовство (дело Катарины Шевентруп,

1616 г.) [30], а также потому, что братья или сестры занимались этим «ремеслом».

Анализ материалов судебно-следственных дел позволяет сделать вывод о том, что женщины, подозреваемые в колдовстве, по своему социальному статусу относились к низшим слоям населения Мюнстера. В большинстве случаев они работали горничными в домах своих господ. По статистике около 50% ведьм – женщины в возрасте 28–35 лет и 50% – в возрасте старше 50 лет. Стоит отметить, что по семейному статусу женщины-преступницы, как правило, были одинокими либо овдовевшими (дело Анны цур Штайнхерст) [29]. Поскольку женщины не имели необходимого для существования достатка, находились на грани нищеты и к тому же были одинокими, они становились потенциальными жертвами преследования.

Стоит отметить, что расследования и сами процессы проводились Советом Мюнстера достаточно тщательно, четко регламентировалась их процедура, подробно разбиралось каждое дело, выслушивались показания свидетелей, которые в дальнейшем подвергались проверке на достоверность изложенных фактов, перед тем как выносилось окончательное решение по делу. В связи с этим можно предположить, что именно тщательное рассмотрение дел судьями могло приводить к замене смертной казни изгнанием из города (дело Катарины Шевентруп) [30], а также было причиной относительно малого количества дел.

Анализ судебной практики позволяет предположить, что город Мюнстер в раннее Новое время не был местом массовых преследований и казней ведьм в силу исторических особенностей и четкой регламентации процедур, проводимых Советом Мюнстера.

Не менее тяжким, чем колдовство, было детоубийство (*Kindesmord*), совершаемое в основном женщинами. Проанализировав сохранившиеся материалы уголовных дел Мюнстера, можно сказать, что за первую половину XVII в. было зарегистрировано 3 случая. В отличие от Мюнстера, где количество дел о детоубийствах, рассмотренных судами за указанный период, оставалось очень низким, в других городах Германии данное преступление жестоко преследовалось. Например, в Вюртемберге между 1600 и 1659 гг. было зарегистрировано 55 случаев детоубийства [8, р. 192], а во Франкфурте-на-Майне между 1562 и 1696 гг. зарегистрировано 23 случая [12, р. 203]. С. Лакуа-О? Доннелл считает, что на столь низкие показатели уголовных дел в Мюнстере благотворно влияли решения Тридентского собора, сделавшие положение женщин более безопасным, поставив брачные обеты выше секса [31].

Анализ сохранившихся материалов уголовных дел Мюнстера первой половины XVII в.

позволяет констатировать, что детоубийство в основном совершалось женщинами с низким социальным статусом. По обвинению в детоубийстве чаще всего привлекались женщины, работавшие по найму в качестве прислуги (горничных). Не менее важной характеристикой личности женщины-детоубийцы являлось ее семейное положение. Изучение судебной практики показывает, что детоубийство, как правило, совершали одинокие, незамужние [32, с. 9] или овдовевшие женщины. Стоит отметить, что во всех трех случаях причиной, толкавшей женщину на убийство своего ребенка, было чувство одиночества, проявлявшееся в отсутствие социальной и материальной поддержки со стороны близких родственников или отца ребенка. Анализ сохранившихся материалов уголовных дел Мюнстера первой половины XVII в. подтверждает точку зрения С. Лакуа-О' Доннелл о том, что власти Мюнстера не предлагали никакой социальной помощи матерям-одиночкам. Единственной альтернативой для этих женщин было обращение в суд с требованием выплаты алиментов. Но открыто заявлять об этом было большим риском, поскольку они были бы уязвимы для обвинений в безнравственности [31].

Исходя из материалов судебной практики Мюнстера первой половины XVII в., можно назвать следующие способы избавления от младенцев: удушение (дело Адельхайд цу Бринтруп, 1622 г.) [31], убийство ударом ножа по горлу новорожденного ребенка (дело Эльзы Люлесман, 1627 г.) [33] и утопление (дело Анны Штумме, 1643 г.) [34].

Таким образом, можно предположить, что незначительное количество дел о детоубийствах, рассмотренных судебными органами Мюнстера за первую половину XVII в., было связано с сохранявшимися традиционными устоями общества, нормами морали, на поддержку которых в католическом городе влияли и решения Тридентского собора. Однако, как свидетельствует анализ судебной практики Мюнстера, 3 случая детоубийства все же были зафиксированы в архивных делах за указанный период, что позволяет предположить, что должная социальная поддержка, оказываемая светскими властями женщинам, принадлежавшим к низшему классу, отсутствовала. Поэтому детоубийство для женщин, совершивших это преступление, продолжало оставаться единственным способом сохранить свое профессиональное положение как прислуги и иметь возможность в будущем вступить в брак.

Одним из наиболее опасных имущественных преступлений, посягавших на основы существования мюнстерского общества, являлась кража (Diebstählen, gestohlen). Как отмечает Ж. М. Камп, кражи во Франкфурте 1600–1806 гг. в основном совершали женщины – 83% [12, р. 96] по причине социально-экономической

нестабильности в городе [12, р. 154]. Анализ сохранившихся материалов дел Мюнстера первой половины XVII в. показывает, что за данный период зарегистрировано 7 случаев краж, совершенных женщинами, и 38 – мужчинами. Причины, толкавшие женщин на путь воровства, в источниках Мюнстера не указаны. Стоит сказать, что осужденные женщины Мюнстера за данный период в большинстве случаев не были замужем, не были интегрированы в городские социальные структуры, принадлежали к низшему классу и работали горничными. Можно предположить, что для таких женщин воровство было способом выживания, а в некоторых случаях даже являлось профессиональным ремеслом (дело Лизабет Кенигс, 1618 г.) [35]. Необходимо отметить, что чаще всего данное преступление совершали члены семьи, например, мать и сын, отец и дочь, супруги. Что касается предмета краж, то анализ судебной практики Мюнстера первой половины XVII в. свидетельствует о том, что женщины, как и мужчины, чаще всего крали лошадей, одежду и домашнюю утварь. Следует подчеркнуть, что данным «ремеслом» женщины, в отличие от мужчин, как правило, не занимались постоянно. В судебной практике Мюнстера за указанный период известно лишь 2 случая, когда женщина вместе с мужчиной неоднократно совершала кражу. В случае рецидива к женщине применялось менее мучительное наказание в виде смертной казни через обезглавливание, в то время как мужчина приговаривался к позорной смертной казни через повешение (дело Катарины Вилькенс, 1617 г.) [36].

Таким образом, можно предположить, что незначительное количество дел о кражах, рассмотренных судебными органами Мюнстера за первую половину XVII в., связано с тем, что в основном преследованию подвергались мужчины, поскольку они не были ограничены домашней сферой, как женщины, и не подвергались контролю со стороны домовладельца. Зачастую, если женщины и воровали, то делали это под влиянием одного из членов семьи: отца или супруга, хотя и для собственных нужд.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что самыми распространенными женскими преступлениями в землях Германии, в том числе в Мюнстере, в раннее Новое время являлись колдовство, детоубийство и кражи. Анализ сохранившихся материалов дел Мюнстера первой половины XVII в. позволяет заключить, что женщины Мюнстера совершали гораздо меньше преступлений, чем мужчины, что соответствовало общегерманской тенденции. Можно предположить, что данная тенденция относительно незначительного количества рассмотренных дел судебными органами в отношении мюнстерских женщин, по сравнению с другими городами Германии, связана, во-первых,

с историческими обстоятельствами, определявшими роль женщины в мюнстерском обществе; во-вторых, с качественной и тщательной работой судебной системы Мюнстера; в-третьих, со степенью господства патриархальных устоев в обществе; в-четвертых, с влиянием на женщину общественного мнения. Однако, несмотря на наличие сдерживающих факторов, некоторые женщины все же были активно вовлечены в преступную деятельность. Следует отметить, что совершение мюнстерскими женщинами преступлений в большей степени зависело от социально-демографических особенностей личности, а также отсутствия материальной и социальной поддержки со стороны органов власти Мюнстера. Как показывает анализ судебной практики Мюнстера первой половины XVII в., преступления преимущественно совершали одинокие, незамужние или овдовевшие женщины, принадлежавшие к низшим слоям населения, которые работали горничными, за исключением одного случая (церковной кражи), когда преступницей была представительница духовенства (монахиня монастыря) [37].

Таким образом, количественные и качественные особенности женской преступности в Мюнстере находились в прямой зависимости от исторических, социально-психологических изменений, происходивших в обществе, а также зависели от социально-демографических характеристик личности (возраста, социального статуса, профессии, материального положения, состояния семейных отношений), что позволяет нам сказать, что данный вид преступности являлся сложившимся и неотъемлемым элементом преступности в целом в Мюнстере в первой половине XVII в.

Список литературы

1. Walker G. Crime, Gender and Social Order in Early Modern England. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 310 p.
2. Kermode J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England. London : University of North Carolina Press, 1994. 216 p.
3. Sharpe J. A. Crime in Early Modern England 1550–1750. London ; New York : Routledge, 2014. 296 p.
4. Heijden M. van der. Women and Crime in Early Modern Holland. Leiden ; Boston : Brill, 2016. 194 p.
5. Muurling S. Everyday Crime, Criminal Justice and Gender in Early Modern Bologna. Leiden ; Boston : Brill, 2021. 254 p.
6. Burghartz S. «Geschlecht» und «Kriminalität» ein «fruchtbares» Verhältnis? // Weiblich-männlich: Geschlechterverhältnisse in der Schweiz: Rechtsprechung, Diskurs, Praktiken / hrsg. J. Rudolf, B. Studer. Zürich : Chronos, 1995. Bd. 13. S. 23–31.
7. Gerhard U. Frauen in der Geschichte des Rechts: von der frühen Neuzeit bis zur Gegenwart. München : Beck, 1997. 960 S.
8. Rublack U. The Crimes of Women in Early Modern Germany. New York : Oxford University Press, 1999. 292 p.
9. Von Huren und Rabenmüttern: weibliche Kriminalität in der frühen Neuzeit / hrsg. O. Ulbricht. Köln : Böhlau Verlag, 1995. 336 S.
10. Schwerhoff G. Historische Kriminalitätsforschung. Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2011. 234 S.
11. Jütte R. Geschlechtsspezifische Kriminalität im Späten Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. 1991. Bd. 108, H. 1. S. 86–116.
12. Kamp J. M. Crime, Gender and Social Control in Early Modern Frankfurt am Main. Leiden ; Boston : Brill, 2020. 348 p.
13. Durrant J. B. Witchcraft, Gender and Society in Early Modern Germany. Leiden ; Boston : Brill, 2007. 316 p.
14. Rowlands A. Witchcraft Narratives in Germany: Rothenburg, 1561–1652. Manchester ; New York : Manchester University Press, 2003. 248 p.
15. Dülmen R. van. Frauen vor Gericht: Kindsmord in der frühen Neuzeit. Frankfurt/Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. 155 S.
16. Meumann M. Findelkinder, Waisenhäuser, Kindsmord in der Frühen Neuzeit: Unversorgte Kinder in der frühneuzeitlichen Gesellschaft. München : Walter de Gruyter, 2014. 456 S.
17. Lewis M. B. Infanticide and Abortion in Early Modern Germany. London : Routledge, 2016. 216 p.
18. Boes M. R. Crime and Punishment in Early Modern Germany: Courts and Adjudicatory Practices in Frankfurt Am Main, 1562–1696. London ; New York : Routledge, 2016. 296 p.
19. Grochowina N. Geschlecht und Eigentumskultur in der Frühen Neuzeit // Comparativ. 2005. Bd. 15, H. 4. S. 7–20.
20. Kamp J. M. Female crime and household control in early modern Frankfurt am Main // The History of the Family. 2016. Vol. 21, № 4. P. 531–550.
21. Schwerhoff G. Geschlechtsspezifische Kriminalität om frühneuzeitlichen Köln. Fakten und Fiktionen // Von Huren und Rabenmüttern: weibliche Kriminalität in der frühen Neuzeit / hrsg. O. Ulbricht. Köln : Böhlau Verlag, 1995. S. 83–115.
22. Lewis M. B. Infanticide in Early Modern Germany: the experience of Augsburg, Memmingen, Ulm, and Nordlingen, 1500–1800. Charlottesville : University of Virginia, 2012. 390 p.
23. Behringer W. Witchcraft Persecutions in Bavaria: Popular Magic, Religious Zealotry and Reason of State in Early Modern Europe. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2003. 504 p.
24. Alfin S., Schedensack C. Frauenalltag im frühneuzeitlichen Münster. Bielefeld : Verlag für Regionalgeschichte, 1994. 312 S.
25. Laqua-O'Donnell S. Women and the Counter-Reformation in Early Modern Münster. Oxford : Oxford University Press, 2014. 214 p.

26. Wittke M. Mord und Totschlag?: Gewaltdelikte im Fürstbistum Münster, 1580–1620: Täter, Opfer und Justiz. Münster : Aschendorff, 2002. 356 S.
27. Alfing S. Hexenjagd und Zaubereiprozesse in Münster Vom Umgang mit Sündenböcken in den Krisenzeiten des 16. und 17. Jahrhunderts. Münster ; New York : Waxmann, 1994. 223 S.
28. Schulte R. Hexenmeister. Die Verfolgung von Männern im Rahmen der Hexenverfolgung von 1530–1730 im Alten Reich. Kieler Werkstücke. Reihe G: Beiträge zur Frühen Neuzeit, Bd. 1. Frankfurt/Main : Lang, 2001. 308 S.
29. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 87 (02.03.1619). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
30. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 27 (1616). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
31. Laqua-O'Donnell S. Sex, honour and morality: About the precarious situation of servant girls in post-Tridentine Münster // *Mélanges de l'École française de Rome*. 2016. № 128–2. URL: <https://journals.openedition.org/mefri/2590?lang=it> (дата обращения: 23.01.2024).
32. Канаев А. Г., Чавкина О. В. Историко-антропологическое исследование женской преступности в Германии раннего Нового времени (на примере детоубийства) // *Современная научная мысль*. 2022. № 2. С. 6–10. URL: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-2-6-10>
33. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 263 (1627). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
34. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 135 (10.02.1643). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
35. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 31 (1618). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
36. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 179 (1617). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
37. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 215 (1602). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).

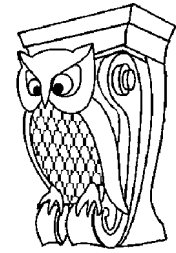
Поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 348–355
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 348–355
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-348-355>, EDN: NIEPSA

Научная статья
УДК [94(100)+355.442(460+460.41)]|1940/1942|+929

Испанские оборонительные мероприятия на Канарских островах в контексте британских планов овладения Макаронезией в 1940–1942 годах

Д. М. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 41012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, krelenkoden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>, AuthorID: 356276

Аннотация. Статья посвящена усилиям франкистской Испании по обеспечению обороны Канарского архипелага в 1940–1942 гг. Очевидность британских планов по овладению Макаронезией заставила испанцев принять меры к сохранению суверенитета над островами. Цель достигалась в условиях ресурсного дефицита и угрозы морской блокады. В сложившейся ситуации руководство обороной прибегло к чрезвычайным мерам. На архипелаге провели частичную мобилизацию людей и ресурсов. В метрополии изыскивали резервы вооружения и боевой техники, позволившие оснастить созданную группировку. Скудность материальной базы ограничила возможности контингента, но его наличие позволило опровергнуть первичные наиболее реализуемые замыслы вероятного противника. Формулируется вывод о том, что испанские военные приготовления наряду с политической и оперативной обстановкой воспрепятствовали намечаемой британской экспансии против иберийских архипелагов.

Ключевые слова: Вторая мировая война, испанский нейтралитет, Макаронезия, Канарские острова, Черчилль, Франко, мобилизация

Для цитирования: Креленко Д. М. Испанские оборонительные мероприятия на Канарских островах в контексте британских планов овладения Макаронезией в 1940–1942 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 348–355. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-348-355>, EDN: NIEPSA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Spanish defensive measures in the Canary Islands in the context of British plans for the conquest of Macaronesia in 1940–1942

D. M. Krelenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis M. Krelenko, krelenkoden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>, AuthorID: 356276

Abstract. This article is devoted to the efforts of Francoist Spain to ensure the defense of the Canary Archipelago in 1940–1942. The obviousness of British plans to conquer Macaronesia forced the Spaniards to take measures to preserve sovereignty over the islands. The goal was achieved in conditions of resource scarcity and the threat of a naval blockade. In this situation, the leadership of the defense resorted to emergency measures. A partial mobilization of people and resources was carried out on the archipelago. The metropolis found reserves of weapons and military equipment, which made it possible to equip the created group. The scarcity of the material base limited the capabilities of the contingent, but its presence made it possible to prevent the primary plans of a potential enemy. The article concludes that the Spanish military preparations, along with the political and operational situation, prevented the planned British expansion against the Iberian archipelagos.

Keywords: World War II, Spanish neutrality, Macaronesia, Canary Islands, W. Churchill, F. Franco, mobilization

For citation: Krelenko D. M. Spanish defensive measures in the Canary Islands in the context of British plans for the conquest of Macaronesia in 1940–1942. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 348–355 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-348-355>, EDN: NIEPSA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении своего существования Британская империя являлась производной реализацией собственной успешной морской стратегии. В числе прочего принцип морской мощи подра-

зумевает надзор лидирующего пользователя над ключевыми пунктами, позволяющими контролировать необходимые акватории. К таковым объектам, несомненно, относилась так называемая

Макаронезия, или атлантические архипелаги, расположенные в центральной части соответствующего океана и принадлежавшие иберийским странам. В частности, особое внимание британских адептов морского могущества традиционно привлекали испанские Канарские острова. Военно-политическая обстановка кануна и периода Второй мировой войны создала дополнительные поводы и потребности к реализации британской стратегической заинтересованности в обладании значимым архипелагом. Поводом в данном контексте выступали неопределенная, тяготеющая к враждебной коалиции, внешняя политика франкистской Испании и соответствующие угрозы, исходящие из Берлина и самого Мадрида в отношении Гибралтара. Потребности определялись разрастающейся по мере расширения войны борьбой за имперские морские коммуникации.

Сохранить океанский маршрут, пролегающий близ северо-западной оконечности Африки, следовало по соображениям сбережения остатков независимости, ибо именно там в 1940–1943 гг. пульсировала последняя имперская артерия, где двигались собственно английские грузы, необходимые для выживания Альбиона. В таких условиях гипотетическая или реальная угроза утраты Гибралтара требовала немедленной компенсации за счет приобретения альтернативного пункта, пригодного для контроля акватории. Причем, часть британских военных и политиков предпочитала не дожидаться казуса на «Скале» и упредить вражескую акцию собственными превентивными действиями, ведущими к улучшению обороны судоходства путем занятия, например, Канарского архипелага.

Достоверно известно, что разработку соответствующей операции Лорд Адмиралтейства У. Черчилль санкционировал еще 13 апреля 1940 г., т. е. в момент, когда авторитет «демократий» не был подорван поражениями и, следовательно, планов против Гибралтара не могли вынашивать в Берлине, а паче того – в Мадриде [1, р. 1047].

Тем не менее на протяжении 1940–1942 гг. британские органы оперативного планирования разработали серию совершенствующихся оперативных планов захвата Канарских островов, призванных ответить на акции оси против Гибралтара или упредить таковые. Проекты «Bugler» («Горнист»), «Chatney» («Чатни»), «Puma» («Пума») представляли собой операции, осуществляемые ограниченными контингентами специальных сил, опиравшихся на внезапность. А поздние разработки «Pilgrim» («Пилигрим») и «Topic» («Тоник») замыслились как масштабные высадки, предвещающие нормандский формат [2, р. 457]. Во всех вариантах главным объектом операции выступал остров Гран Канария и непосредственно порт Ла Лус.

Однако в разной степени детализированные и подготовленные проекты вторжения на архипелаг по ряду причин остались лишь примерами штабного творчества. Во-первых, реализации замыслов мешали испанская пассивность и отсутствие формального повода для акции. Этот фактор сам по себе едва ли остановил бы англичан, но отказа от упреждения требовали американские партнеры, не желавшие расширения и укрепления Британской империи в ходе мирового конфликта. Игнорировать партнера в условиях тотального ресурсного дефицита Лондон не мог, досадуя, но проявляя вынужденную сдержанность. Во-вторых, на протяжении наиболее вероятного периода вторжения – осень 1940 – весна 1941 гг. – крупным десантным операциям в Атлантике препятствовали нацисты. Гитлеровский флот без какой-либо координации с испанцами, решая собственные задачи, создавал в акватории боевых действий обстановку, чрезвычайно затрудняющую транспортировку амфибийных групп, чьи маршруты пролегали из северной части океана в центральную. Наконец, в-третьих, активность Альбиона на канарском направлении в критический период удалось ограничить самим испанцам, предпринявшим все доступные усилия для защиты угрожаемой позиции.

Именно посильные мероприятия, осуществленные Мадридом для защиты своего суверенитета над Канарскими островами, являются объектом данного исследования.

Испанское руководство верно оценивало значение стратегических пунктов, волею истории попавших в руки испанского руководства, и своевременно приняло меры для сохранения существующего положения. Синхронность испанских действий и британских планов едва ли зависела от успехов разведывательного ведомства полковника В. Фернандеса Баскарана, управлявшего третьим информационным отделом Генерального штаба [3]. Скорее, в своей деятельности потомки Сервантеса руководствовались интуицией, базирующейся на здравом смысле и историческом опыте взаимодействия с оппонентом. Прежде англичане не раз намеревались разделить с испанцами бремя правления Канарами, а последняя дипломатическая попытка имела место в роковом для Испании 1898 г. [4, с. 42]. Тогда Мадриду удалось уберечь архипелаг ценой расширения прав британского бизнеса и отказа от милитаризации островов. В последующие периоды провинция более напоминала офшор с формальной испанской властью и архаичными оборонительными средствами. Каудильо, имевший опыт службы на островах, был в полной мере осведомлен о соблазнительности пункта для партнеров и его беззащитности. Не случайно об английской угрозе Канарам Франко сообщил Гитлеру еще в июньском 1940 г. послании, переданном с генералом Вигоном, т. е. в самом начале

диалога Берлина и Мадрида об испанском соучастии в новом порядке [5, р. 121].

Сложившиеся в Мадриде не сидели. Ликвидировать уязвимость практически открытого архипелага выпало франкистскому назначенцу генерал-капитану (военному губернатору) Канар Рикардо Серрадору Сантесу [6]. Поначалу заступивший на пост 9 июля 1939 г. генерал не обладал какими-либо избыточными правами или особыми инструкциями. Губернатору следовало лишь обстоятельно разобраться в местных проблемах и утвердить на островах новый франкистский порядок. Однако с началом Второй мировой войны, а особенно после крушения Франции, ситуация существенно поменялась. Наместника снабдили избыточными полномочиями, воспрещавшими, пожалуй, только самостоятельно объявлять состояние войны. В остальном власть губернатора Серрадора над военными, экономическими и социальными аспектами жизни островитян становилась тотальной. Вникнув в ситуацию, 15 июля 1940 г. региональный командующий объявил частичную мобилизацию [7, р. 110].

Работа закипела и принесла определенные плоды. Гарнизон Гран-Канарии под непосредственным началом генерал-майора Ф. Гарсии-Эскамесы пополнился дополнительным 139-м пехотным полком, созданным на базе кадров регулярного 39-го полка. Численность инфантерии, задействованной для обороны острова, таким образом, сразу подросла примерно до 5 тыс. человек только за счет внутренних ресурсов [8, р. 462]. Кроме того, в первом квартале 1941 г. в распоряжение генерала Гарсии-Эскамесы с полуострова прибыл 12-й пехотный полк, а из Африки тысячный табор (батальон) стрелков Ифни. Таким образом, в апреле 1941 г. на Гран-Канарии сосредоточилась целая дивизия численностью до 10 тыс. бойцов [7, р. 111]. Правда, около 2 тыс. чел. пришлось командировать для обороны Фуэртевентуры, Лансароте и прочих островов гряды, но оставшихся сил было достаточно для противодействия вторжению доступных англичанам контингентов «коммандос».

Простым ростом численности пехоты дело мобилизации не ограничилось. Дислоцированный на Гран-Канарии 8-й артиллерийский полк также получил подкрепления, снятые с консервации и переброшенные с материка. В итоге к апрелю 1941 г. на вооружении полка и отдельных групп (дивизионов) полевой артиллерии состояло свыше 100 полевых орудий, способных существенно подкрепить существующую на острове группировку сил береговой обороны. Дефицитные в Испании зенитные средства на острове представляла часть сил отдельной Канарской группы ПВО [9, р. 273]. Львиную долю зениток составляли 20-мм автоматы, либо морально устаревшие германские орудия Flak-14, но тем не менее в небо над островом одновременно смотрело более 50 стволов, создающих

почти непрерывную линию прикрытия вдоль всего восточного берега. В 1941 г. вся совокупность сил и средств стала достаточно велика для создания дивизионного командования, и гарнизон Гран-Канарии официально стал 1-й Канарской дивизией. Для выполнения хлесткого лозунга Р. Серрано Суньера – «Каждый остров – Алькасар» [10, р. 248] наличных сил 1-й дивизии было, конечно, маловато, но существенно скорректировать британские планы гарнизон Гран-Канарии теперь, невзирая на проблемы, был в состоянии.

Личный состав дивизии, собранный «с борю по сосенке», имел различный уровень подготовки и мотивированности. Исходя из последнего критерия, кадры соединения подразделялись на 3 категории. Мобилизованные местные жители, не слишком довольные политикой режима и зачастую ангажированные влиятельным на островах британским бизнесом, считались слабым звеном потенциального сопротивления. Вторую категорию составляли лояльные франкизму части и подразделения, присланные с полуострова. От них ожидали упорства и стойкости в вероятном сражении с англичанами. Третья, самая малочисленная, относилась к экзотике, но имела ключевое значение для демонстрации решимости сорвать британские планы относительно Гран-Канарии. Стрелки Ифни, представленные 1-м табором данного колониального формирования, отличались берберским происхождением, привычкой неукоснительно следовать приказам командиров и полным безразличием к сохранности объектов любых форм собственности на островах [2, р. 466]. В число навыков ифнийских бойцов входило саперное дело и взрывотехника. Своим присутствием в Лас-Пальмасе африканские аскеры как бы намекали британским наблюдателям, что при необходимости «призовой фонд» архипелага будет уничтожен, лишив тем самым смысла любые попытки заменить или дополнить Гибралтарскую «скалу преткновения».

Разнородное воинство пытались улучшить путем частичной моторизации, мобилизовав 150 частных автомобилей и создав чрезвычайный запас ГСМ в 100 тыс. неприкосновенных тонн бензина и масел [8, р. 467]. Кроме того, в распоряжении окружного командования находилось 60 млн патронов, 15 тыс. снарядов всех калибров и масса иного военного имущества. Скромных суточных рационов в 300 г муки, 100 г мяса и 160 г овощей запасли на 60 дней. Гражданскому населению в случае установления непроницаемой блокады по нормам 1940 г. причитался рацион вдвое меньше [8, р. 467]. Впрочем, размер гражданского пайка возрастал по мере выполнения местных продовольственных программ, реализуемых военной властью, и в следующем году снабжение архипелага уже превосходило скудные объемы, доступные на полуострове. Экономическое управление при местечковом диктаторе разработало комплекс

анти-блокадных мер, охватывающих широкий спектр хозяйственных начинаний от распахки дополнительных площадей под картофель до организации восстановления автомобильных покрывок. К концу войны Канарская провинция, благодаря мобилизационным мероприятиям, организовала несвойственный ей прежде экспорт продовольственных излишков [7, р. 111]. Инженерное управление размечало на местности позиции для новых батарей, не гнушаясь сносить мешающие строительству частные постройки и прочие объекты. Строительство фортификаций велось в условиях дефицита материалов, приводящего к нарушению технологий, но тем не менее работы продвигались [11]. Десантоопасные участки восточного побережья острова покрывались цепочками долговременных огневых точек и блиндажей.

Таким образом, к весне 1941 г. численно увеличенный гарнизон Гран-Канарии мог номинально считаться достаточным для отражения английской «блиц-операции» с привлечением 12–14 тыс. «коммандос», концептуально напоминающей «Чатни» или «Пуму». При этом стоит отметить, что испанское командование, очевидно, не имело точных сведений о подробностях британских намерений и, будучи не в силах определить, какому пункту угрожает главная опасность, рассредоточило имеющиеся силы по архипелагу. Группировка на Тенерифе имела сопоставимую численность и возможности, но практически в избранной англичанами конфигурации была обречена на роль статиста, способного лишь наблюдать происходящее, а затем констатировать исход. Впрочем, строго судить испанских военных за рассредоточение контингента не приходится. На Тенерифе имелся собственный стратегический объект, защита которого являлась обязательной. Единственный на тысячи километров вокруг современный нефтеперерабатывающий комбинат нуждался в надежном прикрытии, что обусловило специфическую дислокацию испанских войск на архипелаге [12, с. 60].

Подобная диспозиция оставляла надежду отразить дерзкий рейд сил специального назначения, однако, являлась несостоятельной для отпора хорошо подготовленных и поддерживаемых силами ВВС и флота амфибийных наступлений, когда численность личного состава обороняющихся играет вторичную роль. По сути в таких ситуациях пехота и полевая артиллерия выполняют функцию цемента, призванного скрепить более сильные элементы береговой обороны и выступить последним рубежом защищающихся. В подобных случаях на первый план выходят более мощные и гибкие в применении средства разрушения неприятельских планов и воли.

В середине XX в. основным противодесантным средством считался флот. Испанский ВМФ

по состоянию на 1940–1942 гг. боевым инструментом, способным прикрыть Канарский форпост, не являлся. Его линейные корабли не пережили Гражданской войны, крейсера и эсминцы требовали ремонта по иронии судьбы с непременным британским участием. Уцелевшие субмарины устарели морально и физически. Отправить что-либо из данного перечня для защиты Канар значило добавить неприятелю безобидных, но статусных мишеней, уничтожение которых приятно разнообразит победные реликвии. Верно оценив ситуацию, испанцы практически отказались от использования флота в «канарской игре» и ограничились формальной демонстрацией морского присутствия на архипелаге.

В угрожаемый период испанский флаг на Канарах демонстрировали только минный заградитель «Марс», вспомогательный сторожевик «Ксаен», канонерка-блокшив «Лаурия» и пара транспортов-водолевов А-2 и А-4, снабжавших пресной водой острова, лишенные ее источников [13, р. 57]. Естественно, сосредоточенные на островах силы вообще не влияли на их оборонноспособность. Даже настоящая боевая единица «Марс», представлявший из себя современный минный заградитель, по прямому назначению применяться практически не мог. Препятствовали глубины, течения и прочие факторы, мешающие эффективному минированию. Очевидно, что в таких условиях острова легко и надежно изолировались друг от друга и метрополии, а десант и силы поддержки в свою очередь имели возможность действовать без оглядки на испанские вымпелы.

Несколько лучше обстояли испанские дела с элементами воздушной мощи. До принятия Испанией статуса невоюющей страны канарские аэродромы пустовали, не имея приписанных авиационных частей. Взлетные полосы принимали и выпускали лишь военно-транспортные и коммерческие самолеты. В новых условиях пришлось экстренно формировать авиационный контингент, способный хотя бы частично компенсировать остальные слабости группировки. В июле 1940 г. в обстановке строгой секретности разобранную матчасть и личный состав экспедиционной авиагруппы погрузили на транспортное судно «Кастильо де Кока» и под конвоем отправили на Гран-Канарию.

Путешествие было непростым и продолжительным, поскольку ценный груз везли с особыми предосторожностями. Риск был двояким. С одной стороны, на маршруте действовали нацистские подводники, известные тем, что норовили идентифицировать цель уже после пуска торпед. С другой стороны, в Атлантике, не покладая рук, трудились британские патрули, без церемоний использующие призовое право применительно к любым обнаруженным военным грузам, невзирая на их национальную принадлежность. Отправка подозрительного имущества

в британские порты до выяснения обстоятельств была обычной практикой, которой следовало опасаться [7, р. 111]. В результате конвой перемещался, избегая любых возможных встреч, но 4 августа 1940 г. все же добрался до пирса порта Ла-Лус, доставив к месту службы 24 истребителя Fiat CR-32 с персоналом [14, р. 201].

Спустя примерно месяц, собранные истребители 22-й экспедиционной группы, апробированные на авиабазе Гандо, приступили к несению боевой службы [15, р. 15]. На первый взгляд, переброска на изолированный ТВД двух счетных эскадрилий заведомо устаревших истребителей мало что меняла в неблагоприятном для испанцев силовом балансе. Но при пристальном рассмотрении и учете качеств авиационной материальной части вероятных сил вторжения картинка выглядит иначе. На рубеже 1940–1941 гг. британская палубная авиация рассталась с истребителями «Гладиатор» и начала переоснащаться разного рода компромиссными машинами, подобными универсалам «Скуа» и «Фулмар», чьи истребительные качества приносились в жертву ударным функциям [16, р. 15–19]. Как всякий технический компромисс эти машины одинаково скверно выполняли как штурмовые, так и истребительные задачи. По паспортным параметрам «Фулмары» были быстрее испанских истребителей, но уступали в маневренности и вооружении. В целом английское техническое превосходство существовало в пропорции, легко нивелируемой пилотской квалификацией. Потому надежные и хорошо освоенные испанцами «Сверчки» могли, надеясь на успех, конкурировать с малочисленным истребительным сегментом групп британских авианосцев, как минимум, до момента перевооружения последних палубной моделью «Харрикейнов», завершившегося к концу 1941 г.

Что касается численности машин 22-й группы, позже переименованной в 29-ю, то 24 машины даже с учетом эксплуатационного простоя примерно равняли истребительным эскадрильям сразу двух британских авианосцев, редко принимавших на борт больше дюжины самолетов, предназначенных для воздушного боя. Наконец, в иной ипостаси «Сверчки» нередко представляли штурмовиками, способными донести до цели и точно сбросить центнер бомб [17, р. 31]. Для крупных боевых кораблей бомбы такого калибра опасности не представляли, но эсминцу или войсковому транспорту соответствующий гостинец сулил множество проблем. Таким образом, развернутая на базе Гандо авиагруппа существенно укрепила оборону Канарских островов и выступила основным аргументом в пользу их неприкосновенности.

Бомбардировочной авиации испанцы на Канарах не разворачивали, но по соседству на африканской базе Кабо-Джуби дислоцировалась 11-я эскадрилья, оснащенная шестеркой Ju-52

[14, р. 204]. Функционально эскадрилья предназначалась для оперативной транспортировки грузов в пределах испанских колоний и островных владений. Подчинялась часть тому же генералу Серрадору Сантесу и, несомненно, являлась удаленным элементом структуры обороны Канарского архипелага. Как бомбардировщики транспортные «Юнкерсы» могли применяться только в исключительных случаях против противника с формальными возможностями ПВО. Такой опыт у испанцев имелся, и в критической ситуации эскадрилья могла решиться на рецидив.

Венчала пирамиду испанской воздушной мощи на Канарах 54-я патрульная гидро-эскадрилья, оснащенная парой раритетных летающих лодок Dornier Wal и одним поплавковым «Суордфишем» [14, р. 204]. Эскадрилья по мере сил выступала глазами и ушами архипелага и ориентировалась на ведение дальней разведки. Ее материальная часть вызывала невольное уважение к трудам техников, способных поддерживать жизнь в дряхлых патрульных машинах. Свои лучшие дни гидросамолеты Дорнье пережили еще в 20-е гг., когда родной брат испанского каудильо Рамон Франко прославил себя и самолет, совершив на «Вале» известный трансатлантический перелет [18, р. 131–134]. С тех пор шагавший семимильными шагами технический прогресс изрядно обесценил достижение германо-итальянского инжиниринга и настоятельно требовал модернизации испанской морской разведки. Но поскольку самолетов поновее в распоряжении у испанцев не имелось, канарские летчики вынужденно утешались мыслью, что хромая и подслеповатая разведка лучше, чем ее полное отсутствие, тем более, что тихоходы летали не быстро, но далеко и долго, обеспечивая приемлемый уровень контроля над акваторией вокруг Канар. А вот конкуренты, имеющие современные машины, ввиду удаленности баз данный район просматривали реже и с меньшей тщательностью.

Если воздушный компонент канарской обороны создавался пусть нелегко, но относительно быстро, то с долговременной береговой фортификацией и артиллерией береговой обороны испанцам предстояло помучиться. Последний раз острова в целом и Гран-Канарию в частности укрепляли в период испано-американской войны. Пушек и гаубиц на позиции у Ла Лус выставили множество, но все орудия относились к типам, не блиставшим новизной уже на пороге XX в. Предельная дальность систем, составлявших основу обороны Лас-Пальмаса и соседствующего порта, не превышала 8–9 км. Применительно к практике 40-х гг. это означало, что даже британские эсминцы, поддерживающие потенциальную высадку, смогут открывать огонь с дистанций, превышающих возможности испанских батарей, и безнаказанно

расстреливать последние. Нетерпимость подобной ситуации испанские ответственные лица поняли заблаговременно, но соответствующий проект перевооружения канарских батарей сверстали в самый неподходящий момент летом 1936 г. [19, р. 197–199]. Естественно, последующие события остановили реализацию начинания, и возвращение к отложенным планам состоялось лишь в начале 40-х гг. при формировании очевидных угроз архипелагу. Проблема заключалась в том, что старые пушки системы «Ордоньес» национального производства модернизации не поддавались, а стволов «помоложе» у Испании не было. Резерв тяжелых артсистем, как и запас среднекалиберных, изымаемых с ремонтируемых крейсеров, был исчерпан ради возведения батарей Кампо-Гибралтара. Между тем вопрос об усилении артиллерийской обороны Гран-Канарии стоял остро. Унаследованная артиллерия группировалась исключительно на северном берегу острова, отчасти защищая лишь г. Лас-Пальмас и порт Ла Лус, тогда как восточное, пригодное для десантирования побережье, включая сектор аэродрома Гандо, артиллерией вообще не прикрывалось.

Поначалу летом – осенью 1940 г. испанцы надеялись на германские поставки. Однако, не сторговавшись с нацистами, Франко лишился данного источника артиллерийских пополнений. Экстренно размещенные вдоль берега полевые батареи ни мощностью, ни дальностью огня противодесантным задачам не отвечали. Пришлось срочно «с миру по нитке» собирать потребную материальную часть. В 1941 г., окончательно разоружив крейсер «Мендес Нуньес», на Канары передали 6 шестидюймовок «Виккерс». Пушки установили на батареях «Вигиа» в Лас-Пальмесе и «Гандо», наконец прикрывшую с моря одноименную авиабазу [9, р. 277]. Южнее аэродрома на побережье выдвинули три более или менее боеспособных орудия доморощенной системы «Муньос-Агилерос», составивших батарею «Аринага» [9, р. 279]. На этом доступные национальные резервы иссякли. Теперь со стороны стратегически важной авиабазы в море смотрели пять среднекалиберных стволов, совершенно не способных отпугнуть хоть сколько-то решительного и экипированного противника. Подготовительную фазу всей этой бурной, но вызывающей лишь жалость, деятельности в декабре 1940 г. застал нацистский инспектор фрегаттен-капитан Краусс. Германский специалист прибыл полюбопытствовать, какую пользу Канары могут принести рейху, и насколько эффективно «невоюющая» Испания способна защитить сей важнейший пункт от посягательств англичан [20, р. 148]. Сделав неутешительные выводы, эмиссар затребовал у начальства дополнительные ресурсы, подлежащие передаче вне зависимости от испанской

активности. Иначе, контролер прогнозировал вероятность безвозмездного перехода архипелага под британский контроль после попытки любой интенсивности.

После долгих проволочек инициатива Краусса получила поддержку, и нацисты расщедрились сразу на девять запыленных стволов, загромаждавших флотские арсеналы. В 1941 г. испанцам передали три эксклюзивных 170-мм пушки, разработанные некогда для вооружения преддредноутов начала XX в., а с ними шесть 150-мм орудий постарше [21, р. 434]. Подарок был не Бог весть как хорош, но испанцам привередничать не приходилось. Весной 1942 г. эти пушки в составе батареи «Меленара» заняли позиции на восточном берегу Гран-Канарии, увенчав франкистские усилия по созданию видимости береговой обороны главной цитадели архипелага [14, р. 204]. Скромные огневые возможности позволяли возведенным батареям и подкрепляющей их полевой артиллерии бороться только с десантом на высадочных средствах. Силы поддерживающего десантирования флота приходилось игнорировать. В таких условиях надежность обороны справедливо оценивалась как недопустимо низкая. Пришлось по доброй традиции франкистской Испании скреплять оборонительные позиции, укладывая на местности многие сотни тонн бетона. Масштаб строительства долговременных огневых точек на побережье Гран-Канарии уступал показателям Кампо-Гибралтара или полумифической, но затратной линии «Р» в Пиренеях, вместо сотен фортификаций на острове создавались десятки. Сказывался дефицит цемента и арматуры, приводящий к нарушению графиков и строительных технологий, но работы велись интенсивные [11]. Сегодня путеводители по «туристическому району» содержат упоминания о доступных осмотру фортификациях, но не обо всех. Часть блиндажей, вероятно, по-прежнему используется в системе обороны авиабазы Гандо, потому гостям острова демонстрируют лишь отдельные элементы франкистского наследия. Вероятно, по этой причине точные данные о количестве возведенных ДОТов отсутствуют. Так или иначе построенные укрытия свидетельствовали об уступке инициативы противнику, но являлись последним аргументом из арсенала, доступного защитникам архипелага.

Первичная апробация оборонительной системы состоялась в ходе больших учений с боевыми стрельбами 19 января 1942 г. [7, р. 114]. Итоги маневров снисходительно признали удовлетворительными, вслед за этим чрезвычайные темпы совершенствования обороны стали более умеренными.

Следует отметить, что все испанские усилия по совершенствованию защиты острова осуществлялись под пристальным наблюдением вероятного противника. На Канарах функционировало сразу два британских консульства,

чья энергичная деятельность по сбору информации не прерывалась ни на минуту [22, р. 519]. Кипучая разведывательная активность дипломатических учреждений имела высокий приоритет и отличалась размахом и бесцеремонностью [23, р. 24]. Коммерческие позиции британцев на островах создавали широкую вербовочную базу, каковой консульский персонал пользовался без зазрения совести. Сотрудников испанских специальных служб шокировало, например, широкое привлечение к шпионажу женщин и иные английские новации [23, р. 58–59].

Поначалу подчиненные губернатора пытались бороться с английской разведывательной деятельностью. В сентябре 1940 г. двух особенно усердных консульских работников даже демонстративно удалили с архипелага [23, р. 39]. Однако в дальнейшем генерал Серрадор, вероятно, решил не горячиться, ибо, чем больше британцы видели, тем масштабнее становились их планы, тогда как вероятность вторжения снижалась пропорционально растущей потребности в силах и средствах. Между тем ресурсной базой распоряжались американцы, имевшие собственный взгляд на судьбу Макаронезии.

Кроме того, амбиции угасающей владычицы морей сдерживал имеющийся опыт. К весне 1942 г. успех сопутствовал британским амфибийным операциям лишь там, где их намерения приветствовались либо совершенно отсутствовало сопротивление. В Норвегии англичан ждали. У Исландии, равно как на Фарерах, отсутствовал потенциал для отпора. Зато в Дакаре, где деморализованные французы все-таки обозначили намерения сопротивляться, властителей морей поджидало запоминающееся фиаско. Дакарские события сентября 1940 г. стали довлеющим фактором, на годы гарантирующим английскую осмотрительность при проектировании комбинированных операций. Испанские приготовления в таких условиях, невзирая на свою скромность, ставили психологическое препятствие фантазиям У. Черчилля и ответственного за десанты адмирала Р. Кейса. Последняя разработка штабистов «старшины» Кейса, носившая имя «Пилигрим», являлась весьма масштабной операцией с задействованием сил и средств, формально превосходящих возможности испанской обороны [24, р. 792]. Однако воспоминания о Дакаре наряду с военной и политической обстановкой тормозили начинание.

Преодолеть комплекс Дакара в Лондоне смогли лишь в мае 1942 г., когда состоялась операция «Броненосец». Поставленных целей на Мадагаскаре англичане достигли, но процедура десанта оказалась затянутой, сопряженной с потерями, и успех принес лишь сухопутный маневр высаженными средствами.

Извещенные о подробностях, испанцы учли, что на Гран-Канарии простор для маневра на суше отсутствует, а следовательно, опасаться нече-

го. Эффект английской операции у Диего-Суареса обнадежил франкистов настолько, что подорвавший здоровье в тяжелых трудах Р. Серрадор Сантес получил оздоровительный отпуск на полуостров, а гарнизон архипелага снизил уровень готовности до «стандартного» [7, р. 115].

Затем последовал печально известный «Юбилей» в Дьеппе, окончательно убедивший любых наблюдателей, что в одиночку британцы не способны либо не желают организовывать эффективные амфибийные удары. Впрочем, к этому времени политическая позиция Испании претерпела перемены, снизившие накал страстей вокруг Канарского архипелага.

Список литературы

1. Gilbert M. The Churehill War Papers. At the Admiralty : in 3 vols. Vol. I : September 1939 – May 1940. New York : Norton, 1993. 1370 p.
2. Diaz Benitez J. La defense de la Palma durante la Segunda Guerra Mundial // Anuario de Estudios Atlanticos. 2014. № 60. P. 451–485.
3. Vicente Fernande Bascaran. URL: <https://www.armedconflicts.com/Vicente-Fernandez-Bascaran-Vizconde-de-San-Claudio-t238998> (дата обращения: 05.11.2022).
4. Испано-британский конфликт 1898–1899 // Красный Архив. 1933. Т. 5 (60). С. 3–60.
5. Suarez Fernandes L. Francisco Franco y su tiempo: Fundacion Nacional Francisco Franco : in 8 vol. Vol. 3. Madrid : Azor, 1984. 460 p.
6. Ricardo Serrador Santes. Real Academia de la Historia. Personajes similares. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/8145/ricardo-serrador-santes> (дата обращения: 14.07.2021).
7. Manrique Garcia J. Canarias; en el ojo del Huracan // Revista Española Militar. 2002. Septiembre. № 27. P. 109–117.
8. Rodrigo Fernandez R. El Ejersito de Tierra en la España de posguerra (1939–1947): Instrumento y pilar en la consolidacion del regimen Franquista. Tesis Doctoral Universidad Autonoma de Madrid. Madrid : Departamento de Historia Contemporánea, 2017. 534 p.
9. Gomez-Vizcaino J. La defense de costa de las Islas Canarias // Revista Española de Historia Militar. 2002. № 24. P. 271–281.
10. Serrano Suñer R. Entre Hendaya y Gibraltar. Madrid : Ediciones y Publicaciones Españolas S. A., 1947. 405 p.
11. Pecate C. D. Operación Pilgrim: cuando los británicos estuvieron a punto de invadir Gran Canaria. URL: https://www.eldiario.es/canariasahora/premium-en-abierto/operacion-pilgrim-britanicos-gran-canaria_1_3079209.html (дата обращения: 17.08.2021).
12. Хайэм Ч. Торговля с врагом. М. : Прогресс, 1985. 252 с.
13. Díaz Benítez J. J. La indefensión naval de Canarias durante la Segunda Guerra Mundial // Revista de historia naval. 2004. № 85. P. 57–71.

14. *Garcia de Celis Borell R.* La defense Aire de Canarias durante la II Guerra Mundial // *Revista Española de Historia Militar.* 2002. № 23. P. 199–209.
15. *Gonzalez Serrano J.* Las unidades y el Material del Ejercito del Aire durante la Segunda Guerra Mundial. Valladolid : Quiron Ediciones, 2005. 243 p.
16. *Brown J. D.* Carrier Operation in World War II. London : Ian Allan, 1968. 198 p.
17. *Guerrero J.* Fiat CR-32 «Chirri». Madrid : Editorial San Martín, 1976. 34 p.
18. *Salas Larrazabal J.* 75 Aniversario del vuelo del «Plus Ultra» // *Revista Española de Historia Militar.* 2001. № 9. P. 131–136.
19. *Díaz Benítez J. J.* El proyecto artillado de Gran Canaria en junio de 1936 // *Boletín Millares Carlo.* 2008. № 27. P. 191–206.
20. *Díaz Benítez J. J.* Colaboración hispano-alemana para la defensa de Canarias. El viaje del capitán de fragata Krauss // *Boletín Millares Carlo.* 2002. № 21. P. 147–164.
21. *Sola Bartina L.* Artillado del frente de mar en España durante la primera. Mitad del siglo XX // *Revista General de Marina.* 2019. T. 276, № 3. P. 427–439.
22. *García Cabrera M., Díaz Benítez J. J.* Organizaciyn y contenidos de la propaganda de guerra británica en Canarias durante la Segunda Guerra Mundial // *Vegueta. Anuario de la Facultad de Geografía e Historia.* 2019. № 19. P. 513–533.
23. *Grandío Seoane E.* Balancing Act: British Intelligence in Spain During the Second World War. Brighton : Sussex Academic Press, 2017. 182 p.
24. *Barro Ordovás A.* Operation Pilgrim, el plan militar británico para capturar Gran Canaria, 1941 // *Revista General de Marina.* 2015. T. 368, № 6. P. 787–799.

Поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 08.03.2024;
принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 08.03.2024;
accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 356–360
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 356–360
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-356-360>, EDN: НХНЈАЛ

Научная статья
УДК [94+81'373.21](474)

Идеология, топонимия, политика памяти: история переименований в странах Балтии

К. А. Зверев

Костромской государственный университет, Россия, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

Зверев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>, AuthorID: 808374

Аннотация. В статье анализируются топонимии Эстонии, Латвии, Литвы в исторической ретроспективе и взаимосвязи с местной политикой памяти. Практика смены географических названий осуществлялась и продолжает осуществляться в русле прибалтийской исторической политики и таких ее основополагающих составляющих, как этноцентризм, борьба с последствиями «советской оккупации» и декоммунизация. При этом наиболее однородно последовательно топонимия преобразовывалась в Эстонии и Латвии в силу схожего исторического развития. Динамика изменений литовских географических объектов более специфична из-за наличия опыта собственной государственности в лице Великого княжества Литовского, а также изменения границ в 1939 г.

Ключевые слова: топонимия, политика памяти, историческая политика, Прибалтийские республики, Эстония, Латвия, Литва

Для цитирования: Зверев К. А. Идеология, топонимия, политика памяти: история переименований в странах Балтии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 356–360. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-356-360>, EDN: НХНЈАЛ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideology, toponymy, politics of memory: The history of renaming in the Baltic countries

K. A. Zverev

Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia

Kirill A. Zverev, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>, AuthorID: 808374

Abstract. The article presents an analysis of the toponymy of Estonia, Latvia, and Lithuania in historical retrospect and the relationship with local memory politics. The practice of changing geographical names was carried out and continues to be carried out in line with the Baltic historical policy and such fundamental components as ethnocentrism, the fight against the consequences of “Soviet occupation” and decommunization. At the same time, toponymy was transformed most uniformly and consistently in Estonia and Latvia, due to similar historical development. The dynamics of changes in Lithuanian geographical objects are more specific due to the experience of their own statehood in the person of the Grand Duchy of Lithuania, as well as changes in borders in 1939.

Keywords: toponymy, politics of memory, historical politics, Baltic republics, Estonia, Latvia, Lithuania

For citation: Zverev K. A. Ideology, toponymy, politics of memory: The history of renaming in the Baltic countries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 356–360 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-356-360>, EDN: НХНЈАЛ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Географические названия несут в себе значительную мировоззренческую составляющую, так как сопровождают людей на протяжении всей жизни, являясь связующим звеном между человеком, с одной стороны, и страной, городом, улицей или какой-либо конкретной местностью, с другой. Кроме того, часто именно топонимы зашифровывая в себе информацию о прежних владельцах, властителях, жителях той или иной

территории, объекта на ней, являются своеобразными хранителями памяти о прошлом. Разумеется, по обозначенным причинам, правящие элиты стремились оказать воздействие на географические объекты, зафиксировав на местности свое имя и вычеркнув своих оппонентов или предшественников. Не обошла данная практика и Прибалтику, чья топонимия весьма специфична и имеет прямую взаимосвязь с местными

идеологическими установками и политикой памяти.

Предварительно необходимо изложить основы исторического дискурса стран Балтии, оказавшего влияние на местные географические наименования. Так, к характерным чертам прибалтийской государственной исторической линии, сформировавшейся к 1990-м гг., можно отнести апеллирование к тезису о «советской оккупации», *правовому континуитету* (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализация национальных государств 1920–1930-х гг. и интерпретация всего предшествовавшего периода развития как борьба за свободу и независимость от иностранных угнетателей.

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция оккупации стран Балтии и континуитет стали преобладающими трендами в Эстонии, Латвии, Литве и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса, в том числе и посредством выпуска тенденциозной научной литературы [1, с. 79–81]. Если концепция оккупации получила свое развитие во всех странах Балтии, то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» в 1940–1991 гг. – в подавляющем большинстве – русскоязычным) [2, с. 202–215; 3, с. 70–77]. Литва же в силу более моноэтнического характера, а также значительного изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно) отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому [4, с. 3–13].

Однако не следует отождествлять с прибалтийской государственной исторической политикой исключительно тезис о «советской оккупации». Следующим ее важнейшим аспектом, тесно связанным с первым, стал «*принцип этноцентризма*», под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народов, к государственному строительству, направленным на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной нации во внутригосударственной жизни республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Третьим столпом

местной политики памяти стал *принцип антикоммунизма*, обращенный на развенчание «преступлений коммунизма» против народов Эстонии, Латвии, Литвы.

Данные аспекты исторических воззрений прибалтийского истеблишмента оказали существенное влияние на преобразования в местной топонимии на протяжении последнего столетия.

Так, сведения о географических объектах региона периода до крестовых походов скудны и противоречивы – коренное население не имело собственной письменности и государственности, а значит местные топонимы были зафиксированы лишь в устном народном творчестве – в национальных эпосах – Калевипоег (Эстония), Лачплесис (Латвия), легендах, мифологии. Исключения составляют древнерусские летописи, где зафиксировано основание города Юрьева (Тарту) Ярославом Мудрым, а также сведения о Кольвани (Таллин), возможно о Владимире или Владимирце Ливонском (Валмиера).

Крестовые походы XIII в. привели к подчинению Прибалтийского региона немецким и скандинавским рыцарям, его окатоличиванию и онемечиванию. Новые властители, расселившись на территории современных Эстонии и Латвии, основали собственные города-крепости и имения-мызы, создав новую или переиначив местную топонимию на немецкий манер. На территории Литвы ситуация складывалась иначе, так как было образовано Великое княжество Литовское (ВКЛ), позднее подвергшееся полонизации, способствовавшей сосуществованию литовских и польских вариантов географических названий. Смена властителей и даже вхождение региона в состав Российской империи в XVIII столетии мало затронули местную топонимию, так как не изменился этнический состав населения – немецкое остзейское дворянство и бюргерство в Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, а также полонизированная литовская знать, городские слои в Ковенской, Виленской губерниях продолжали главенствовать в политическом, экономическом и культурном пространстве региона вплоть до революции 1917 г. (этому содействовал и своеобразный автономный статус Эстляндии, Лифляндии в виде особого Остзейского порядка). Лишь короткий период русификации Александра III и Николая II способствовал появлению русского следа в топонимии: Дерпту в 1893 г. было возвращено историческое наименование Юрьев, Динабург в том же году стал Двинском, были изменены на русский манер названия некоторых улиц.

Однако коренные преобразования географических названий произошли в XX столетии. Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская (Освободительная) война привели к утрате привилегированного статуса и главенствующего положения в управлении, экономике

и культуре немецкого населения (в Эстонии и Латвии) и польско-литовской знати (в Литве). Стремление же новых элит к созданию национальных государств с превалированием коренного населения, языка, культуры во всех сферах жизни содействовало и изменениям в топонимии – замене немецких и польских названий на эстонские, латышские, литовские. Так, уже в 1918 – начале 1920-х гг. переименованию подверглись практически все крупные города и населенные пункты (таблица), улицы, географические объекты и ориентиры (реки, озера, лесные массивы). Например, Моонзундский архипелаг и острова, его составляющие, были переименованы на эстонский манер: сам архипелаг стал именоваться Западно-Эстонским, остров Эзель – Сааремаа, Даго – Хийумаа, Моон – Муху, Вормс – Вормси. Новые названия в основной массе являлись либо традиционными, неофициальными наименованиями, бытовавшими в народной традиции коренных жителей (например, Сааремаа – островная земля), либо переименованием на созвучный вариант, буквальным переводом немецких названий (например, Libau –

Либава – Liepāja; или Dünaburg (нем. «замок на Дине, Двине») – Двинск – Daugavpils (лат. «замок на Даугаве»); Wilno – Вильно – Vilnius; и т. д.). В целом к 1930-м гг. процесс переименований завершился, и немецкие топонимы были практически вытеснены эстонскими и латвийскими вариантами; польские топонимы вытеснялись литовскими. Цель первой волны переименований 1920–1930-х гг. была вполне закономерной – избавление от следов иноземного владычества и утверждение национальной государственности, в том числе и в географических названиях. Однако свои коррективы в топонимию внесла Вторая мировая война. Если советские власти после инкорпорации стран региона в состав СССР не касались вопросов топонимии, то нацистская оккупационная администрация в 1941–1944 гг. вернула все немецкие дореволюционные названия городов, улиц, географических объектов [5, с. 99–116; 6, с. 76–86]. С наступлением Красной Армии и освобождением территории Советской Прибалтики последовало возвращение прежних топонимов образца 1930-х гг. Данными действиями советские власти хотели продемонстрировать

Исторические названия городов Эстонии, Латвии, Литвы

Современное название	Русское название	Немецкое (шведское) Польское название
Эстония		
Haapsalu (1918 – н. в.)	Гапсаль (1721–1918)	Hapsal (1270–1918)
Kuressaare (1918–1952; 1991 – н. в.)	Кингисепп (1952–1991)	Arensburg (1154–1918)
Paldiski (1922 – н. в.)	Балтийский Порт (1762–1922)	Rågervik (1718–1762)
Pärnu (1919 – н. в.)	Пернов (1721–1919)	Pernau (1241–1919)
Tallinn (1919 – н. в.)	Колывань (XII–XVIII вв.); Таллин/в Эстонии Таллинн (1919 – н. в.)	Rewal (1154–1919)
Tartu (1919 – н. в.)	Юрьев (1030–1224; 1893–1919)	Dorpat, Dörpt (1224–1893)
Viljandi (1918 – н. в.)	Феллин (1710–1918)	Fellin (1154–1918)
Латвия		
Alūksne (1919 – н. в.)	Алыст или Волыст (XIII в.)	Marienburg (1284–1919)
Cēsis (1918 – н. в.)	Венден (1721–1918)	Wenden (1206–1918)
Daugavpils (1920 – н. в.)	Невгин (XIII–XV вв.); Борисоглебов/Борисоглебск (1656–1667); Двинск (1893–1920)	Dünaburg (1275–1656; 1667–1893)
Jelgava (1919 – н. в.)	Митава (1721–1919)	Mitau (1265–1919)
Liepāja (1918 – н. в.)	Либава (1721–1920)	Libau (1253–1920)
Valmiera (1918 – н. в.)	Владимир; Владимирец Ливонский (XIII–XVI вв.)	Wolmar (1293–1918)
Ventspils (1918 – н. в.)	Виндава (1721–1918)	Windau (1290–1918)
Литва		
Kaunas (1361– н. в.)	Ковно (1795–1917)	Kowno (1361 – н. в.)
Klaipėda (с XV в.; 1923–1939; 1945 – н. в.)	Мемель (1252–1923; 1939–1945)	Memel (1252–1923; 1939–1945)
Ukmergė (1918 – н. в.)	Вилкомир (1475–1917)	Wiikomierz (1333 – н. в.)
Vilnius (1323 – н. в.)	Вильна, Вильно (1361–1917)	Wilno (1323– н. в.)
Visaginas (1992 – н. в.)	Снечкус (1975–1992)	–

принципиально иной подход в национальной политике, основанный на национальной и культурной автономии республик, а не на новом издании русификации или каком-либо тождестве с дореволюционным царским режимом.

Тем не менее новый виток переименований в регионе последовал в послевоенный период конца 1940 – начала 1950-х гг., когда улицы и населенные пункты получили типовые советские названия (по событиям революции 1917 г. или по имени партийных деятелей): поселки и колхозы имени Калинина, Кирова, Ленина, улицы Советская, Октябрьская, Горького и т. д. Однако географические названия остались неизменны с 1930-х гг., русские наименования периода Империи возвращены не были (например, г. Палдиски, именовавшемуся до 1922 г. «Балтийский порт», прежнее название возвращено не было). В целом советская практика переименований была нацелена на популяризацию социалистических идей и являлась составной частью обширной идеологической работы с населением.

С обретением независимости и активизацией деятельности в области государственной исторической политики встал вопрос о возвращении прежних, довоенных названий всем объектам, подвергшимся переименованию в период так называемой «советской оккупации». В результате уже в 1991–1992 гг. улицам, площадям и населенным пунктам Эстонии, Латвии, Литвы были возвращены прежние названия. Но если с существовавшими до 1940 г. объектами было все вполне предсказуемо, то с городскими районами, поселками и городами, появившимися в период существования СССР, возникли сложности – каких наименований придерживаться. Поэтому процесс переименований растянулся на весь период 1990-х гг. и не затронул идеологически нейтральные имена (Бульвар Дружбы, кинотеатр «Космос», улица Пушкина и др.), ограничившись сменой вывесок, прославлявших ведущих партийных деятелей, военачальников и героев периода Великой Отечественной войны или саму КПСС. Так, например, основанный в 1975 г. город-спутник Игналинской АЭС в Литовской ССР Снечкус (названный в честь Первого секретаря Коммунистической партии Литвы в 1940–1974 гг. Антанаса Снечкуса) в 1992 г. был переименован в Висагинас (по названию близлежащего озера и деревни, находившейся на месте города). В целом изменения геокультурного пространства Прибалтики происходили в русле аналогичных процессов других постсоветских стран, отчасти даже являясь менее масштабными, нежели в Средней Азии или Закавказье [5, с. 99–116].

Новый виток переименований в странах Балтии активизировался в 2022 г. в связи с обострением украинского кризиса. В условиях очередной кампании по «декоммунизации» и «дерусификации» только в Риге под переименование попа-

ли 17 улиц, которые «прославляют российских деятелей культуры и коммунистический тоталитарный режим» [цит. по: 7]. Среди таковых оказались улицы Ломоносова, Пушкина, Тургенева, Лермонтова, Пикуля, Келдыша. Всего в Латвии планируется сменить название 95 улиц [5, с. 99–116]. Эстония также объявила о ликвидации все монументы [8] и переименовать все улицы, посвященные Красной Армии и событиям Великой Отечественной войны. Лишь в Нарве в сентябре 2023 г. было переименовано 5 улиц [9], данный процесс продолжился и в 2024 г., но более основательно, с правовой точки зрения, к данному вопросу подошла Литва, где 1 мая 2023 г. вступил в силу специальный закон «О запрете распространения тоталитарных, авторитарных режимов и их идеологий» [10], предписывающий специально учрежденной комиссии по исторической памяти провести десоветизацию общественного пространства в республике. В результате только за один день действия данного закона было объявлено о более чем 20 объектах, нуждающихся в демонтаже или переименовании [11].

В целом практика смены топонимов осуществлялась и продолжает осуществляться в русле прибалтийской политики памяти и таких ее основополагающих составляющих, как этноцентризм (в части доминирования национальной культуры во внутригосударственной жизни республик, а также обеспечения неприкосновенности местной культуры, языка, этнической самобытности), борьба с последствиями «советской оккупации» и декоммунизация. Если первая составляющая в виде этноцентризма является вполне закономерным явлением для всех молодых национальных государств (к числу которых относятся страны Балтии), то тезис о «советской оккупации» и декоммунизации весьма специфичен и применяем избирательно и конъюнктурно. Так, интерпретация советского прошлого как периода оккупации не помешала оставить многие мемориальные комплексы и топонимы в провинции в неизменном виде на протяжении 1990–2000-х гг., а в период обострения отношений с Российской Федерацией вновь обратиться к данной тематике. При этом наиболее однородно, последовательно топонимия преобразовывалась в Эстонии и Латвии в силу схожего исторического развития. Динамика изменений литовских географических объектов более специфична из-за наличия опыта собственной государственности в лице Великого княжества Литовского (ВКЛ), значительной колонизации в последующий период, а также изменения границ в 1939 г. (присоединение Мемеля и Виленской области). Кроме того, в Вильнюсе гораздо раньше, чем в Эстонии и Латвии, произошла институализация местной политики памяти – в 1992 г. был создан Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы – литовский

институт национальной памяти, который и аккумулировал в себе всю государственную политику памяти, в том числе посредством выдвигания различных законодательных инициатив. Именно на данную организацию в 2023 г. была возложена обязанность в том числе и по контролю за десоветизацией литовской городской и сельской топонимии, общественного пространства [10].

Как бы то ни было, топонимия прибалтийских республик зафиксировала в себе основные исторические вехи развития региона и изменение интерпретаций прошлого, являясь составной частью местной исторической памяти.

Список литературы

1. *Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81.
2. *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.
3. *Зверев К. А.* Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета, 2020. Т. 26, № 4. С. 70–77. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-70-77>
4. *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13. <https://doi.org/10.25791/vseist.03.2020.1104>
5. *Калуцков В. Н.* Изменение геокультурного пространства стран ближнего зарубежья XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. Вып. 2 (46). С. 99–116.
6. *Кантор Ю. З.* Территория «Остланд»: «освободительная германизация» // Петербургские военно-исторические чтения: межвузовская научная конференция (Санкт-Петербург, 18 марта 2011 г.) / отв. ред. и сост. А. Б. Николаев. СПб. : ЭлекСис, 2012. С. 76–86.
7. *Иванов Г.* Ничего русского. Как в Прибалтике отменяют «неправильные» названия? // Аргументы и факты. 2022. 29 июля.
8. Valitsuse pressikonverents, 4. august 2022 (Пресс-конференция Правительства Эстонской республики от 4 августа 2022 года) // Eesti Vabariigi Valitsus. URL: <https://www.valitsus.ee/uudised/valitsuse-pressikonverents-4-august-2022> (дата обращения: 30.10.2022).
9. Regionaalministri määruse “Narva linna aadressikohtade uute kohanimede määramine” eelnõu avalikustamine (Публикация проекта постановления регионального министра «Об определении новых топонимов адресов в городе Нарве») // Regionaal- ja Põllumajandusministeerium. URL: <https://www.agri.ee/uudised/narva-kohanimed-08-2023> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Lietuvos Respublikos draudimo propaguoti totalitarinius, autoritarinius režimus ir jų ideologijas įstatymas // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/b80056227d3211edbdceb68a7a0df7e?jfwid=-rhnnontwv> (дата обращения: 15.02.2024).
11. *Баранова Ю.* В Вильнюсе хотят переименовать улицы в рамках десоветизации // Газета.Ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/17/20889350.shtml> (дата обращения: 15.02.2024).

Поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 361–367
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 361–367
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-361-367>, EDN: IFIBYQ

Научная статья
УДК 327(478:4/5)|19/20|

Участие Молдавии в СНГ: влияние внутренних факторов, эволюция и проблемные аспекты

Д. П. Головченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Головченко Дмитрий Павлович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, goloovchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2758-7642>, AuthorID: 1199306

Аннотация. В статье рассматривается динамика участия Молдавии в СНГ в контексте внутривнутриполитической борьбы в республике. Анализируется процесс вступления страны в организацию, выделяются проблемные аспекты данного процесса. Рассматривается влияние международных акторов на формирование внешнеполитического курса Кишинева между Россией и ЕС.

Ключевые слова: Молдавия, Республика Молдова, Россия, Румыния, СНГ, ЕС, внешняя политика

Для цитирования: Головченко Д. П. Участие Молдавии в СНГ: влияние внутренних факторов, эволюция и проблемные аспекты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 361–367. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-361-367>, EDN: IFIBYQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Participation of Moldova in the CIS: The influence of internal factors, evolution and problematic aspects

D. P. Golovchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry P. Golovchenko, goloovchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2758-7642>, AuthorID: 1199306

Abstract. The article examines the dynamics of Moldova's participation in the CIS in the context of the internal political struggle in the republic. The author analyzes the process of a country joining the organization and highlights problematic aspects of this process. The influence of international actors on the formation of the foreign policy course of Chisinau between Russia and the EU is considered.

Keywords: Moldova, Republic of Moldova, Russia, Romania, CIS, EU, foreign policy

For citation: Golovchenko D. P. Participation of Moldova in the CIS: The influence of internal factors, evolution and problematic aspects. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 361–367 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-361-367>, EDN: IFIBYQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях нарастания современных процессов трансформации глобального мироустройства отмечается тенденция изменения подходов Республики Молдова (РМ) к участию в созданных после распада СССР на постсоветском пространстве (ПСР) интеграционных объединениях. Содружество Независимых Государств (СНГ, Содружество), образованное в декабре 1991 г. главным образом в целях недопущения разрыва экономических связей бывших союзных республик, является одной из обозначенных структур, членство в которой в настоящее время скептически расценивается официальным Кишиневом.

Несмотря на текущую политику высшего руководства Молдавии, направленную на ди-

станцирование от взаимодействия со странами-партнерами в рамках СНГ, история участия РМ в Содружестве характеризуется и наличием этапов углубленной интеграции. Однако необходимо отметить, что, начиная с 1991 г., политика молдавской стороны в данном интеграционном объединении во многом коррелируется с положением дел в двусторонних отношениях Москвы и Кишинева.

Анализ этапа создания СНГ и процесса вступления Молдавии в структуру позволяет сформировать понимание проблемных аспектов членства РМ в Содружестве, так как заложенные тогда основы во многом оказывали и продолжают

оказывать влияние на возникающие кризисные ситуации положения Кишинева в объединении.

Так, в принятой 23 июня 1990 г. Верховным Советом Советской Социалистической Республики Молдова Декларации о суверенитете республики были закреплены положения о возможности вступления Молдавии в межгосударственные союзы, а также выходе из них, что заложило юридическую основу будущего участия РМ в СНГ и других объединениях [1, р. 407]. 6 ноября 1991 г. премьер-министр РМ В. Муравский подписал Договор об экономическом сообществе, объединявший большинство советских республик и предусматривавший их тесное сотрудничество в торгово-экономической сфере, что также стало одним из элементов, способствовавших дальнейшей интеграции Молдавии в пространство СНГ.

При этом, несмотря на подписание молдавскими властями 21 декабря 1991 г. Алма-Атинской декларации, определяющей основные принципы функционирования СНГ, Молдавия стала последним государством, которое ратифицировало соглашение о создании организации. Затягивание сроков ратификации послужило следствием расхождения подходов среди политических элит страны к формату членства РМ в Содружестве, так как некоторыми из них оно виделось исключительно в качестве нового инструмента в руках России, предназначенного для осуществления всеобъемлющего контроля Москвы над бывшими советскими республиками. В этой связи на различных уровнях государственной власти Молдавии активно лоббировалась идея если и участия Кишинева в работе СНГ, то исключительно в торгово-экономической сфере, а не в политической или военной. Уже 12 февраля 1992 г. в своем выступлении в парламенте Румынии первый президент Молдавии М. Снегур заявил о том, что РМ подписала двусторонние экономические соглашения с практически всеми государствами бывшего СССР, предусматривающие прямое межгосударственное сотрудничество в торгово-экономической сфере без наличия какого-либо единого центра принятия решений. Вместе с тем глава РМ отметил необходимость полноценного участия в СНГ на основе обозначенных принципов [2].

Кроме того, поиск внутреннего компромисса по вопросу вступления Молдавии в СНГ также осложнялся тесной культурно-языковой близостью большей части населения РМ с населением Румынии. Указанное обстоятельство оказало существенное влияние на молдавский политический истеблишмент в первые годы независимости республики, что выражалось в ярко выраженном прорумынском векторе внешней политики Молдавии того времени. В частности, сторонниками «румынизации» страны рассматривался сценарий возможного объединения РМ с

Румынией, что подразумевало фактическую ликвидацию молдавской государственности. Поэтому указанная категория политиков в Молдавии инициативу вступления республики в СНГ воспринимала крайне негативно.

В этой ситуации на фоне спада у руководства РМ и населения страны градуса первоначальной эйфории от обретения Молдавией суверенитета очевидным стало нарастание в 1992–1994 гг. экономических проблем в республике, что было характерно в указанный период для многих государств постсоветского периода (ПСР). Стоит отметить, что, помимо этого, наблюдался катастрофический спад ВВП, который составил более 30%, а правительства РМ во главе с М. Друком и В. Муравским не смогли сдержать рост инфляции и обеспечить эффективное функционирование крупных промышленных предприятий страны, потреблявших большие объемы энергоресурсов. В результате этого происходило накопление задолженности перед Россией как крупнейшим государством-экспортером указанных ресурсов, которая постепенно преобразовывалась в государственный долг. Усугубил ситуацию и военный конфликт в Приднестровье, где находилось до 30–40% всего промышленного потенциала РМ. Параллельно происходило обострение военно-политической ситуации в Гагаузии.

В контексте роста указанных внутренних проблем в республике на законодательном уровне Молдавии происходили дискуссии в отношении юридического присоединения к СНГ путем ратификации учредительных документов Содружества в парламенте РМ. Так, 26 октября 1993 г. президиумом парламента Молдавии было принято постановление № 1622-ХІІ «О Соглашении о создании СНГ» и о «Договоре о создании Экономического Союза», ставшее очередным шагом на пути юридического вступления Кишинева в СНГ. Однако окончательная ратификация основополагающих документов Содружества состоялась в апреле 1994 г. и стала возможной после парламентских выборов в РМ того же года, большинство в результате которых получила Аграрно-демократическая партия Молдавии (АДПМ). Примечательным является тот факт, что в предвыборную программу АДПМ был включен тезис о восстановлении межгосударственных связей республики, нарушенных правительством РМ в период 1990–1993 гг. [3]. В частности, новый состав парламента Молдавии 8 апреля 1994 г. ратифицировал Договор о создании СНГ, а 26 апреля 1994 г. – Устав СНГ, сделав акцент на политически важных для Кишинева юридических оговорках [4]. Наряду с незначительными изменениями формулировок в текстах документов ключевой оговоркой при их ратификации законодательным органом РМ стало положение о том, что в рамках СНГ Молдавия

будет придерживаться в первую очередь экономического сотрудничества, исключая для себя взаимодействие в военно-политической области по причине несоответствия этого принципам суверенитета и независимости республики. Таким образом, став последней де-юре присоединившейся к СНГ страной бывшего СССР, РМ все же настояла на экономическом участии в Содружестве, что впоследствии отражалось в нарастании внутренних политических противоречий при углублении сотрудничества со странами-партнерами по СНГ в военно-политической области.

Необходимо отметить, что принятое в результате долгих дискуссий и переговорных процессов решение о присоединении к Содружеству, как и ожидалось, было по-разному воспринято представителями политического истеблишмента и обществом Молдавии. Если сторонниками сближения с Россией и восстановления имеющихся связей данный шаг был полностью одобрен, то противники указанной инициативы расценили его как начало процесса утраты РМ собственного суверенитета. В частности, участники этого лагеря полагали, что через экономическое сотрудничество с государствами-членами СНГ Россия как держава с имперскими амбициями неизбежно придет к углубленной политической и военной интеграции с ними, а это в свою очередь не отвечает интересам значительной части молдавской общественности по сближению с европейскими партнерами и, в частности, с Румынией [5, р. 64]. Таким образом, возникшие при вступлении в СНГ проблемы участия РМ в объединении стали серьезным «камнем преткновения» в будущих политических дискуссиях внутри Молдавии, а также во внешней политике республики, «застывшей» между Россией и Западом.

Так или иначе, с одной стороны, в принятой 29 июля 1994 г. Конституции РМ было закреплено положение о постоянном нейтралитете страны и недопустимости размещения в республике иностранного контингента войск, что подтверждало тезис молдавских властей о сотрудничестве с СНГ исключительно в экономической сфере [16]. С другой стороны, в утвержденной 8 февраля 1995 г. Концепции внешней политики РМ в качестве приоритетного направления для Молдавии было выделено всестороннее сотрудничество Кишинева именно со странами СНГ, среди которых в качестве ключевых были обозначены Россия, Украина и Беларусь [7].

С точки зрения анализа эволюции участия РМ в СНГ, экономический фактор и состояние национальной экономики Молдавии в разные периоды играли значительную роль, особенно с учетом декларируемой Кишиневом позиции при вступлении. В отличие от периода 1991–1994 гг., о котором упоминалось ранее, экономическая ситуация в Молдавии периода

1995–1999 гг. характеризовалась некоторой стабилизацией деградиционных процессов и замедлением темпов снижения ВВП страны, однако случившийся в 1998 г. экономический кризис в России принес негативные последствия для всех стран СНГ, в том числе для РМ. Именно в этот момент в Кишиневе возникают серьезные дискуссии о необходимости развития других векторов экономического сотрудничества, помимо СНГ, подразумевается главным образом европейское направление. Несмотря на это, одними из наиболее благоприятных для РМ в составе Содружества стали 2000–2003 гг., когда руководству страны удалось стабилизировать экономические процессы и выйти на положительные показатели роста ВВП и промышленного производства республики. Отмеченная ранее корреляция положения Молдавии в рамках СНГ с отношениями Москвы и Кишинева проявила себя и в указанный период. В частности, в 2001 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова, чему также предшествовала победа на президентских выборах 2001 г. поддерживающего курс на сближение с Россией лидера коммунистической партии страны В. Воронина. В указанный временной период со стороны Москвы Молдавии делались экономические преференции, также позволившие укрепить молдавскую экономику в рамках СНГ.

Вместе с тем вследствие внутривнутриполитической борьбы в РМ и сопротивления ориентированных на Запад политических элит политике президента РМ В. Воронина, начиная с 2004 г., взаимодействие Молдавии со странами-участниками СНГ стало ухудшаться, что стало следствием следующих политических решений официального Кишинева.

Так, на фоне улучшения двусторонних отношений РМ и России, а также углубления экономической интеграции в рамках СНГ положительные аспекты отмечались и в процессе приднестровского урегулирования. Это выражалось в подготовке к осени 2003 г. проекта договора по разрешению замороженного конфликта. Однако в ноябре 2003 г., когда к подписанию соглашения, вошедшего в историю как «Меморандум Козака» и подразумевавшего федерализацию Молдавии с предоставлением широких полномочий Приднестровской Молдавской Республике и Гагаузии, были готовы все заинтересованные стороны, В. Воронин фактически в последний момент отказался от данной инициативы. Причинами данного решения, по оценкам разных сторон, могли стать как разногласия среди участников переговорного процесса по конкретным положениям разрабатываемого договора, так и влияние на молдавское руководство западных стран и ориентированных на евроинтеграцию внутривнутриполитических элит [8].

Так или иначе указанное обстоятельство оказало значительное негативное влияние на отношения России и Молдавии, а также на оценки Кишинева деятельности СНГ. Кроме того, параллельно градус напряженности повышался в связи с завышенными экономическими ожиданиями руководства РМ от сотрудничества с Российской Федерацией, которые далеко не всегда воплощались в реальность.

После указанного инцидента и возникшего кризиса доверия в российско-молдавских отношениях в 2004–2005 гг. В. Воронин и члены возглавляемой им Коммунистической партии Молдавии взяли резкий курс на интеграционное сближение с Европейским союзом в противовес сотрудничеству с СНГ. При этом проводимая руководством РМ политика была положительно воспринята молдавским обществом, и к 2005 г. уровень поддержки населения курса на евроинтеграцию вырос до 64%, в то время как одобрение гражданами инициативы сближения с СНГ постепенно снизилось до 30% [9].

На этом фоне 22 февраля 2005 г. между Кишиневом и Брюсселем был подписан План действий Европейский Союз – Республика Молдова, который предусматривал дальнейшее включение Молдавии в европейское пространство [10, р. 111]. Кроме того, соглашение затрагивало и военно-политическую интеграцию сторон в вопросе совместного поиска эффективных решений приднестровского урегулирования. Параллельно укреплялось взаимодействие Кишинева с Грузией, Украиной и Азербайджаном в рамках Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), фактическое начало деятельности которой было положено еще в 1997 г. Так, в апреле 2005 г. в столице РМ прошел саммит ГУАМ, в ходе которого говорилось о самостоятельности, в том числе Молдавии от России в вопросах всеобъемлющего развития. При этом Кишинев избегал обсуждения взаимодействия Молдавии с Организацией Договора о коллективной безопасности, первенство в которой отводилось России.

Стоит отметить, что смена или трансформация политического вектора руководства Молдавии в указанный период также была связана с внутривнутриполитической борьбой в республике и стремлением В. Воронина и ПКРМ сохранить власть по итогам парламентских выборов, состоявшихся в марте 2005 г. На фоне нарастания политического веса унионистов, выстулавших за воссоединение РМ с Румынией, и оппозиционных по отношению к коммунистам молдавских проевропейских политических объединений В. Воронин отчасти сделал тезис о евроинтеграции Молдавии одним из ключевых в предвыборной программе ПКРМ. Этот шаг позволил получить лояльность как указанной группы политиков РМ, так и международных партнеров Кишинева, в частности Брюсселя,

что нашло отражение в результатах голосования и дальнейшем утверждении парламентом В. Воронина на второй президентский срок. Как отмечали отдельные эксперты, произошел некоторый «политический консенсус», позволивший коммунистам сохранить свое положение на какой-то срок [11, с. 29].

Срыв подписания так называемого «Меморандума Козака» и указанные шаги руководства Молдавии привели к ограничительным экономическим мерам со стороны России, выразившимся в эмбарго на поставку молдавской, в частности винной продукции, на российский рынок, что также добавило дополнительный градус напряженности как в двусторонние отношения Москвы и Кишинева, так и в процесс участия РМ в СНГ. Необходимо отметить, что складывающаяся ситуация не отвечала национальным интересам сторон. В связи с этим в период 2007–2009 гг. произошло некоторое потепление в российско-молдавском диалоге. Так, в интересах поиска решений накопившихся проблемных аспектов взаимодействия Молдавии с Россией, в том числе в рамках СНГ, 14 ноября 2008 г. была подписана Программа экономического сотрудничества сторон на 2009–2020 гг., подразумевавшая налаживание и укрепление торгово-экономических связей. Однако очередное улучшение дел в российско-молдавских отношениях вновь было осложнено внутренними процессами в РМ.

В этом контексте в качестве некоей точки бифуркации развития Молдавии между пространствами СНГ и ЕС выступили внутривнутриполитические события в РМ в 2009 г. В апреле 2009 г. в стране состоялись парламентские выборы, результат которых не был признан проевропейскими и прорумынскими силами в республике. Последовавшие за этим протесты, вошедшие в историю как так называемая «твиттер-революция» по причине вмешательства иностранных сил посредством данной социальной сети в инспирирование общественных акций и беспорядков, привели к проведению в июле 2009 г. внеочередных выборов в парламент РМ. По итогам голосования образованный из четырех политических объединений (Либерально-демократическая партия Молдавии, Либеральная партия, Демократическая партия Молдавии и альянс «Наша Молдова») «Альянс за европейскую интеграцию» получил 53 места в законодательном органе республики, в то время как КПРМ – 48. В этих условиях в качестве премьер-министра страны был избран лидер ЛДПМ В. Филат, а исполняющим обязанности президента РМ – лидер ЛП М. Гимпу.

Начавшийся в 2009 г. внутривнутриполитический кризис протекал в тесной связи с нарастающими в Европе интеграционными процессами и вступлением в 2007 г. в ЕС Румынии. В совокупности с турбулентным состоянием отношений Молдавии с Россией и СНГ все эти факторы привели

к дальнейшим коррективам внешней политики Кишинева в пользу европейской интеграции. В частности, в мае 2009 г. стартовала программа ЕС «Восточное партнерство», участником которой наряду с другими странами ПСП стала и РМ. Указанная инициатива Брюсселя была негативно воспринята Москвой и, как следствие, административными структурами СНГ. Так, уже в ноябре 2009 г. Экспертным советом Комитета Совета Федерации по делам Содружества была дана однозначная оценка программе «Восточное партнерство», которая воспринималась как инструмент европейцев по перетягиванию стран СНГ в свою зону экономического и политического влияния [12]. Кроме того, делался акцент на потенциальную невозможность с правовой точки зрения участия отдельных государств, ставших сторонами партнерства, взаимодействовать в торгово-экономической сфере в рамках СНГ, так как при расширении договорной базы с ЕС могли возникнуть юридические противоречия с соглашениями Содружества.

Кризисные политические явления в Молдавии в 2009 г. отразились и на неоднозначности общественного мнения в республике по вопросу внешнеполитических ориентиров страны. Так, несмотря на сохраняющийся в указанный год высокий процент граждан РМ (63%), поддерживающих европейскую интеграцию Молдавии, порядка половины опрошенных (51%) рассматривали в качестве стратегического партнера Кишинева Российскую Федерацию, в то время как ЕС в качестве такого оценивался только четвертью опрошенных респондентов (24–26%) [13].

Указанный фактор и осознание руководством РМ пагубности как для политической, так и для экономической системы Молдавии резкого движения по пути «евроинтеграции» в ущерб сотрудничеству в рамках СНГ привели к проведению правительством республики во главе с В. Филатом сбалансированной политики между Москвой и Брюсселем. Обозначенные в программе правительства «Европейская интеграция: Свобода, Демократия, Благополучие» на 2009–2013 гг. были закреплены тезисы об однозначности евроинтеграции для РМ, однако также было закреплено положение о необходимости стратегического партнерства с Россией и государствами-членами СНГ. На фоне политического кризиса в стране, фактически продолжавшегося до 2012 г., указанные положения стали альтернативой и компромиссом для ключевых внутри- и внешнеполитических сил в Молдавии и были положительно восприняты обществом республики.

Попытки руководства РМ сбалансировать внешнеполитические, в первую очередь экономические ориентиры, а также попытки сохранить конструктивный диалог с Россией и партнерами по СНГ привели к подписанию Молдавией

18 октября 2011 г. Договора о зоне свободной торговли (ЗСТ) СНГ, открывшего дополнительные возможности для молдавского экспортноориентированного бизнеса и заменившего аналогичное соглашение от 15 апреля 1994 г. Указанное действие Кишинева было воспринято ориентированными на запад политиками РМ как шаг на пути вступления страны в таможенный союз (ТС) России, Казахстана и Беларуси, что, по их мнению, противоречило курсу на евроинтеграцию республики. Схожие по своему содержанию заявления делались и чиновниками из Брюсселя, которые деликатно заявляли о неизбежном снижении уровня экономического сотрудничества ЕС с Молдавией в случае ее вступления в вышеуказанный ТС. Однако стоит отметить, что в том числе благодаря данному соглашению о ЗСТ в 2012 г. более 40% молдавского экспорта приходилось на страны СНГ, из которых 30% – на Россию [14].

Очередным «движением маятника» внешнеполитического курса Кишинева между СНГ и ЕС стали события 2013–2014 гг. В результате переговорного процесса между Молдавией и ЕС, в том числе на фоне начавшегося украинского кризиса и в контексте участия страны в программе «Восточного партнерства», 27 июня 2014 г. между сторонами было подписано «Соглашение об ассоциации с ЕС», ставшее неблагоприятным, с экономической точки зрения, фактором для стран СНГ. В частности, оно предусматривало углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли и закладывало основу для более прочной политической и экономической интеграции сторон [15]. Следует подчеркнуть, что еще в процессе подготовки документа к подписанию в 2013 г. Москва выразила свое отношение к данной инициативе Молдавии. В частности, в сентябре 2013 г. российскими властями был введен новый запрет на импорт молдавского вина на рынки РФ по причине несоответствия качества продукции требованиям России. По оценкам некоторых исследователей, фактической причиной данного шага стали как раз переговоры Кишинева и Брюсселя и готовность РМ к подписанию соглашения, что противоречило интеграции в рамках СНГ и разрабатываемого на тот момент евразийского экономического союза.

Предпринятый руководством шаг по дальнейшей евроинтеграции страны был также неоднозначно воспринят общественностью Молдавии, в том числе по причине отсутствия в публичном доступе проекта договора для его обсуждения гражданами республики. Сохранялся и высокий уровень запроса населения РМ на сохранение стратегического политического и экономического сотрудничества страны с Россией и странами СНГ. Несмотря на заявления властей о том, что подписанное с ЕС соглашение и участие Молдавии в ЗСТ СНГ не противоречат друг

другу и создают возможности по развитию отношений страны со всеми партнерами, это привело к новому внутривластному кризису.

Как следствие, в 2014 г. на политической арене Молдавии в результате парламентских выборов всерьез заявила о себе Партия социалистов РМ (ПСРМ), занявшая по результатам голосования первое место [16]. Одним из тезисов предвыборной кампании ПСРМ было восстановление конструктивного политического диалога с Россией, а также участие страны в евразийской интеграции на пространстве СНГ. Уже в 2016 г. президентом страны был избран лидер ПСРМ И. Додон, который, как и ожидалось, выступил за сближение с Россией и вовлечение страны в инициативы, продвигаемые Москвой.

Вместе с тем в период 2014–2016 гг. оппозиционные к ПСРМ и проевропейские политические силы в правительстве республики продолжили курс на доктринальное закрепление европейского пути Молдавии. В частности, в программах правительства республики 2015 и 2016 гг. закреплялись тезисы о «европейской интеграции как единственно верном пути». Навязчивость и отчасти жесткая стратегия политики правых сил вызывали отрицательную реакцию населения РМ, что отразилось в снижении поддержки гражданами Молдавии самой идеи «евроинтеграции» республики. Так, уже к концу 2015 г. число сторонников данного внешнеполитического курса РМ согласно некоторым социальным опросам составило менее 40%, в то время как количество граждан, выступающих за вступление в ТС, продвигаемое Россией в рамках евразийской интеграции, превысило указанную цифру [17, с. 14].

Однако вследствие нескончаемого процесса внутривластных интриг период фактического руководства страной ПСРМ во главе с И. Додоном вплоть до победы на президентских выборах 2020 г. М. Санду и на парламентских выборах 2021 г. партии «Действие и солидарность» не оправдал ожидания сторонников сближения с Москвой и СНГ, что в первую очередь связано с неподконтрольностью социалистам значительного числа оппозиционных партий в парламенте республики. Важно отметить и возросшую на данном этапе роль в процессах принятия решений в РМ молдавских олигархов, одним из которых фактически в качестве «черного кардинала» страны являлся В. Плахотнюк. На фоне большого количества бедного населения Молдавии и экономических проблем в республике этот бизнесмен преследовал исключительно свои интересы иногда в ущерб интересам иностранных акторов в РМ, в том числе в вопросах определения Кишиневом внешнеполитического курса между СНГ и ЕС. В этой связи В. Плахотнюк стал серьезной головной болью для России, Брюсселя и Вашингтона, а его фактическое «изгнание» в 2019 г. из страны благодаря усилиям всех

заинтересованных сторон стало одним из немногих достижений политики И. Додоны и ПСРМ. С точки зрения движения в сторону евразийской интеграции в 2018 г. положительным моментом также стала инициатива тогдашнего президента о получении Молдавией статуса наблюдателя ЕАЭС.

Все это не оказало серьезного влияния на развитие, как минимум, торгово-экономических отношений РМ со странами СНГ. Интересным является и динамика торгового баланса Молдавии с государствами содружества и ЕС. Если в 2013 г. экспорт РМ в страны СНГ уже сократился до 38%, а в Россию – до 26%, то после 2014 г. эта тенденция лишь усилилась. Ключевым торговым партнером, начиная с указанного времени, поэтапно стала Румыния [18, с. 99].

Как уже отмечалось, пришедшие в 2020 и 2021 гг. к власти в РМ правые силы в лице партии «Действие и солидарность» и президента М. Санду в очередной раз направили маятник внешней политики Молдавии, в том числе в экономической области, в сторону безальтернативной евроинтеграции и отдаление от взаимодействия с СНГ. Продолжающийся украинский кризис и международное давление на Россию открыли новые возможности для реализации руководством страны обозначенной политики. Как следствие, с 2023 г. наблюдается процесс денонсации Кишиневом ряда подписанных за всю историю СНГ соглашений, что может свидетельствовать о намерении РМ ограничить свое участие в Содружестве или вовсе выйти из него.

Подводя некоторые итоги участия Молдавии в СНГ, можно сделать вывод о том, что первопричинами сложности и турбулентности членства Кишинева в Содружестве являлись и продолжают являться внутривластные и социальные особенности республики. В первую очередь это выражается в наличии разнонаправленных по идеологическим взглядам политических и социальных групп в РМ. В республике есть как те, кто выступает за сближение с Россией и СНГ, так и те, кто всецело стремится к всеобъемлющей интеграции с ЕС и Румынией. Полярность видения будущего Молдавии самими ее гражданами, наличие сложных, с политической точки зрения, регионов (Приднестровье, Гагаузия), неоднозначная экономическая ситуация в стране, влияние на Кишинев ключевых международных акторов и внутривластная борьба между элитами с самого начала обретения республикой независимости играли огромную роль на ее вовлечение в деятельность СНГ, что можно наблюдать и сегодня.

Список литературы

1. Cernencu M. Republica Moldova: Istoria politica (1989–2000). Documente și materiale. Vol. 2. Chișinău : Universitatea Liberă internațională din Moldova, 2000. 547 p.

2. Sa fim stapini in casa noastra. Discursul in problema referendumului rostit de M. Snegur, Preşedintele Republicii Moldova // Sfatul Tarii. 1991. 7 martie.
3. Предвыборная программа АДПМ. URL: <http://www.edemocracy.md/files/elections/parliamentary1994/electoral-program-pdam-1994-ro.pdf> (дата обращения: 16.01.2024).
4. Постановление от 8 апреля 1994 г. № 40 о ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=86783&lang=ru (дата обращения: 16.01.2024).
5. Moldova și Integrarea Europeană. Chişinău : Institutul de Politici Publice. Prut internațional, 2001. 83 p.
6. Конституция Республики Молдова. URL: https://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/constitutia_ro_22.05.17_ru.pdf (дата обращения: 17.01.2024).
7. Постановление Парламента Республики Молдова от 8 февраля 1995 г. № 368 «Об утверждении Концепции внешней политики Республики Молдова». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=60504&lang=ru (дата обращения: 20.01.2024).
8. «Рука Москвы не получила от России никакой помощи». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/631793> (дата обращения: 07.01.2024).
9. Barometrul de Opinie Publica – decembrie 2005. Institutul de Politici Publice. URL: <http://ipp.md/old/libview.php?1-ro&idc=156&id=461> (дата обращения: 07.01.2024).
10. Consiliul Europei: 800 milioane de europeni. Biroul de Informare a Consiliului Europei in Moldova. Chişinău, 2008. 125 p.
11. Путинцев И., Кириллов В. Отношения Молдавии и ЕС. 1998–2012 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 26–33.
12. «Восточное партнерство»: проблемы реализации и возможные последствия // Материалы заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств. 19 ноября 2009 года. М. : Издание Совета Федерации, 2009. 62 с. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44/243fdc22b87385.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).
13. Barometrul de Opinie Publica – noembrie 2009 // Institutul de Politici Publice. URL: <http://ipp.md/old/libview.php?1-ro&idc=156&id=450> (дата обращения: 25.01.2024).
14. Biroul National de Statistic al Republicii Moldova. Exporturile/Importurile petari (2009–2013) Tarile CSI. URL: <http://www.statistica.md/category.php?/=ro&eidc=336> (дата обращения: 25.01.2024).
15. Представительство Европейского Союза в Республике Молдова. URL: https://www.eeas.europa.eu/moldova/молдова-и-ес_ru?s=223 (дата обращения: 14.01.2024).
16. Парламентские выборы в Молдове 30 ноября 2014 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2014> (дата обращения: 16.01.2024).
17. Ткач А. Реконфигурация внешней политики Республики Молдова в контексте европейской интеграции и сотрудничества с Российской Федерацией и СНГ // Science Time. 2019. № 10. С. 8–31.
18. Пивовар Е., Гуцин А., Левченко А. Республика Молдова. 2016–2020 гг.: внутривластная ситуация и внешние ориентиры // Современная Европа. 2021. № 3. С. 94–105. <https://doi.org/10.15211/soveurope3202194105>

Поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 06.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 02.03.2024; approved after reviewing 06.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 368–377

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 368–377

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-368-377>, EDN: ККРОАО

Научная статья

УДК 355.483(410+477)|2022|

Участие Великобритании в военных действиях на Украине в 2022 году

В. О. Терентьев

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Россия, 198035, г. Санкт-Петербург, ул. Двинская, д. 5/7

Терентьев Вячеслав Олегович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии, terehv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2567-5560>, AuthorID: 768582

Аннотация. В статье проанализированы роль и место Великобритании в подготовке военного конфликта на Украине и выстраивании террористической концепции ведения войны украинской армией и спецслужбами. Рассмотрено прямое и косвенное участие британских военных структур в боевых действиях против российских вооруженных сил в 2022 г. Представлены поставки Великобританией вооружения и военной техники Украине, а также формы и направления обучения украинской «прокси-армии» британскими инструкторами. Продемонстрировано использование конфликта Лондоном в целях ведения технической разведки в отношении новых видов российского оружия.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, Украина, военные действия, спецоперация, армия

Для цитирования: Терентьев В. О. Участие Великобритании в военных действиях на Украине в 2022 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 368–377. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-368-377>, EDN: ККРОАО

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Participation of the UK in the military operation in Ukraine in 2022

V. O. Terentev

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, 5/7 Dvinskaya St., St. Petersburg 198035, Russia

Vyacheslav O. Terentev, terehv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2567-5560>, AuthorID: 768582

Abstract. The article analyzes the role and place of Great Britain in the preparation of the military conflict in Ukraine, as well as the formation of the terrorist concept of warfare led by the Ukrainian army and special services. Both direct and indirect participation of British military structures in combat actions against the Russian armed forces in 2022 is examined. The article outlines the supplies of weapons and military equipment to Ukraine by the UK, the forms and directions of training of the Ukrainian “proxy army” by British military instructors. Finally, the use of the conflict by London for conducting technical intelligence concerning new Russian weapons is shown.

Keywords: Great Britain, Russia, Ukraine, combat operations, Special Operation, army

For citation: Terentev V. O. Participation of the UK in the military operation in Ukraine in 2022. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 368–377 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-368-377>, EDN: ККРОАО

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С февраля 2022 г. в глобальном англосаксонском мире Британия все больше стала позиционировать себя как ведущая управляющая, аналитическая, информационная, интеллектуальная система, отдавая США роль ведомой управляемой финансовой, экономической, политической, военной силы [1]. В настоящее время, если учесть все виды современных войн, весь мир превратился в театр военных действий. Прослеживаются существующие виды противодействия, в том числе гибридные и прокси-войны [2]. Российско-

украинский конфликт является начальной стадией «горячего» противоборства Запада с Россией и Китаем. Несмотря на значительный финансово-экономический вклад США в украинские вооруженные силы, основным «топ-менеджером» европейского сектора англосаксонского влияния является Великобритания. Британские советники управляют политическими, экономическими и военными процессами на Украине, реализуя интересы Лондона через прокси-войну посредством «туземной» украинской армии [3]. Здесь замет-

ны элементы английского управления не только подконтрольной Украиной, но и вооружением «союзников» по НАТО.

Транснациональные корпорации, находящиеся на пороге глобального кризиса, содействовали возвращению милитаристами США, Великобритании и Евросоюза из украинского национализма векторного антироссийского нацизма в противовес формированию государственной экономики в России на постсоветском пространстве. На Украине консолидация и нетерпимость украинского народа к коррупции, борьба с олигархами была своевременно перенаправлена на идеологически нового врага – «москалей», которых срочно объявили причиной всех украинских проблем. Большая часть киевского «майдана» вышла протестовать против засилья олигархов во власти, против коррупции и воровства высших чиновников. Эти опасные для правящей элиты настроения быстро перевели в плоскость межэтнического конфликта между русскими («москалями») и украинцами, доведя столкновения до этнической ненависти и гражданской войны. Неизбежным втягиванием России в войну на Украине одновременно решался вопрос подрыва российской «государственно-корпоративной» экономики и обеспечения массовыми заказами транснациональных корпораций.

Как уже неоднократно отмечалось, на Украине идет гибридная прокси-война XXI в., которая включает в себя информационную, идеологическую (с концентрированным компонентом), кибернетическую, психологическую, политическую, радиоэлектронную, террористическую, биологическую, генетическую, экономическую и, разумеется, «горячую» войны на основе «сетевцентрической» концепции [1, 4].

В данном исследовании будет анализироваться только прямое участие Великобритании в военных (боевых) действиях на Украине. Это участие представлено: управлением и руководством боевыми действиями; непосредственным присутствием британских военнослужащих или парамилитарных структур; совместными учениями или военными проектами; обучением силовых структур; подготовкой и проведением терактов; поставками вооружения; технической разведкой и поставкой боевой информации [5, 6].

Управление боевыми действиями

Военная кампания Вооруженных сил Украины не только курируется, но и управляется британским правительством, военными и дипломатами. По сообщению президента России В. В. Путина переговорный процесс России и Украины весной 2022 г. был сорван по инициативе и распоряжению премьер-министра Великобритании Б. Джонсона. Британский премьер трижды посещал Украину в ходе военных действий, а кроме того, еще и в период накала противостояния

накануне СВО 1 февраля. «Колониальным управляющим» на Украине с полномочиями контроля ВСУ и СБУ являлась посол Великобритании на Украине М. Симмонс [7]. С сентября 2016 г. советником при министре обороны Украины состоял бывший командующий Сухопутными силами Британской армии генерал Ник Паркер. В его задачи входила помощь в наращивании темпов и масштабов оборонной реформы в Украине, но он также руководил и разработками операций на Донбассе. В работе теневого штаба принимал участие бывший директор спецназа и начальник Генерального штаба Великобритании генерал М. Карлтон-Смит, в 2018 г. совершивший путешествие на линию боевого соприкосновения на Донбассе. Министр обороны Бен Уоллес несколько раз (в июне, сентябре (тайно), ноябре) лично инспектировал Киев, а в ходе августовского визита обсуждал с украинскими военными и политиками нанесение удара по Крымскому мосту. Официальным Лондоном эта информация была опровергнута, но через два месяца такой удар был нанесен [8]. В ходе августовского и сентябрьского посещений был подготовлен и проконтролирован военно-политический проект «контрнаступление». В июле 2022 г. и марте 2023 г. ведение боевых действий и своего прокси – главкома ВСУ лично проконтролировал глава британской армии Энтони Радакин [9]. Программы «тайных операций» и «партизанской войны» на Украине разрабатывает британский The Institute of Statecraft (в частности Гай Спиндлер), спонсируемый правительством Великобритании и сопровождающий операции MI-6. Вопросами глобальной информационной войны Integrity Initiative и «информационных спецопераций» против России занимается бывший специальный советник генерального секретаря НАТО Крис Доннелли, основатель целого ряда антироссийских государственных и частных организаций, включая The Institute of Statecraft [10]. Подготовку украинцев на территории Великобритании курировал бригадный генерал Джастин Стенхаус.

Непосредственное участие (британская армия)

Как и во всех британских операциях конца XX – начала XXI в. первыми в бой всегда вступает спецназ. В военном компоненте «Глобальной Британии» силам спецназначения отводится одна из главных ролей в продвижении британских интересов. Так, точечное применение SAS и SBS по лидерам неудобных стран и организаций совместно с ударами RAF высокоточным оружием (британский государственный терроризм) представляет собой хирургическое устранение основных препятствий на пути продвижения заблаговременно подготовленной неокониальной администрации к «легитимности» на территории противостоящего государства [11].

В конце 2018 г. в ДНР обнаружили информацию о возможном участии британской SAS в спецоперациях под Горловкой. Тогда сообщалось, что военнослужащие SAS прибыли на Донбасс для проведения спецоперации по похищению на территории ДНР представителей командования и военнослужащих Народной милиции, но их вовремя обезвредила местная контрразведка [12].

В 2021 г. официальный Лондон заявлял, что британский воздушно-десантный спецназ «будет переориентирован на выполнение высокорисковых миссий на уровне противостояния отдельным государствам» [13]. Генерал М. Тоттен заявил, что 4 тыс. спецназовцев рассредоточены группами по разным «горячим» точкам и будут противостоять террористическим операциям, за которыми стоят спецслужбы стран-противников, сдерживать наемников, за которыми стоят государственные структуры, и вообще «реагировать на кризисы». Прежде всего, это был отсыл к востоку Украины. Однако британский спецназ предназначен не для антитеррористических операций, а, наоборот, для осуществления диверсионных актов. Предполагалась плотная совместная работа спецподразделений SAS и разведслужбы MI-6 [14]. Накануне военных действий, 8 февраля 2022 г., на Украину прибыли более 100 бойцов сил специальных операций Великобритании [15]. Еще раньше туда для охраны дипломатов были откомандированы 350 морпехов из состава 45-го батальона «Коммандос» (3-я бригада «Коммандос»). Их перебросили из Норвегии, где 45-й батальон принимал участие в учениях, в Польшу, а оттуда отправили на Украину. После отвода российских войск из-под Киева в апреле морпехи перебрались из Львова в украинскую столицу. Генерал-лейтенант Магован признает, что, помимо охраны дипучреждений, морпехи занимались и другими задачами, участвуя в тайных операциях [16]. 30 рейнджеров прибыли для подготовки, тестирования и тренинга украинцев по британским ПТРК NLAW [17].

В марте на Украину для обучения украинцев прибыла группа специалистов по ПЗРК [18], в апреле – группа специалистов по ПТРК [19].

4 апреля, 30 октября и 30 января Российской армией наносились ракетные удары по военной базе в Очакове, построенной на средства США и Великобритании для базирования кораблей и сил специального назначения НАТО. Предполагается, что там находились британские (армейские, а позже наемные) инструкторы SBS и операторы морских БПА. Ряд СМИ сообщил о потерях не только украинских военных и иностранных наемников, но и SBS [20]. Однако официальные СМИ этого не подтвердили.

В середине апреля Британия забросила под Львов две группы специалистов по диверсиям, партизанской войне и переворотам – примерно

20 человек из состава Special Air Service (SAS). Их задача – помогать украинским спецслужбам в организации диверсий в России [21]. В приграничные с Россией районы было направлено несколько украинских ДРГ. Задачи по их координации и проведению диверсионных операций в России были возложены Лондоном и проксиштабом в Киеве на офицеров SAS [22].

В мае на Украину прибыли британские специалисты по САУ AS-90 и советники для контроля запорожского оперативного направления [23].

В украинских и западных СМИ регулярно появляется материал вызывающего, провокационного характера, призванного еще больше обострить противостояние Великобритании и России. Тиражируются противоречивые данные о пленении значительного числа наемников и командиров высшего звена из разных стран НАТО, включая и Великобританию (подполковник Джон Бэйли) в мае в Мариуполе [24]. В середине июня один из американских наемников киевского режима журналисту Сету Харпу заявил, что в боях на Украине за ВСУ принимают непосредственное участие бойцы SAS [25].

В июне 2022 г. британский спецназ SBS тренировал военнослужащих ВМСУ из 73-го морского центра специального назначения в Очакове, осуществивших операцию на острове Змеином, обращению с британской техникой, переданной ранее для проведения диверсий и спецопераций [26].

Несколько британских спецназовцев погибли на Яворовском полигоне 14 марта 2022 г. К маю число погибших британских спецназовцев достигло 40 чел. [27]. После целого ряда потерь в инструкторах SAS, SBS и морской пехоты в июне 2022 г. британские спецслужбы подключили к подготовке и ведению военных действий на Украине разноплановые ЧВК.

Непосредственное участие (частные военные компании, наемники)

Целый ряд транснациональных корпораций Великобритании ведет бизнес, связанный с широким спектром разведывательных услуг, оценкой разнообразных угроз, охраной и противодействием, производством средств охраны, обороны, локализации и устранения угроз, поставкой летальных и нелетальных средств защиты, отраслевой подготовкой и обучением. Среди таких компаний яркие международные представители теневого бизнеса военных услуг – ЧВК.

HALO Trust с 2015 г. устроила на Украине курсы по подготовке специалистов минновзрывного дела, поставляет спецтехнику, средства связи и имущество военного назначения. На Украине в 2018 г. работали 400 сотрудников компании, из которых всего 5 международных экспертов и специалистов. Как выяснилось

из документов, захваченных в Мариуполе в мае 2022 г., сотрудники HALO Trust имели прямое отношение к ЧВК «Blackwater Ukraine». Они занимались сбором разведывательной информации для американских и британских разведывательных спецслужб, а также готовили террористов полка «Азов» [28].

Aegis Defence Services (с 2015 г. в составе канадской **Garda World**) охраняла президента Украины Порошенко. С 2019 г. официально на Украине не работает. Однако известно о широкомасштабной деятельности Garda World, имеющей около 120 тыс. сотрудников. Компания открыто набирает наемников для войны на Украине, они участвовали в боях под Краматорском, охраняли портовую инфраструктуру в Одесской области, регулярно участвовали в провокационных мероприятиях, например, готовили подрыв трубопровода аммиака для обвинения России [29, 30].

Транснациональная корпорация **G4S** (с 2021 г. в составе американской **Allied Universal**) со штаб-квартирой в Великобритании – крупнейшая частная охранная компания в мире с численностью около 800 тыс. чел. На Украине открыт рекрутинг под видом охранной кампании. **G4S Украина** является единственной международной компанией, которая успешно работает на украинском рынке охраны и безопасности с 1992 г. Отмечено участие представителей компании в военных действиях.

На постсоветском пространстве активно действует совместная американо-британская ЧВК **Northbridge Services Group**, база которой расположена в Доминиканской республике, а филиалы в Великобритании и Украине (директор – зам. главы ЧВК полковник морской пехоты ВСУ Вадим Махницкий).

В 2022 г. на территории Украины активно действовали и другие британские ЧВК

В связи с военными действиями на Украине возникло несколько небольших, но энергичных британских ЧВК – тренинговая **Trident Defence Initiative** (основатель Дэниэл Ридли), тренинговая **Prevail Partners** (основатель Джастин Хеджес), боевая **Samson Operations** (основатель Джонатан Шенкин, погибший в декабре 2022 г.).

14 июня помощник главы МВД ЛНР сообщил, что на территории завода «Азот» в Северодонецке сейчас находятся около 2,5 тыс. украинских военных. Около 500 из них могут быть иностранными наемниками, большая часть из которых – британские военные [31].

Непосредственное участие (добровольцы)

5 марта на Украину прилетели воевать против России первые британские добровольцы. Нередко это бывшие военные, полицейские или сотрудники спецслужб, хотя встречаются и обычные любители-экстремалы

По сведениям на 5 августа 2022 г. на территории Украины в боевых действиях участвовали 436 британских наемников и добровольцев, 141 из них убит, 135 вернулись на родину, 160 осталось [32]. Многие из них известны поименно [33]: Дж. Шенкин (советник по безопасности, основатель ЧВК **Samson Operations**, был уничтожен в декабре 2022 г.), Д. Ридли (основатель тренинговой ЧВК **Trident Defence Initiative**), Б. Грант (сын британского парламентария, бывшего министра спорта и туризма Хелен Грант), Э. Эслин, Ш. Пиннер, С. Сибли, П. Юри, Д. Хили, Э. Хилл, Кертис, Дж. Гэтли, К. Макинтош, В. Яцуник, Р. Мейсон, С. Лингард, Дж. Хейг, К. Перри, «Scouse», А. Бэгшью, Дж. Хардинг. Британские добровольцы действуют в основном в составе нацистского штурмового отряда «Третья сотня» (49-й нацбат «Карпатская сечь») под командованием британского наемника Т. Стеда или в группах «Иностранного легиона». Они воевали под Мариуполем, Николаевым, Херсоном, Артемовском.

Часто разделить британских комбатантов на армейцев, наемников и добровольцев сложно из-за смены структуры и подчиненности. Бывает, что военнослужащий британской армии внезапно увольняется и «добровольно» уезжает воевать на Украину или поступает в новообразованную ЧВК.

Учения

Накануне спецоперации на Украине регулярно проходили военные учения, позволяющие обеспечивать постоянное военное присутствие сил НАТО на территории Украины и в Черном море. Одними из последних в 2021 г. стали учения НАТО и Украины «Казацкая булава» (**Cossack Mace**) по отработке взаимодействия украинских и британских воинских формирований. Они проходили в Николаевской и Одесской областях. Согласно легенде военнослужащие отражали захват городов условным противником. В них были задействованы 5500 военнослужащих, 30 самолетов и вертолетов, 11 кораблей. От Великобритании – 1500 военных, 10 самолетов и вертолетов, 3 корабля, от других членов альянса – до 1000 чел., 10 самолетов и вертолетов, 3 корабля [34]. В 2022 г. только за зиму – весну на территории Украины силами НАТО планировалось 10 крупных военных учений общей численностью до 65 тыс. чел. [35], среди них под руководством Великобритании **Cossack Mace-2022**. В декабре Верховная рада выдала разрешение на присутствие вооруженных сил НАТО на Украине. Однако СВО ВС РФ изменила эти планы. Только **Sea Breeze-2022** прошли в июле у берегов Болгарии и без украинского участия.

Обучение

В 2015–2022 гг. на территории Украины проводилась британская операция Orbital по обучению ВСУ. Более сотни военных профессионалов из Великобритании подготовили свыше 22 тысяч бойцов. Руководство операцией осуществлялось из оперативного штаба Великобритании в Киеве. 17 февраля 2022 г. операция была временно приостановлена. Сейчас военная подготовка бойцов украинской армии проходит непосредственно в Великобритании. Операция Interflex началась в июле 2022 г. и проходит на территории Соединенного Королевства. Более тысячи британских военнослужащих 11-й бригады содействия силам безопасности (SFA) задействованы в обучении украинцев. Это соединение было создано еще в 2021 г. для обучения «туземных» армий в Великобритании [36]. С учетом тренировочных миссий других стран планируется обучать до 12–15 тыс. чел. каждые 4 месяца. Однако еще до этого, в течение первой половины 2022 г., украинские военнослужащие проходили подготовку в Великобритании [37]. К 16 февраля 2023 г. более 10 тыс. украинцев прошли обучение [38].

Терроризм

Практически во всех значимых террористических актах, совершенных против гражданской и экономической инфраструктуры России в течение 2022 г. обнаруживается британский след. У каждой структуры специального назначения в разных странах есть свой неповторимый почерк, свои особенности, свои оригинальные методы, схемы, способы, позволяющие профессионалам практически сразу определять идеолога и заказчика террористического проекта. В случае российско-украинского конфликта все достаточно прозрачно: в любых масштабных, значимых, резонансных происшествиях на российских транспортных, инфраструктурных, производственных объектах заинтересованы лишь две крупные державы, претендующие на роль «глобальных» лидеров и распространяющих свое влияние по всему миру без опасения симметричных ответов – США и Великобритания; исполнитель – украинские спецслужбы государственного или военного уровня; с учетом целенаправленной подготовки этих спецслужб британскими диверсантами SAS, SBS, морской пехоты, а также почерка можно вполне обоснованно предполагать британский след в терактах против Крымского моста, «Северного потока», целого ряда научно-исследовательских объектов, политических и идеологических лидеров России и ее регионов [39, 40]. 5 ноября разведка Великобритании заключила соглашение с СБУ об обучении «партизанской террористической армии» Украины. Обучение проходит в Греции и Польше. Чтобы обучать украинских бойцов, наняли британскую ЧВК Prevail Partners. Она была

основана бывшими спецназовцами, в частности экс-бригадиром морской пехоты Джастином Хеджесом [10].

Поставки

В настоящее время основными проводниками милитаристской антироссийской политики являются транснациональные корпорации. Многие из них, сохраняя международный характер, прочно связывают свои интересы с интересами англосаксонского мира в целом. Прежде всего, это крупнейшая британская оружейная и аэрокосмическая компания BAE Systems plc. – крупнейший оборонный подрядчик в Европе и седьмой показатель в мире. Она обладает колоссальными политическими и финансовыми ресурсами, позволяющими оказывать практически неограниченное влияние на военную политику Великобритании и США в мире [1]. В свою очередь правительство Великобритании имеет крупную долю в компании, а также «золотую» акцию, что подтверждает широкомасштабное слияние корпоративных и государственных интересов в этой стране. Об отсутствии моральных и этических ограничений говорят регулярные крупные коррупционные и политические скандалы, связанные с BAE Systems [41–43]. Поведение компании включало «обман, двуличие и сознательные нарушения закона... в огромных масштабах» [44]. В ходе военных действий на Украине в 2022 г. BAE Systems получила рекордные объемы заказов на сумму 44,7 млрд долл. [45].

Одной из динамично развивающихся военных корпораций является Thales Group – британское подразделение французского оборонного гиганта Thales Group (бывший Thomson, восьмой показатель в мире). В надежде опередить BAE на мировом и европейском рынках она интенсивно лоббирует силовые решения на Украине. Именно она производит широко разрекламированные NLAW, Javelin, Starstreak, Martlet MANPAD, AIM-120, Watchkeeper. Массовые поставки этого оружия на Украину способствовали заключению крупных контрактов на восстановление национальных запасов оружия и дополнительных закупок для ВСУ. Перспективные подводные беспилотники, апробированные британскими спецслужбами в атаке на Севастополь, также являются продуктом Thales. Одновременно Thales выступает поставщиком военных комплектов для российской армии [46].

Великобритания стала первым массовым поставщиком летального вооружения на Украину еще до начала СВО. До 24 февраля прибыли до 20 британских самолетов с военными грузами для Украины. В основном это Airbus A400M и C-17 Globemaster III. Всего было доставлено свыше тысячи тонн оружия, военной техники и боеприпасов (включая около 4 тыс. ПТРК NLAW и несколько ПЗРК Starstreak). Количество рейсов

и полезной нагрузки из США к этому времени было в 2 раза меньше.

После первой Международной конференции доноров, созванной министром обороны Великобритании в феврале 202 г. для обеспечения поставок на Украину, была подготовлена специальная 104-я бригада материально-технического обеспечения.

За три первых дня операции российская армия захватила более 50 единиц ПТРК NLAW.

Британские заводы освоили выпуск боеприпасов советского типа для украинской артиллерии [47]. В 2012 г. в г. Вашингтон в Англии был построен завод BAE Systems по производству боеприпасов, который, кроме натовских стандартов, начал выпуск снарядов советских калибров от 76,2 до 152-мм. Основная доля боеприпасов сейчас идет на Украину.

Многие поставки осуществляются британскими корпорациями (особенно Thales) с рекламно-информационными целями. Так, на протяжении всего 2022 г. в украинских и западных СМИ широко муссировался случай, когда 1 апреля 2022 г. в Луганской области довольно новый российский вертолет Ми-28Н был сбит огнем из ПЗРК Starstreak. Несмотря на несколько десятков поставленных комплексов и более 400 ракет, упоминания об их успехах или тиражируют первоапрельский случай, или носят бездоказательный (сфальсифицированный) характер. При этом не упоминалось, что экипаж подбитого вертолета не только выжил, но и смог совершить аварийную посадку на поле, а второй обстрелянный вертолет благополучно ушел от поражения, забрав с собой экипаж сбитого борта [48]. Успех ПЗРК мгновенно был растиражирован в странах – потенциальных покупателях, например, в Индии [18]. На примере этого ПЗРК можно проследить дезинформационные шаги официальных заявлений британского руководства. Британский ПЗРК Starstreak официально вошел в состав так называемого 2-го пакета военной помощи, анонсированного 8 апреля [49]. О появлении его на Украине СМИ сообщили 25–27 марта. А уже 1 апреля показали первый (и единственный) сбитый вертолет. Однако по ряду прямых и косвенных сведений ПЗРК был скрытно поставлен на Украину еще до войны, его тестирование прошло по российскому БПЛА «Орлан-10» 10 марта, а операторами были британские инструкторы. В конце июля на Украину было поставлено 6 самоходных ЗРК Stormer HVM с ракетами Starstreak с рекламно-пропагандистскими целями – расширить круг потенциальных покупателей и увеличить число контрактов. 13 августа 2022 г. украинские СМИ сообщили, что два российских БПЛА «Орлан-10» были сбиты украинскими войсками с использованием британской системы Stormer HVM [50]. 7 апреля на Украине по БПЛА «Орлан-10» британцы провели

боевое испытание еще одного ПЗРК, уже следующего поколения, Martlet MANPAD, который даже в Британии имеется в единичных экземплярах [51]. Этим подтверждается британский принцип использования военных конфликтов для тестирования новейших видов оружия в боевых условиях [52].

Несмотря на то, что Британия стала первым государством, предоставившим крупную партию летального оружия Украине, Лондон не спешит оказывать реальную помощь Украине, чаще подталкивая к этому европейских партнеров. Так, Великобритания находится лишь на 9-м месте по удельным объемам военного бюджета, переданного Украине в виде военной помощи (после Прибалтики, Польши, Словении, Словакии, Чехии) – всего 6,7% [53].

Поставки – 12 пакетов помощи и внепакетные поставки на общую сумму свыше 8,5 млрд фунтов в 2022 г. представлены в таблице (составлена автором на основе анализа открытых источников).

Техническая разведка

В современных сетевых войнах ведущую роль играют технологии, боевая коммуникационная инфраструктура, формы используемых взаимодействий. У натовских военных эти комплексы обозначаются в зависимости от используемых компонентов от C^2 (C^2 – командование, контроль) до C^6 ISTAR (C^6 – командование, управление, связь, компьютеры, киберзащита, контрмеры, ISTAR – анализ, наблюдение, целеуказание и разведка) [54]. ВСУ за последние 8 лет усилиями британских, американских и канадских специалистов успешно перевооружались, перестраивались, обучались и интегрировались в натовские боевые системы. В результате они имеют прекрасные возможности подключать свои C^4 - C^6 комплексы к натовским ISTAR системам. Британская авиация по окончании «холодной войны» взяла курс на технологичность и инновации. Нередко ее радиотехнические авиаконструкции дополняли и даже превосходили американские или общеевропейские, а штатные боевые самолеты соответствовали наивысшим возможным комплектациям [55, 56].

В настоящее время британские самолеты управления, разведки, связи, целеуказания задействованы в сетевых системах украинской армии и фактически несут боевое дежурство в приграничных с Украиной районах [57]. Повышенное внимание к Украине и Черноморскому региону Великобритания продемонстрировала еще с конца 2021 г. Так, в технической авиаразведке были задействованы все 3 имеющихся в RAF самолета RC-135W Rivet Joint. В декабре 2021 г. они совершили 6 вылетов, в январе 2022 – 9, в феврале – 12, в марте – 18. На протяжении

Объем военных поставок Великобритании на Украину накануне СВО и в 2022 г.

№	Наименование	Всего в Великобритании	План поставок на Украину, шт.	Поставлено на Украину (участвует в БД)	Выведено из строя к концу 2022 г.
1	Минный охотник Sandown	3	2	–	–
2	РСЗО M270	35	6	6	–
3	Гаубица L-119	126	86 (76 с хранения)	54	1
4	САУ M109A4 (Бельгия)	–	20	20	1
5	САУ AS-90	89	33	8	–
6	Танк Challenger	227	28	14	–
7	БРЭМ Challenger	80	2	2	–
8	AT105 Saxon	Списаны	75	75	18
9	БТР FV103 Spartan	150	107	50	–
10	БММ FV104 Samaritan	Списаны		40	–
11	КШМ FV105 Sultan	67		12	–
12	БРЭМ FV106 Samson	17		5	–
13	FV107 Scimitar	145	5	5	–
14	БММ Mastiff 3, Wolfhound, Husky TSV	387	80	80	36
15	БММ Pinzgauer Vector	н/д	38	38	4
16	БММ Land Rover Snatch	н/д	14	14	4
17	БММ Unimog	н/д	14	14	4
18	Грузовик Leyland DAF	н/д	12	12	–
19	БТР FV430 Bulldog	409	100	81	–
20	Вертолет ПЛО Sea King WS-61	Списаны	3	3	–
21	Ударный вертолет AH-64	50	4	–	–
22	Барражирующий боеприпас Phalos-2	н/д	1500	750	–
23	Тактических БПЛА	н/д	320	350	–
24	Транспортных квадрокоптеров Malloy T150	н/д	30	30	–
25	Разведывательный микро БПЛА Black Hornet Nano	н/д	850	1000	–
26	Противоминный морской беспилотный аппарат	н/д	6	6	–
27	Ударный подводный беспилотный аппарат	н/д	н/д	н/д	–
28	ПТРК NLAW, Javelin	н/д	125000	125000	–
29	ЗРК Stormer HVM	60	6	6	–
30	ПЗРК Starstreak	н/д	200	н/д	–
31	ЗУР Starstreak	н/д	2000	н/д	–
32	ЗУР AIM-120 AMRAAM	н/д	100	н/д	–
33	УР Brimstone	н/д	1000	300	1 ПУ
34	35-мм зенитная установка Terrahawk Paladin	н/д	125	–	–
35	Контрбатарейная РЛС Mamba/Artur (Норвегия)	Аренда	1	1	–
36	Станции РЭБ	н/д	н/д	н/д	–
37	Глушилки GPS	н/д	н/д	н/д	–
38	Артиллерийские радары	н/д	н/д	н/д	–
39	Ракеты и снаряды, включая боеприпасы с обедненным ураном	н/д	250000	н/д	–

2022 г. среднее количество вылетов установилось 12–14 в месяц. 13 апреля, в день атаки на крейсер «Москва», британский разведчик совершал целенаправленный вылет с выключенным транспондером, поддерживая телеметрический канал с данными по Черноморскому флоту для украинских военных. В середине августа 2022 г. власти Соединенного Королевства подали заявку на пролет RC-135W над территорией европейских стран и России (в районе Крымского моста). Несмотря на отказ Минобороны РФ, летчик все же совершил вылет, но после предупреждения был вынужден повернуть назад [58]. 29 сентября российский истребитель Су-27, по сведениям МО РФ из-за технической неисправности, выпустил ракету вблизи британского разведывательного самолета RC-135W, патрулировавшего в международном воздушном пространстве над Черным морем. В связи с этим полеты разведчика совершаются в сопровождении двух истребителей НАТО.

Британские спутники наряду с космическими системами США и НАТО обеспечивают информацией украинские штабы и пункты управления.

Интересующая НАТО захваченная российская техника и ее элементы прежде поступают для изучения в Великобританию, а уже потом в США. Так, обломки сбитого 3 апреля близ Изюма истребителя Су-35 поступили в Лабораторию оборонной науки и техники министерства обороны Великобритании в Портон-Дауне и только после тщательного изучения британцами – коллегам в США [59].

В борьбе за Украину Великобритания основывается на концепции «Глобальная Британия» [3]. Основными элементами ее являются следующие: поддержание стратегического преимущества за счет науки и инновационных технологий; формирование Великобританией международного порядка путем работы с партнерами и международными институтами (т. е. подконтрольными и управляемыми национальными и международными структурами); укрепление британской безопасности внутри страны и за рубежом; обретение устойчивости Великобритании к новым угрозам [60, 61]. Главная цель – британский диктат и создание неокOLONиальной англосаксонской мировой системы. Россия здесь определена как «наиболее активная, острая прямая угроза».

Опираясь на первые результаты британского участия в военных действиях на Украине, в лекции RUSI Э. Радакин лишь подтвердил основные усилия военного ведомства в практической реализации концепции «Глобальной Британии» (далее нами представлена суть, а не фразеологические обороты лекционных тезисов) [62]:

– Великобритания – экспансивная страна, претендующая на роль глобального оператора посредством информационного доминирования;

– экспедиционные силы Великобритании готовы карать противостоящих англо-саксонскому миру по всему земному шару;

– Великобритания ведет прокси-войны силами «туземных» армий, предоставляя им право умирать за британские интересы под руководством британских «сверхчеловеков»;

– преимущество Великобритании в технологиях, а не массовой армии;

– Великобритания угрожает непокорным странам ядерным оружием под легендой выполнения обязательств перед Советом Безопасности ООН.

Опираясь на наступательный экспансивный порыв в реализации концепции «Глобальная Британия» против России на Украине, Великобритания продолжает расширять свое участие в военных действиях, накачивая ВСУ оружием, обеспечивая технологическое превосходство над российской армией, расширяя объемы диверсий и террористических актов, шантажируя применением вооруженных сил и ядерного оружия.

Список литературы

1. Терентьев В. О. Военно-политическое противостояние России и Великобритании в конце XX – начале XXI вв. // Запад и Россия. История противостояния / ред. Т. Л. Лабутина. СПб. : Алетейя, 2023. С. 470–504.
2. Терентьев В. О. Британская операция Newcombe в Мали (2013–2022) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 1 (37). С. 32–43.
3. Терентьев В. О. Военный компонент концепции «Глобальной Британии» // Итоги правления Терезы Мэй (Доклады Института Европы РАН. № 364) / отв. ред. Е. В. Ананьева. М. : Институт Европы РАН, 2019. С. 117–126.
4. Кочин А. А., Овчинников Н. Н., Терентьев В. О., Кудрявцев Н. А., Павенков В. Г. Россия и Украина: история и современность. Краткий конспект лекций. СПб. : Издательство ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова, 2022. 55 с.
5. Терентьев В. О. Британское военное присутствие в странах бывшего СССР. 1991–2018 гг. // Западный мир и Россия. Взаимодействие и восприятие культур в исторической ретроспективе : материалы Международной научной конференции (Москва, 11 октября 2018 г.) / отв. ред. Т. Л. Лабутина. М. : ИВИ РАН, 2019. С. 104–108.
6. Терентьев В. О. Британское военное присутствие в Эстонии. 1991–2018 гг. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. С. 216–222.
7. Иванченко П. Английские корни украинского терроризма. URL: <https://segodnia.ru/content/260813> (дата обращения: 02.06.2023).
8. В Британии заявили, что не знают о «планах Лондона» атаковать Крымский мост. URL: <https://ria.ru/>

- 20220815/britaniya-1809857311.html (дата обращения: 02.06.2023).
9. Главком ВСУ встретился с военным руководством США, Британии и Польши. URL: <https://ria.ru/20230307/zaluzhnyu-1856509252.html> (дата обращения: 02.06.2023).
10. Британская разведка и СБУ создают «террористическую армию», пишут СМИ. URL: <https://ria.ru/20221104/armiya-1829274367.html> (дата обращения: 02.06.2023).
11. Терентьев В. О. Интервенция в Ливии 2011 г.: британский компонент // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 1 (99). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840013725-6-1> (дата обращения: 11.02.2023). <https://doi.org/10.18254/S207987840013725-6>
12. Поддубный |Z|O|V| edition – Telegram. URL: <https://t.me/epoddubny/10068> (дата обращения: 02.06.2023).
13. Чародеев Г. Направление главного удара: британский «пернатые» против России и Китая. URL: <https://newizv.ru/news/2021-07-21/napravlenie-glavnogo-udara-britanskiy-ernatye-protiv-rossii-i-kitaya-333422> (дата обращения: 02.06.2023).
14. Brown L. Military chief reveals secret new role for special forces against China and Russia. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/military-chief-reveals-secret-new-role-for-special-forces-against-china-and-russia-hgbdwscg7> (дата обращения: 02.06.2023).
15. В ГД объяснили цель прибытия на Украину более 100 спецназовцев из Британии. URL: <https://iz.ru/1288369/2022-02-08/v-gd-obiasnili-tcel-pribytiia-na-ukrainu-bolee-100-spetcnazovtcev-iz-britanii> (дата обращения: 02.06.2023).
16. Grylls G. Royal Marines deployed on ‘high-risk covert operations’ in Ukraine. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/royal-marines-deployed-on-high-risk-covert-operations-in-ukraine-r7b50gv3p> (дата обращения: 02.06.2023).
17. Haynes D. Russia-Ukraine tensions: UK sends 30 elite troops and 2,000 anti-tank weapons to Ukraine amid fears of Russian invasion. URL: <https://news.sky.com/story/amp/russia-invasion-fears-as-britain-sends-2-000-anti-tank-weapons-to-ukraine-12520950> (дата обращения: 02.06.2023).
18. Video appears to show a Russian attack helicopter being split in half by a British hi-tech missile fired by Ukrainian fighters. URL: <https://www.businessinsider.in/international/news/video-appears-to-show-a-russian-attack-helicopter-being-split-in-half-by-a-british-hi-tech-missile-fired-by-ukrainian-fighters/articleshow/90623944.cms> (дата обращения: 02.06.2023).
19. Philp C. British special forces “are training local troops in Ukraine”. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/sas-troops-are-training-local-forces-in-ukraine-32vs5bjzb> (дата обращения: 02.06.2023).
20. Патриоты России – Telegram. URL: https://t.me/PATRIOTS_OF_RUSSIA/9083 (дата обращения: 02.06.2023).
21. Британия забросила подо Львов специалистов по диверсиям. URL: <https://ria.ru/20220423/lvov-1785039344.html> (дата обращения: 02.06.2023).
22. Рыбарь – Telegram. URL: <https://t.me/rybar/32526> (дата обращения: 02.06.2023).
23. Рыбарь – Telegram. URL: <https://t.me/rybar/32501> (дата обращения: 02.06.2023).
24. Среди сдавшихся с комбината «Азовсталь» есть адмирал США Эрик Олсен. URL: <https://regnum.ru/s/news/3597585.html> (дата обращения: 02.06.2023).
25. Наемник из США рассказал об участии британского спецназа в боях на Украине. URL: <https://ria.ru/20220622/spetsnaz-1797187247.html> (дата обращения: 02.06.2023).
26. Британский спецназ тренировал на Украине бойцов ВМСУ для спецоперации на Змеином. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15296795> (дата обращения: 02.06.2023).
27. Немецкий полковник случайно проговорился об уничтожении 40 британских спецов на Украине. URL: <https://riafan.ru/23153832-nemetskii-polkovnik-sluchaino-progovorilsya-ob-unichtozhenii-40-britanskih-spetsov-na-ukraine> (дата обращения: 02.06.2023).
28. Террористов «Азова» готовили ЧБК Blackwater Ukraine и HALO Trust. URL: https://militarypravda.ru/news/1710145-terroristov_azova_gotovili/ (дата обращения: 02.06.2023).
29. Британские военные и канадская ЧБК работали на Украине до начала спецоперации. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/05/13/smi-britanskiivoennye-i-kanadskaya-chvk-rabotali-na-ukraine-donachala-spesoperacii> (дата обращения: 02.06.2023).
30. Стало известно о подготовке Киевом провокации для срыва транзита аммиака. URL: <https://iz.ru/1435427/2022-12-04/stalo-izvestno-o-podgotovke-kiyevom-provokatcii-dlia-sryva-tranzita-ammiaka> (дата обращения: 02.06.2023).
31. Readovka – Telegram. URL: <https://t.me/readovkanews/36728> (дата обращения: 02.06.2023).
32. Readovka – Telegram. URL: <https://t.me/readovkanews/39961> (дата обращения: 02.06.2023).
33. Foreign combatants. URL: <https://foreigncombatants.ru> (дата обращения: 02.06.2023).
34. Полинин П. Украина – плацдарм агрессии против России (2022) // Зарубежное военное обозрение. 2022. № 4. С. 11–16.
35. Тюнина Е. Оно им НАТО: зачем на Украину войдут иностранные войска. URL: <https://iz.ru/1265514/ekaterina-tiunina/ono-im-nato-zachem-na-ukrainu-voidut-inostrannye-voiska> (дата обращения: 02.06.2023).
36. Biddle S., Macdonald J., Baker R. Small footprint, small payoff: The military effectiveness of security force assistance // Journal of Strategic Studies. 2018. № 41, iss. 1-2. P. 89–149.
37. Ukrainian troops getting weapons training in UK. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/av/uk-61973635>. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-europe-61988615> (дата обращения: 02.06.2023).

38. Allison G. UK has helped train 10,000 Ukrainian volunteer soldiers. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/british-army-ministry-of-defence-swedish-odessa-b2283526.html> (дата обращения: 02.06.2023).
39. Полковник Макгрегор: в теракте на Крымском мосту замешаны британские спецслужбы. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-10-14/Polkovnik-Makgregor-v-terakte-na> (дата обращения: 02.06.2023).
40. Минобороны обвинило Британию в причастности к подрыву «Северных потоков». URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2022/635d08a29a7947d46dc673ab> (дата обращения: 02.06.2023).
41. BAE warning sends share price to 7-year low: News of 'additional issues' on two big defence contracts takes market by surprise // Financial Times. 2002. 12 Dec.
42. Seven countries where BAE have been undec investigated – Bribing for Britain? // The Guardian. 2009, 1 Oct.
43. BAE in several corruption probes // BBC. 2007. 7 Feb.
44. BAE Systems PLC Pleads Guilty and Ordered to Pay \$400 Million Criminal Fine // US Department of Justice press release. Washington, DC. 2010. 1 March.
45. The Defense Post: производитель танков Challenger 2 получил рекордный объем заказов в 2022 году. URL: https://riafan.ru/23910356-the_defense_post_proizvoditel_tankov_challenger_2_poluchil_rekordnii_ob_em_zakazov_v_2022_godu (дата обращения: 02.06.2023).
46. Новиков И. Бергство Thales из России: слухи и реальность. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Thales-Russia-Departure (дата обращения: 02.06.2023).
47. Inside the British factory producing the shells hammering Vladimir Putin's forces. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/12/18/inside-british-factory-producing-shells-hammering-vladimir-putins/> (дата обращения: 02.06.2023).
48. Parker C., Brown L. UK missile shoots down first Russian helicopter in Ukraine war // The Times. 2022. 1 Apr. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/uk-missile-shoots-down-first-russian-helicopter-in-ukraine-war-tztnmxqr2> (дата обращения: 02.06.2023).
49. UK to bolster defensive aid to Ukraine with new £100m package. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-bolster-defensive-aid-to-ukraine-with-new-100m-package> (дата обращения: 02.06.2023).
50. Мілітарний – Telegram. URL: <https://mil.in.ua/uk/news/zrk-stormer-hvm-zdiysnyv-pusky-po-rovitryanyh-tsilyah-na-shodi-ukrayiny/> (дата обращения: 02.06.2023).
51. Venckunas V. First Russian drone destroyed by a new British Martlet missile in Ukraine. URL: <https://www.aerotime.aero/articles/30717-russian-drone-destroyed-by-british-martlet-missile> (дата обращения: 02.06.2023).
52. Терентьев В. О. Обеспечение королевскими ВВС британских интересов в Сирии (2016–2018 гг.) // Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти (Доклады Института Европы № 356) / отв. ред. Е. В. Ананьева. М.: Институт Европы РАН, 2018. С. 96–103.
53. Ukraine Support Tracker. Data since January 24, 2022, and through January 15, 2023. URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (дата обращения: 02.03.2023).
54. Слоан Э. Безопасность и оборона в эпоху терроризма. Монреаль: McGill-Queen's University Press, 2005.
55. Терентьев В. О. Британские ВВС в операции «Granby» (Ирак, 1991) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 12 (86). URL: <https://history.jes.su/s207987840008248-1-1/> (дата обращения: 18.02.2020). <https://doi.org/10.18254/S207987840008248-1>
56. Терентьев В. О. Британские ВВС в операции «Desert Fox» (Ирак, 1998 г.) // Британия: История, культура, образование: сборник статей Международной научной конференции. Вып. 4 (Ярославль, 13–14 сентября 2018 г.) / под науч. ред. А. Б. Соколова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. С. 351–359.
57. Allison G. Large-scale aerial surveillance effort underway over Ukraine. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/large-scale-aerial-surveillance-effort-underway-over-ukraine/> (дата обращения: 02.06.2023).
58. Родин И. Британский самолет-разведчик сделал круг над Черным морем напротив Крымского моста. URL: <https://news.rambler.ru/army/49229343-britanskiy-samolet-razvedchik-sdelal-krug-nad-chernym-morem-naprotiv-krymskogo-mosta/> (дата обращения: 02.06.2023).
59. Russia fighter-jet Putin latest. URL: <https://www.express.co.uk/news/science/1597094/Russia-fighter-jet-putin-latest> (дата обращения: 02.06.2023).
60. Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. March 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 05.08.2023).
61. Defence in a Competitive Age. March 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/defence-in-a-competitive-age> (дата обращения: 05.08.2023).
62. Chief of the Defence Staff RUSI Lecture 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/chief-of-the-defence-staff-rusi-lecture-2022> (дата обращения: 02.06.2023).

Поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 02.03.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 378–392

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 378–392

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-378-392>, EDN: LJJBS

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44-25)16|+929Борятинский

Воевода Саратова стольник князь Иван Михайлович Борятинский (1666–1668): род и служба

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена биография саратовского воеводы кн. Ивана Михайловича Борятинского. Приводятся краткие сведения о его предках. Свою службу при дворе царя Михаила Романова кн. И. М. Борятинский начал в конце 1630-х гг. в качестве жильца, а затем московского дворянина, был воеводой Данкова. При царе Алексее Михайловиче он продолжил службу в чине стольника, был воеводой в Вязьме, участвовал в войнах против Польши и Швеции, в подавлении восстания Степана Разина. Особое внимание уделяется саратовскому периоду биографии кн. И. М. Борятинского. Дается характеристика внутренней жизни Саратова, занятий жителей, приводятся имена иностранных послов и гостей, посетивших город во время этого воеводства.

Ключевые слова: Печатный приказ, воевода, боярские списки, Данков, родословные росписи, царь Теймураз, вселенские патриархи

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Саратова стольник князь Иван Михайлович Борятинский (1666–1668): род и служба // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 378–392. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-378-392>, EDN: LJJBS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

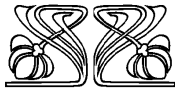
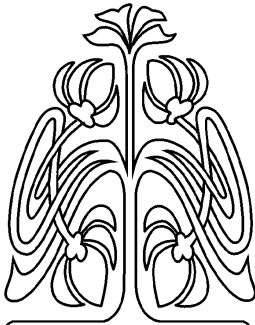
Voivode of Saratov stolnik Prince Ivan Mikhailovich Boryatinsky (1666–1668): Family and service

Ya. N. Rabinovich

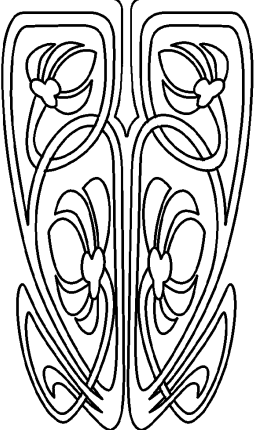
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. The article presents for the first time the biography of the Saratov voivode Prince Ivan Mikhailovich Boryatinsky, as well as brief information about his ancestors. Prince I. M. Boryatinsky began his service at the court of Tsar Mikhail Romanov in the late 1630s. As a tenant, and then a Moscow nobleman, he was the voivode of Dankov. Under Tsar Alexei Mikhailovich, he continued his service with the rank of stolnik, was a voivode in Vyazma, participated in the wars against Poland

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

and Sweden, and suppressed the uprising of Stepan Razin. The article pays special attention to the Saratov period of the biography of Prince I. M. Boryatinsky. The characteristics of the inner life of Saratov, the occupations of the inhabitants are given, the names of foreign ambassadors and guests who visited the city during this voivodship are given.

Keywords: Printed order, governor, boyar lists, Dankov, pedigree paintings, Tsar Teimuraz, ecumenical patriarchs

For citation: Rabinovich Ya. N. Voivode of Saratov stolnik Prince Ivan Mikhailovich Boryatinsky (1666–1668): Family and service. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 378–392 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-378-392>, EDN: LJJBS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из самых загадочных и неизученных фигур среди воевод Саратова является кн. Иван Борятинский (Борятинский). Во всех источниках XVI–XVII вв. князья этого рода пишутся как Борятинские, а позднее – как Борятинские, поэтому будем называть нашего героя как в источниках – Борятинский. Вот как писал об этом составитель родословной Е. В. Богданович: «Во всех древних актах князья Борятинские именовались Борятинскими, но когда принято представителями этого рода современное наименование, равно по каким причинам, нам, к сожалению, проследить не удалось» [1, с. 7].

До последнего времени было известно только имя этого воеводы Саратова (Иван Борятинский), что он имел чин стольника и во второй половине XVII в. был уже довольно зрелым человеком, раз ему доверили в 1666–1668 гг. должность воеводы Саратова.

Все исследователи, включая А. А. Голомбиевского [2, с. 212–213; 3, с. 9, 14, 18, 22], и ссылающихся на него Ф. Ф. Чекалина [4, с. 80], Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского [5, с. 28], А. П. Барсукова [6, с. 202, 443] и А. А. Гераклитова [7, с. 68], этого воеводу Саратова называли без отчества – «князь Иван Борятинский, стольник». При этом никаких сведений о его биографии приводить не могли, ведь не зная отчества трудно выделить конкретного человека из весьма разветвленного рода князей Борятинских. Вот как об этом в 2014 г. с сожалением писал известный саратовский краевед Виктор Николаевич Семенов (1937–2016), упоминая предшественника саратовского воеводы, а также самого Ивана Борятинского и его сменщика: «Далее в истории Саратова – шестилетний пробел. Известны лишь имена и фамилии саратовских воевод этого периода, и даже обращение к разнообразным источникам не помогло установить указанных ниже личностей. 1664–1666 годы. Воевода на Саратове князь Алексей Путьятин. 1666–1668 годы. Воевода на Саратове князь Иван Борятинский. 1668–1670 годы. Воевода на Саратове Иван Васильевич Самарин. Известны генеалогические древа всех упомянутых фамилий, ведущих своё начало из глубин русской истории. Но ни одна из рассмотренных личностей не могла считаться персонажем саратовской истории 1660–1670-х годов. Не совпадало либо имя, либо даты жизни, либо указанные места службы. Нужны дополнительные

более тщательные поиски в центральных архивах, но таковой возможности автор не имеет» [8, с. 24].

Род князей Борятинских во второй половине XVII в. имел немало представителей, носящих имя Иван. Среди них, судя по сохранившимся боярским книгам и спискам, было несколько стольников. Кто же из них мог быть воеводой Саратова?

Самая ближайшая по времени составления к саратовскому периоду воеводства Ивана Борятинского опубликованная боярская книга 1658 г. знает 4-х таких князей с этим именем. Это стольники Иван Петрович и Иван Михайлович, стряпчий Иван Афанасьевич, дворянин Иван Дмитриевич Борятинские [9, с. 33, 40, 135, 194]. А в алфавитном указателе к боярским книгам П. И. Иванова в 1670/71 г. дополнительно указаны стольник Иван Васильевич и дворянин Иван Никитич Борятинские [10, с. 42]. Можно было бы предположить, что это мог быть сын прежнего воеводы Саратова кн. Ф. П. Борятинского, Иван Федорович (как прежде служили в этом городе отец и сын Феофилатьевы), но он в те годы был еще жильцом, а стольником стал позже, только в 1678 г. Следует учесть, что московские дворяне иногда переводились в стольники и наоборот, а стряпчий вполне мог стать стольником, так что чин стольника воеводы Саратова мало чем может помочь в поисках. Можно попытаться действовать методом исключения, выяснив, кто из этих претендентов в указанное время находился на воеводстве в других городах или в Москве. К примеру, Иван Афанасьевич Борятинский был воеводой в Великих Луках (1665–1669), а Иван Петрович – в далеком Якутске (1666–1668) [6, с. 443]. Однако такой метод не может полностью гарантировать на 100%, что оставшийся, к примеру, стольник Иван Михайлович Борятинский – это и есть нужный нам человек, хотя он может считаться первым кандидатом на данный пост. Необходимы дополнительные подтверждения.

Возможно, ответ найдем в трудах исследователей, занимающихся родословием князей Борятинских? Первым, кто систематически изложил родословие этих князей, был кн. П. В. Долгоруков [11, с. 72–78]. Один из выдающихся дореволюционных российских генеалогов Г. А. Власьев критиковал П. В. Долгорукова за его неполноту, бедность сообщений об отдельных представителях рода Борятинских, за некоторые ошибки

и главное – за полное отсутствие ссылок на источники. Более подробные сведения о многих представителях рода Борятинских можно найти у Е. В. Богдановича [1], труд которого Г. А. Власьев оценил достаточно высоко и назвал «очень почтенным» [12, с. 158]. Однако и в данном труде Е. В. Богдановича отсутствуют ссылки на источники. К тому же этот исследователь пытался объединить в одной биографии некоторых полных тезок Борятинских. Несколько таких ошибок Е. В. Богдановича разобраны Г. А. Власьевым в примечаниях [12, с. 160–161].

Эти ошибки идут еще из указателя к боярским книгам П. И. Иванова, который, к примеру, против фамилии Ивана Михайловича Борятинского написал следующее: «Дворянин Московский 7135, 7137; Стряпчий 7144; Дворянин Московский 7148; Стольник 7166 и 7176» [10, с. 42]. Забегая вперед, отметим, что к нашему герою точно относятся только даты стольника 7166 и 7176 гг., возможно – дата московского дворянина 7148 г. а первые две даты не имеют к нему никакого отношения, в 1620-е гг. (7135 и 7137) он был еще ребенком и здесь речь идет о его полном тезке. Под вопросом остается дата стряпчего 7144 г. К тому же 7135, 7137, 7148, 7166 и другие – это даты составления боярских книг, а не даты назначения на должность, которые могут отличаться от указанных на несколько лет.

Взяв за основу эти сведения П. И. Иванова, Е. В. Богданович писал, что кн. Иван Михайлович Борятинский «упоминается в Боярской книге: с 1627–1629 г. “дворянином московским”, в 1636 г. – “стряпчим” и с 1658 по 1668 г. в звании “стольника”» [1, с. 30].

В исследовании Г. А. Власьева о многих представителях рода Борятинских, в том числе носящих имя Иван, имеются подробные сведения, но нигде не указано, что кто-то из них был воеводой в Саратове. Ответ был найден в боярских списках за интересующие нас годы (1666–1668), которые к настоящему времени еще не опубликованы. В исследовании М. Р. Белоусова есть указание, что в «Подлинном» боярском списке 7175 (1666/67) г. против фамилии стольника Ивана Михайловича Борятинского, сына Михаила Федоровича, стоит помета «на Саратове». Аналогичная помета «на Саратове» против фамилии этого стольника имеется и в «Подлинном» боярском списке следующего 7176 (1667/68) г. [13, с. 215].

Осталось выяснить родословную этого Ивана Михайловича, сына Михаила Федоровича Борятинского. Нас будут интересовать все князья Борятинские с именем и отчеством Иван Михайлович, жившие в XVII в., у которых отцом был Михаил Федорович (дед носил имя Федор). Таких было два представителя, один из них – Иван Михайлович по прозвищу Манка (№ 79 у Власьева), который был жив еще в то время, когда

начинал службу его полный тезка, будущий воевода Саратова. Иван Манка был сыном Михаила Федоровича Борятинского (№ 58), внуком Федора Михайловича (№ 39). Иван Михайлович Манка свою службу начал выборным дворянином по Суздалью еще в 1596–1604 гг. с окладом в 400 четей, в 1613 г. в качестве дворянина московского и Брянского наместника был отправлен послом к датскому королю Христиану, а в 1616 г. занимался в Астрахани «сыском» (расследованием) по поводу жалобы персидского купца Муртазы на астраханских воевод. Подробная его биография приведена у Г. А. Власьева [12, с. 59–60]. Последняя служба Ивана Михайловича отмечена в качестве судьи в «приказе у немецких кормов» в Записной книге Московского стола 1636/37 г. Он умер 2 октября 1636 г., о чем сохранилась помета в данной книге: «145 г., октября в 2 день, умре» [14, с. 2–3]. В те годы его полный тезка, будущий воевода Саратова Иван Михайлович Борятинский только начинал службу. Был еще третий Иван Михайлович (№ 53 у Власьева), сын еще одного Михаила Федоровича (№ 31 у Власьева), которого Е. В. Богданович ошибочно объединил с Иваном Манкой, указав, что имя этого Ивана Михайловича Манки «упоминается еще в списке московских дворян 1577 г.» [1, с. 16]. Но этот третий тезка саратовского воеводы последний раз упоминается в источниках в 1601/02 и в 1602/03 г., когда он был воеводой Березова [15, с. 134, 153; 16, с. 171, 173], а основные события, с ним связанные, происходили в 1570–1590-е гг. Видимо, он не пережил события Смутного времени.

Что нам известно о предках воеводы Саратова? Его родословие подробно изучено благодаря многим публикациям, начиная с Бархатной книги Н. И. Новикова [17, с. 203–208] и родословного сборника П. В. Долгорукова [11, с. 72–78]. Князь И. М. Борятинский происходил из княжеского рода Рюриковичей, являлся потомком святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, праправнук которого Александр Андреевич получил во владение волость Борятино, находящуюся на р. Клетома в Мещовском районе современной Калужской области, поэтому все его потомки стали называться Борятинскими (потом – Борятинскими). Четыре сына А. А. Борятинского Григорий, Дмитрий, Федор и Лев Александровичи стали родоначальниками отдельных ветвей этого рода, потомки трех из них (за исключением Дмитрия) дожили до наших дней. Воевода Саратова кн. И. М. Борятинский принадлежит к младшей ветви рода, являясь потомком **Льва Александровича Борятинского**, самого младшего четвертого сына кн. А. А. Борятинского. В родословной сказано: «А четвертаго князь Александрова сына Борятинского у князь Лва были дети: бошой сын князь Иван, другой сын князь Михайло» [18, с. 124]. В генеалогической

таблице Е. В. Богдановича ошибочно Лев указан третьим (№ 4), а Федор – четвертым (№ 5) [1, табл.]. Род Борятинских был весьма многочисленным, и представители младшей ветви обычно находились в подчинении у старших родственников. Это же относится и к нашему герою.

О самом Льве Борятинском ничего не известно. Его старший сын Иван большой Львович около 1509 г. «отъехал» в Литву, а младший сын **Михаил Львович** служил Юрию Ивановичу, младшему брату великого князя Василия III, и был убит при Елене Глинской [12, с. 43]. Его сын **Федор Михайлович** (№ 39 у Власьева) по прозвищу «игрень» в Тысячной книге и Дворовой тетради указан как сын боярский 3-й статьи по Коломне, который потом переведен в состав столичного дворянства, «умер в полону». Он имел поместье в Серпухове, поставлял на государеву службу 10 человек, «*пять двуконных и пять об один конь*» [12, с. 43; 19, с. 72, 159]. Этот тысячник Федор Михайлович был дедом указанного ранее Ивана Михайловича Манки и прадедом воеводы Саратова. У него, кроме Михаила Федоровича (отца Ивана Манки), был еще один сын – **Федор Федорович** (№ 59 у Власьева). Это дед воеводы Саратова. О нем известно, что в сентябре 1567 г. в походе Ивана Грозного через Новгород на Литву он был при царевиче Иване Ивановиче подрындой у большого саадака (указан среди «*царевичевых детей боярских*»), а в сентябре 1570 г. при походе на крымских татар был уже при царе, а не при царевиче, «*рындой с рогатиной*» [20, с. 228, 236]. Эти сведения разрядных записей несколько отличаются от указанных Г. А. Власьевым, который считал, что в данном походе 1570 г. кн. И. М. Борятинский был при царевиче «*поддатней с рогатиной*» [12, с. 47].

Старшего из трех сыновей кн. Ф. Ф. Борятинского звали **Михаил Федорович** (№ 80 у Власьева). Это был двоюродный брат Ивана Манки, полный тезка его отца. Вот как о нем и Иване Манке говорится в отрывке родословной: «*А у бошова князь Федорова сына у князь Михаила был сын князь Иван Манька – бездетен. А у другога князь Федорова сына у князь Федора были дети: большой сын князь Михайло, другой сын князь Иван – был бездетен, третей сын князь Василей – был бездетен*» [18, с. 124]. Видим, что младшие братья кн. М. Ф. Борятинского Иван и Василий были бездетны, их службу рассматривать не будем.

Про М. Ф. Борятинского, отца воеводы Саратова, сохранилось немало источников. Еще в 1607 г. он указан в качестве стряпчего с платьем, сражался против Болотникова в составе царских войск под Калугой [21, с. 136]. В Тушинский период он также оставался сторонником Василия Шуйского и был пожалован за Московское осадное сиденье вотчиной в Борисоглебской волости Шуйского уезда [22, с. 398]. В 1611 г. он

по-прежнему стряпчий с платьем, указан в боярском списке (против его фамилии стоит помета – «*в деревне*») [23, с. 82]. В 1616 г. мы видим его при дворе Михаила Романова также в качестве стряпчего с платьем с поместным окладом 850 чети и денежным – 65 руб. [24, с. 141]. Хотя его имя не стоит в Осадном списке 1618 г., но, по данным писцовых книг, он получил вотчину за оборону Москвы «*в королевичев приход*» в Опольском стане Суздальского уезда, так что принимал участие в обороне Москвы от поляков в 1618 г. Эта вотчина после его смерти перешла к сыновьям Ивану (будущему воеводе Саратова) и Дмитрию [22, с. 18, 120]. В 1620 г. двор кн. М. Ф. Борятинского находился в Златоустовском переулке в тупике, как у и многих других представителей Государева двора. Соседями были Прокопий Вражский и окольный кн. А. Ф. Литвинов-Моcальский [25, с. 16].

В 1623–1625 гг. Михаил Борятинский упомянут в разрядах воеводой в Новосили, откуда ему в 1625 г. было велено ехать в Москву [26, стб. 922, 1029, 1120; 27, стб. 567, 735; 28, с. 91]. В то время он уже стал московским дворянином и в этом чине упомянут в ряде «Подлинных» боярских списков 1626–1632 гг. [29, с. 46, 130, 208, 291, 371].

9 апреля 1626 г. на Пасху, когда члены Государева двора поздравляли царя Михаила со Светлым праздником, христосовались с царем в передней или в комнате, кн. М. Ф. Борятинскому было указано находиться «*в передней*». В этом же «Подлинном» боярском списке против его фамилии стоит помета – «*в Сибири для сыску*» [29, с. 46]. Будем считать, что он был отправлен в Сибирь в конце весны – летом 1626 г. Эта же помета указана против его фамилии и в «Подлинном» боярском списке за следующий год [29, с. 130, 208]. В разрядных записях за 7135 (1626/27) г. и за 7136 (1627/28) г. никаких подробностей нет, только говорится об отправке его в Сибирские города для сыску (название городов не указано). В Сибири по этим сыскным делам кн. М. Ф. Борятинский находился вместе с подъячим Томилой Лебедевым. Обстоятельства данного сыска не выяснены. Они могли быть связаны либо с жалобами на воевод или других приказных лиц, либо с поиском полезных ископаемых, «сыском руды». К примеру, в Енисейск для сыска серебряной руды отправлен Яков Хрипунов, а сразу после него записан кн. М. Ф. Борятинский [26, стб. 1367; 30, стб. 99].

К осени 1628 г. эта «командировка» в Сибирь закончилась, и Михаил Борятинский прибыл в Москву. 27 ноября 1628 г. на праздник «Знамение пречистые Богородицы» дворянин кн. М. Ф. Борятинский приглашен к столу государя, там же был и патриарх Филарет (всего в списке приглашенных 24 дворянина) [31, стб. 20]. Также он оставался в Москве в 1629 – первой половине 1630 г., выполнял обычные

дворцовые обязанности, как и многие другие московские дворяне. В «Подлинных» боярских списках за эти годы (1629 г. и 1629/30 г.) нет никаких помет против его фамилии, которые бы свидетельствовали о каких-либо служебных назначениях [29, с. 291, 371]. 17, 21 и 24 февраля 1630 г. вместе с другими 73 дворянами он присутствовал на приеме шведского посла Антона Мониера [31, стб. 842].

В том же 1630 г. Михаил Борятинский получает новое назначение воеводой в Мещовск. Видимо, смена воевод произошла как обычно, в сентябре 1630 г. Г. А. Власьев, ссылаясь на разрядную запись, указал, что кн. М. Ф. Борятинский «1631, воевода в Мценске (Раз. кн. 2, 338)». Далее этот исследователь заметил некоторое противоречие, как ему показалось, в источниках. Он указал, что в справке из разрядного архива кн. М. Ф. Борятинский «показан воеводой в этом году в Мещовске» [12, с. 61]. На самом деле никакого противоречия нет. В разрядной записи, на которую ссылался Г. А. Власьев (стб. 338), читаем: «В Мещовску князь Михайло княж Федоров сын Борятинский, а с ним Мещовских казаков с атаманом и есаулом 95 ч., да разных стрелцов и казаков 90 ч., пушкарей 7 ч., кузнецов 2 ч., посадских людей 25 ч., всего всяких людей 218 ч.». Далее в этом же источнике говорится, что «во Мценску Игнатей Ондреев сын Щербачов» [30, стб. 338, 340].

Служба в Мещовске продолжалась недолго. Уже весной 1631 г. Михаил Борятинский оказался в Москве. Это нашло отражение и в «Подлинном» боярском списке 1630/31 г., где против фамилии кн. М. Ф. Борятинского стоит помета «В Мещовске», но она зачеркнута, что говорит о том, что он уже весной – летом 1631 г. не служил в этом городе, а вернулся в Москву [29, с. 420]. Кстати, эта помета подтверждает разрядную запись о его службе в Мещовске, а не в Мценске. Запись в Дворцовых разрядах позволяет еще более сократить срок службы в Мещовске. Он вернулся в столицу уже к началу апреля 1631 г. 10 апреля 1631 г. кн. М. Ф. Борятинский вместе со многими дворянами поздравлял государя со Светлым праздником в этот раз в комнате, а не в передней. На следующий год в праздник Пасхи 1 апреля 1632 г. он записан среди дворян снова в передней [31, стб. 844, 858].

После возвращения Михаила Борятинского из Мещовска больше никаких воеводских назначений или других служебных поручений он не получал. В «Подлинном» боярском списке 1631/32 г. также никаких помет против фамилии московского дворянина кн. М. Ф. Борятинского нет [29, с. 480]. Это свидетельствует о том, что он находился в указанные годы в Москве или в своих вотчинах. Г. А. Власьев привел сведения о его семейном положении и о вотчинах. В 1629 г. за ним были вотчины Шуйского уезда Борисоглебского стана сельцо Малые Дорки, деревни

Молочково, Сухавка и Карушино, всего 150 чети. «Эти вотчины в 1659 г. справлены за его сыном кн. Иваном» [12, с. 61].

Жена кн. М. Ф. Борятинского Мария Ивановна, урожденная Кольчева, по мнению М. Л. Бодя Кольчева, – дочь Ивана Ивановича Кольчева-Хлызнева [32, с. 190]. Однако документы Поместного приказа свидетельствуют о том, что Мария была дочерью Ивана Кольчева-Немятого. Сохранилось дело 1647–1648 гг. о записи за княгиней Марией Ивановой, дочерью Кольчева-Немятого, вдовой кн. Михайла Федорова сына Борятинского, вотчины ее брата Василия Иванова сына Кольчева-Немятого половины сельца Котляково на р. Пахра в Жданском стане Московского уезда. Братья Марии Федор и Василий были бездетными. Василий перед смертью завещал земли в сельце Котляково – пустоши Малино, Шишкино, Шалино, Борисово и Кошкино – своей сестре Марии [33, с. 1128]. По родословной Кольчевых известно, что Кольчевы в XVI – начале XVII в. были боярами, окольными, митрополит Филипп также из рода Кольчевых [34, с. 194]. В любом случае мама воеводы Саратова была из знатного старомосковского рода, ведущего свое начало, как и Романовы, от Андрея Кобылы. В 1648 г. за ней «отказано» половина сельца Котлякова Московского уезда. После смерти Марии это сельцо отдано ее детям князьям Ивану и Дмитрию (передача произошла в 1654 г.) [12, с. 61; 32, с. 190].

Последние сведения о кн. М. Ф. Борятинском относятся ко временам Смоленской войны. В 1633 г. он, как и многие другие представители Государева двора, на своих подводах отправил под Смоленск в войско боярина М. Б. Шеина 5 четей хлебных запасов сухарей (большинство дворян отправили столько же, бояре – намного больше: князья Д. М. Пожарский и И. Б. Черкасский – по 200 чети, а И. Н. Романов – 300 чети) [30, стб. 450].

В боярской книге 1629 г. говорится о смерти кн. М. Ф. Борятинского, но год не приводится: «Князь Михайло княж Федоров сын Борятинской – умре. Денег ему в книге Костромской чети 70 рублей» [35, с. 133]. Видим, что он был четвертчиком Костромской чети с окладом 70 руб. В этой боярской книге дяки записывали все изменения, происходившие за последующие 10 лет, вплоть до составления следующей книги в 1639 г. В книге 1639 г. имени М. Ф. Борятинского уже нет. После его кончины вдова Мария осталась с двумя сыновьями – Иваном и Дмитрием. В открытые родословной росписи говорится о них следующее: «А у князь Михаил князь Федорова сына были дети: большой сын князь Иван, другой сын князь Дмитрий – был бездетен» [18, с. 124].

Впервые братья Иван и Дмитрий Борятинские упоминаются у Г. А. Власьева еще в юном возрасте, когда в 1628–1629 гг. за ними в писцовой книге были отмечены «в Суздальском уезде

сельцо Бушманово и дер. Коростели и Шекшиха». В 1638 г. А. Власьев отмечал, что кн. И. М. Борятинский служил в то время жильцом при Государеве дворе. Проверить это по другим источникам трудно, жилецкие списки тех лет к настоящему времени не опубликованы, а в боярских списках жильцы не указывались. В том же 1638 г. кн. И. М. Борятинский был на службе в Серпухове в полку кн. И. Б. Черкасского [12, с. 79]. Из разрядной книги 1637–1638 гг. известно, что в тот год в связи со взятием казаками Азова ожидался большой поход крымского хана на русские земли, и правительство провело мобилизацию всех воинских сил, включив в систему обороны Берега даже стрелецкие гарнизоны северных городов [36]. Стольники, дворяне, жильцы и другие представители государева двора были направлены в Большой полк кн. И. Б. Черкасского, который базировался в Туле. Сохранился и наказ этому главному воеводе, а также воеводам других полков [37, с. 314–344].

Далее Г. А. Власьев отмечал, что кн. И. М. Борятинский в 1640 г. был пожалован из жильцов в дворяне московские. В «Подлинных» боярских списках 1637/38 г., 1638/39 г. и 1639/40 г. Ивана Михайловича нет в списке дворян [38–40]. Жильцы в указанных списках не записаны, за исключением тех, которые в эти годы были переведены в состав московских дворян (приводится и дата этого назначения), но И. М. Борятинского среди них нет.

Впервые кн. И. М. Борятинский отмечен в списке дворян московских в боярской книге 1639 г., после И. И. Баклановского, а за ним записан С. С. Микитин. Кн. И. М. Борятинский стоит в самом конце списка дворян, в последнем десятке. Далее идут дворяне, пожалованные в этот чин в 7150 (1641/42) г. и вплоть до 7158 (1649/50) г. Никаких помет против фамилии Ивана Борятинского нет, а у его соседей приведен ряд сведений о службе и окладах [41, с. 189]. Учитывая все эти нюансы, можно согласиться с Власьевым в том, что Иван Борятинский был пожалован в дворяне московские только в 1640 г., уже после составления этой боярской книги. Его младший брат Дмитрий еще несколько лет продолжал службу при дворе в качестве жильца.

В 1641 г. Иван Борятинский снова на службе в Туле в полку кн. Я. К. Черкасского. Практически в этот раз привлекались все те представители Государева двора, которые были в 1638 г. на Туле с кн. И. Б. Черкасским. По этому поводу была дана специальная царская грамота от 23 марта 1641 г. Всем этим стольникам, стряпчим, дворянам и жильцам было приказано уехать по своим деревням «для запасов» и прибыть на службу на Тулу к 15 мая [42, с. 261, 264].

В 1643 г. впервые кн. И. М. Борятинский получил воеводское назначение в г. Данков. Г. А. Власьев указывает его службу в Данкове в 1643–1645 гг. Это назначение отмечено также

в боярском списке 1643/44 г. В данном источнике кн. И. М. Борятинский назван среди московских дворян и стоит в списке между Д. И. Судимантовым и В. С. Изъединовым. Против его фамилии помета – «в Донков» [12, с. 79; 43, с. 441]. В справочнике А. П. Барсукова отсутствуют воеводы Данкова с 1641 по 1645 г., так что эту лакуну можно заполнить. В июле 1641 г. новый воевода Данкова кн. Волконский при приеме дел прислал в Москву подробное донесение о состоянии города, его укреплений, количестве жителей, вооружения и припасов [42, с. 290–292]. Возможно, что в 1643 г. кн. И. М. Борятинский сменил именно этого воеводу. Служба в Данкове Ивана Борятинского продолжалась до 1645 г. В мае 1645 г. на смену ему в Данков послан Федор Васильев Панов [44, с. 308]. Младший брат Ивана Борятинского Дмитрий Михайлович во время его воеводства в Данкове 5 мая 1643 г. был пожалован из жильцов в стряпчие [12, с. 80].

После возвращения со службы в Данкове Иван Борятинский был из дворян пожалован в стольники. Это была обычная практика того времени – перевод из дворян в стольники и наоборот, что не считалось понижением в службе. Г. А. Власьев отмечает, что этот перевод из дворян в стольники произошел 7 марта 1646 г. [12, с. 79]. В боярской книге 155 (1646/47) г. его поместный оклад в качестве стольника был установлен вместе с придачами в размере 660 чети, а денег из чети 35 руб. [9, с. 40].

23 сентября 1646 г. уже в качестве стольника кн. И. М. Борятинский дневал и ночевал на Государевом дворе с Григорием Гавриловичем Пушкиным (царь 22 сентября отбыл в традиционный Троицкий поход). 1 декабря 1646 г., когда царь отправился в с. Хорышево, кн. И. М. Борятинский также ночевал в Москве с боярином Михаилом Михайловичем Салтыковым. Оба раза он указан в списке последним среди стольников, что также свидетельствует о недавнем назначении на эту должность [44, с. 323, 338]. Вскоре стольником стал и его младший брат Дмитрий (в 1647 г.), который за год до этих событий в 1646 г. был на службе в Белгороде и Ливнах в полку кн. Н. И. Одоевского, а затем в Мценске у кн. А. Н. Трубецкого [12, с. 80]. Как видим, братья постоянно привлекаются к службе на южных границах, как и многие другие представители Государева двора.

Г. А. Власьев писал, что кн. И. М. Борятинский в 1647–1648 гг. находился в Ливнах в полку кн. Г. С. Куракина [12, с. 79]. В разрядках отмечено, что в связи с ожидаемым походом крымского хана 1 мая 1647 г. указано быть на Ливнах в Большом полку воеводам кн. Г. С. Куракину, А. В. Клепикову-Бутурлину и дьяку С. Самсонову. Князю Г. С. Куракину подчинялись воеводы других полков в Курске, Ельце и Вольном. 25 мая 1647 г. на Ливны с наказом и списками служилых людей отправлен И. М. Кафтырев. Видимо,

кн. И. М. Борятинский, как и другие члены Государева двора, были отправлены в Ливны в полк кн. Г. С. Куракина. Трудно сказать, сколько времени продолжалась эта служба на Ливнах, но вряд ли до 1648 г., как указывал Г. А. Власьев [12, с. 79], так как уже 16 января 1648 г. во время свадьбы царя Алексея Михайловича большинство членов Государева двора во главе с кн. Г. С. Куракиным участвовали в свадебной церемонии в Москве [45, с. 58–62, 82].

Следует назвать еще один источник, относящийся именно к этому времени. В наличном боярском списке 1647/48 г. против фамилии Ивана Борятинского стоят несколько помет. Сначала записано «*есть*», т. е. он был на месте, потом эта помета была зачеркнута, и далее две новые пометы – «*болен*», *болен*» [13, с. 215]. Видимо, он отсутствовал по болезни на двух важных мероприятиях царского двора (не свадьба ли царя и дальнейшие события этого бурного 1648 г.?).

В качестве стольника кн. И. М. Борятинский в последующие годы участвовал в различных дворцовых церемониях. 12 ноября 1649 г. состоялся поход Алексея Михайловича в Звенигород «к Саве Сторожевскому». В списке стольников, сопровождающих царя, кн. И. М. Борятинского нет. Зато в явке или высылной памяти он указан: «*Стольники: князь Иван княж Михайлов сын Борятинской на Трубе*» [45, стб. 139, 1650].

В дальнейшем в разрядах кн. И. М. Борятинский часто значится как сопровождающий царя во время традиционных походов по монастырям, как и другие стольники. Так, 9 октября 1650 г. он сопровождал царя к Троице, 29 октября 1650 г. – в с. Коломенское, 26 сентября 1651 г. – снова к Троице, 15 января 1652 г. – в Звенигород [45, стб. 199, 206, 282, 292].

Вместе со старшим братом Иваном во многих таких походах участвовал его младший брат стольник Дмитрий Борятинский. Он 22 мая 1650 г. сопровождал царя к Троице, 12 сентября – в Звенигород, 15 сентября – в Коломенское, 7 декабря – в с. Покровское (все в 1650 г.), 14 мая 1651 г. – к Троице, 20 апреля 1652 г. – в с. Хорышево [45, стб. 171, 186, 188, 216, 257, 308.]. Также он получал и воеводские назначения. 20 ноября 1653 г. Дмитрий Борятинский был послан воеводой в Шацк. Здесь в разрядах он был назван «*Чермный*» [45, стб. 381].

Ранее уже говорилось, что в 1653/54 г. братья похоронили мать. После ее смерти Иван и Дмитрий получили вотчины отца в Московском уезде в сельце Котлякове (Козлякове у Власьева) с пустошами 183 чети [12, с. 79, 80].

Отметим еще одну интересную сделку с вотчинами, которая произошла в 1649 г. В марте 1649 г. братья Иван и Дмитрий Борятинские заняли огромную сумму в 2000 руб. у боярина Григория Гавриловича Пушкина на короткий срок (с 15 марта до 11 апреля). Закладная кабала

была оформлена на их вотчину сельцо Бушманово с деревнями и пустошами в Суздальском уезде (Опольский стан). Эту вотчину получил их отец в 1619/20 г., а потом она перешла к братьям. В октябре 1649 г. вотчина по просроченной закладной кабале перешла к Г. Г. Пушкину. Одновременно с займом денег у Г. Г. Пушкина братья 11 марта 1649 г. купили их поместья в вотчину в том же Опольском стане Суздальского уезда деревни Коростели и Вяльцево с пустошами [33, с. 856]. Мотивы этих действий до конца не ясны, к тому же обычно закладные кабалы берут на более длительный срок.

В начальный период Русско-польской войны в 1654 и 1655 гг. И. М. Борятинский принял активное участие в боевых действиях. За эту литовскую службу в 7162, 7163 и 7164 гг. Иван Борятинский получил позже придачу к окладу 150 чети, денег 12 руб. Теперь его оклад стал составлять 810 чети, и денежный – 47 руб. [9, с. 40]. В это время его младший брат Дмитрий продолжал службу в Шацке.

Братья Борятинские участвовали и в Русско-шведской войне 1656–1658 гг. Согласно справке из разрядного архива, выписку из которой привел Г. А. Власьев, кн. И. М. Борятинский в 1656–57 гг. «*был в Рижском походе в полку Государя и ехал за Государем от Полоцка до Смоленска*» [12, с. 79]. Дмитрий Борятинский также сопровождал царя в ноябре – декабре 1656 г. из Полоцка до Смоленска и от Смоленска до Вязьмы, а в первых числах января 1657 г., отправляясь из Вязьмы в Москву, царь оставил воеводой в Вязьме именно Дмитрия Борятинского [46, стб. 87]. Известно, что в апреле 1657 г. Дмитрий Борятинский отправил из Вязьмы 100 казаков в Смоленск к боярину В. Б. Шереметеву для сопровождения его на службу в Вильно [47, с. 569–570].

В боярской книге 1658 г. кн. И. М. Борятинский значится в середине списка стольников между Лукьяном Ивановым Ляпуновым и Иваном Федоровым Пушкиным [9, с. 40]. Его младший брат Дмитрий в этом боярском списке указан тоже в списке стольников, но почему-то намного раньше Ивана. В отличие от Ивана против фамилии Дмитрия нет никаких помет о дальнейшей службе, о новых пожалованиях. Нет также приписки, что он умер. Дмитрий в этой книге записан между двумя интересными личностями – Федором Ивановичем Леонтьевым и Василием Григорьевичем Феофилаьевым, жизнь которых была тесно связана с Саратовом [9, с. 35].

Ранее говорилось, что в 1654 г. Дмитрий вместе с братом Иваном получил часть поместий отца в сельце Котляково (Козляково). В 1658 г. его часть перешла к брату Ивану (видимо, Дмитрий к тому времени умер на воеводском посту в Вязьме или сразу после возвращения из Вязьмы). Про его жену и детей ничего не говорится, а учитывая, что все его земли перешли к брату Ивану, можно считать, что он умер бездетным

(это же отмечено и в родословной), и к тому времени у него не было жены (возможно, она умерла раньше его).

6 июля 1658 г. стольник И. М. Борятинский во время торжественного обеда в честь приезда грузинского царя Теймураза Давыдовича «за столом перед царевичем (Николаем Давыдовичем. – Я. Р.) пить носил» [45, стб. 506]. Также 8 мая 1660 г., когда состоялся отпуск царевича Николая Давыдовича и грузинских и имеретинских послов на родину, «у стола в Грановитой палате на отпуске» перед послов пить носили 12 стольников, среди них 6-м записан кн. И. М. Борятинский [45, стб. 526; 48, с. 80].

6 января 1663 г. царь отправил кн. И. М. Борятинского воеводой в Вязьму, где ранее служил его брат Дмитрий. Здесь, в Вязьме, уже к середине января 1663 г. Иван Борятинский сменил на воеводском посту Никифора Нащокина [46, стб. 364]. Известна и точная дата окончания его вяземской службы. 11 ноября 1664 г. в Москву прибыл вяземский стрелец Симонка Савельев с донесением от нового воеводы Вязьмы Игнатия Вердеревского, в котором говорилось, что он 20 октября принял все дела у прежнего воеводы князя Ивана Борятинского, «росписался с ним», о чем он докладывал в Москву еще раньше [49, с. 77]. Видимо, в первом донесении новый воевода доложил о принятии дел, а во втором – прислал уже «росписной список», в котором приводил сведения о состоянии Вязьмы и составе гарнизона. Будем считать, что в конце октября 1664 г. кн. И. М. Борятинский уже вернулся в Москву и приступил к выполнению обычных дворцовых обязанностей.

23 января 1665 г. по случаю приезда голландского посла Якуба Бореля был прием посла у государя в столовой избе. Кн. И. М. Борятинский встречал посла «перед столовою в сенных дверях» вместе с дьяком Никитой Головинным. Объявлял посла царю дальний родственник нашего героя (шестипородный брат) окольный князь Юрий Никитич Борятинский [45, стб. 586], представитель старшей ветви рода, ведущей свое начало от Григория Александровича Борятинского (к этой же ветви относится прежний воевода Саратова Федор Петрович горбун Борятинский).

В 1666 г. начинается саратовский период биографии кн. И. М. Борятинского. За время саратовской службы 1666–1668 гг. благодаря документам Печатного приказа и другим источникам можно выяснить, что происходило в Саратове в годы воеводства кн. И. М. Борятинского.

Судя по документам Печатного приказа, в Саратове кн. И. М. Борятинский сменил воеводу кн. Путятину. Эта личность еще более загадочная, ни в одном из документов Печатного приказа даже не приводится его имя, говорится просто «на Саратов, воеводе князю Путятину». А. А. Голомбиевский на основании неизвестных нам источников указал его имя Алексей, причем,

дважды: в критической статье на труд А. А. Шахматова и при публикации документов Печатного приказа в общем списке воевод Саратова [2, с. 212; 3, с. 9]. Ни в одном из известных боярских списков 1650–60-х гг. среди представителей Государева двора Алексей Путятин не значится, нет его и в указателе П. И. Иванова. Можно предположить, что это мог быть кн. Алексей Богданович Путятин, который не входил в состав Государева двора, а служил по Великому Новгороду (его отец, Богдан Иванович как представитель Бежецкой пятины участвовал в Земском соборе 1648–49 гг., принявшем Соборное уложение, и оставил свою подпись на обороте Уложения, она стоит под № 55) [50, с. 405].

Этому князю Путятину на Саратов в 1665 г. была отправлена из Москвы грамота (№ 78, книга 130), в которой предписывалось досмотреть местную баню, построенную жителями на посаде вблизи Богородицкого монастыря, и при необходимости перенести ее на другое место. Старцы этого монастыря во главе с игуменом Филаретом написали челобитную, посчитав, что баня поставлена слишком близко к их монастырю (здесь следует учесть и моральный фактор, и боязнь пожара, от которого мог пострадать монастырь) [3, с. 18].

Следующие документы Печатного приказа, составленные в 1666 г., относятся уже к нашему герою. Поэтому можно считать, что смена воеводу произошла в 1666 г., и кн. И. М. Борятинский сменил на Саратове именно кн. Путятину. Сохранилось 4 таких документа (№ 53, 54, 79, 95), адресованных князю Ивану Борятинскому, в одном из которых он указан как стольник.

В первом документе (№ 53, книга 134) записано: «Быть на заставе на пропуске проезжих людей, а зимним путем на проезде» вместо сына боярского Луки Климова другому саратовцу Федору Слузову [3, с. 14]. В соответствии с этим указанием из Москвы кн. И. М. Борятинский осуществил смену заставных голов.

Во втором документе от того же 1666 г. (№ 79, книга 135) стольнику и воеводе князю Ивану Борятинскому предписывалось разобрать жалобу архимандрита нижегородского Желтоводского монастыря Пахомия на игумена саратовского Богородицкого монастыря Филарета. Между старцами возник спор по поводу соли (видимо, они не поделили соляной амбар). Иск Желтоводского монастыря на саратовских старцев был довольно значительным – «в соляной поклаже, в 550 рублях». Воевода Борятинский должен был стать судьей в этом споре, «дать суд» [3, с. 18].

Следующие два документа, видимо, относятся к 1668 г., судя по тому, что они записаны в одной книге Печатного приказа (книга 142). Обычно в течение года записи делались в одной – двух книгах, иногда – в трех. Предыдущие записи были в книгах № 134 и 135, а следующие две –

в книге № 142. Как видим, между этими записями прошло немало времени.

Из челобитной саратовских стрельцов Артюшки Маланьина «с товарищи» (№ 54, книга 142, л. 252) мы узнаем, что этих стрельцов привлекали к какому-то строительству. Возможно, что речь идет о строительстве рыбного городка на правом берегу Волги, либо об укрепленном городке на Камышенке, который в следующем году уже был построен, либо о неизвестном нам строительстве. Воеводе было предписано дать этим стрельцам «за городовое дело» по рублю человеку [3, с. 14]. Обстановка на Волге в это время была тревожной. Степан Разин начал свой поход «за зипунами» на Каспий, царицынский воевода Унковский уже пострадал от него, а новые отряды казаков, в том числе атамана Сережки Кривого также прорвались с Дона на Волгу для соединения с Разиным. А. А. Голомбиевский в этом документе указал дату – 1666 г., как и в предыдущих документах, но, видимо, здесь опечатка, надо – 1668 г.

Следующую запись о кн. Борятинском, которая помещена в той же книге (№ 95, книга 142, л. 367, т. е. через 100 листов), А. А. Голомбиевский отнес к 1668 г. В этой записи речь идет о челобитной саратовских служилых людей по прибору (конных и пеших стрельцов), которых представляли «Спирка Рузвенский с товарищи», а также саратовских посадских людей во главе с местным земским старостой Ивашкой Живодером. Стрельцы и посадские люди просили, чтобы никакие мелкие откупы воевода не отдавал чужим людям. Дьяки в Москве приняли положительное решение по этому вопросу, и воеводе Борятинскому поступило указание «мелкие откупы всякие на откуп не отдавать» [3, с. 22].

Все эти люди – саратовские старцы во главе с игуменом Филаретом, дети боярские, стрельцы, посадские люди со своим старостой – через 2 года застанут тот момент, когда Саратов будет взят казаками Степана Разина.

Сохранилось немало документов о первом походе Степана Разина на Волгу весной 1667 г., о разбойных действиях казаков в районе Камышенки и Саратова в апреле – мае 1667 г., зимовке разинцев в Яицком городке, безуспешных переговорах царских воевод с казаками, начале похода казаков на Каспий весной 1668 г., восстании астраханских стрельцов, входящих в состав правительственного гарнизона Яицкого городка летом 1668 г. (уже после ухода разинцев), бое с этими восставшими у Кулалинского острова и других событиях, в которых приняли непосредственное участие саратовские стрельцы, отправленные воеводой Иваном Борятинским в Астрахань и на Камышенку (имена некоторых из них известны, в том числе – убитых и раненых). Все эти события происходили в период воеводства в Саратове Ивана Борятинского. Также следует учесть, что

с осени 1667 г. до весны 1668 г. вместе с Иваном Борятинским в Саратове находился новый воевода Астрахани кн. Иван Семенович Прозоровский со своим войском (4 приказа московских стрельцов, солдатский полк и другие отряды, артиллерия, припасы), именно отсюда из Саратова он отправлял посланцев для переговоров с Разиным в Яицкий городок. Саратовские краеведы не обратили внимание на такое полугодовое стояние в их городе большого русского войска. Впервые об этом писал еще Н. И. Костомаров, хотя и он не акцентировал внимание на том, что Прозоровский провел здесь всю зиму [51, с. 252]. Еще до выхода труда Н. И. Костомарова А. Н. Попов отмечал, что Прозоровский, долго простояв в 1667 г. в Саратове, «к осени только прибыл в Астрахань» [52, с. 77]. В действительности поздней осенью 1667 г. войско Прозоровского находилось в Саратове, а не в Астрахани, куда он прибыл лишь к лету следующего 1668 г.

Здесь же в Саратове вместе с войском Прозоровского зимовал молодой голландский офицер на русской службе Людвиг Фабрициус (ему было тогда 20 лет) вместе со своим отчимом, полковником артиллерии Паулем Рудольфом Беемом. По словам Фабрициуса, войско Прозоровского насчитывало «4000 стрельцов и иных воинских людей». Сборы войска заняли много времени, оно отплыло из Казани лишь осенью 1667 г., присоединяя по пути отряды из других городов. Фабрициус пишет: «Тут подошла зима, так что мы не смогли продвинуться дальше Саратова и нам пришлось здесь зазимовать» [53, с. 47]. Численность войска Прозоровского в Саратове превышала общее число местных жителей, включая женщин и детей. Можно представить, какие трудности пришлось испытать воеводе Ивану Борятинскому и жителям Саратова, которых насчитывалось в те годы около 500–600 служилых людей и примерно столько же посадских людей, включая женщин и детей (так как было всего около сотни посадских дворов), когда в их отдаленном городе почти полгода жили столько непрошенных гостей. Не исключены и конфликты на бытовой почве между воинами Прозоровского и местными жителями, к тому же и налоги в это время значительно выросли. Все это сыграло свою роль в последующих событиях августа 1670 г., когда саратовцы без сопротивления сдадут город Степану Разину.

Еще до похода Разина воеводе Ивану Борятинскому летом 1666 г. пришлось встречать в Саратове вселенских патриархов Паисия и Макария, которые направлялись в Москву, где участвовали в суде над патриархом Никоном [54, с. 101–104], а в 1668 г. вновь принимать Антиохийского патриарха Макария и обеспечивать его охрану по пути из Саратова до Царицына. В августе 1668 г. патриарх Макарий уже находился в Астрахани, для его дальнейшего

плавания нужны были морские корабли (бусы), которые воевода Астрахани просит прислать быстрее с Терека [55, с. 118]. С патриархом следовал англичанин Томас Брейн, представитель армянской компании в Исфагани, специализирующейся на торговле шелком, а также полковник рыцарь Пальмар, которого царь Алексей Михайлович отправил весной 1668 г. к шаху Аббасу в качестве советника для борьбы с разинцами на Каспии. Об этом царь сообщал шаху Аббасу в письме 3 мая 1668 г. В тот же день была дана наказная память Томасу Брейну, ехавшему в Персию [56, с. 105–106; 57, с. 106; 58, с. 128].

При воеводе Иване Борятинском и его предшественниках Саратов превратился в крупный склад ценных персидских товаров. Что касается армянской торговой компании в Исфагани, то ее представители Степан Рамадамский и Григорий Лусиков, которых воевода Борятинский встречал в 1666–1667 г. в Саратове, именно в 1667 г. заключили договор с правительством царя Алексея Михайловича. Согласно данному договору этой компании предоставлялись льготные условия продажи шелка-сырца и других восточных товаров в России (Астрахань, Москва, Архангельск) и вывоза их в европейские страны [59, с. 692–695; 60, с. 237–244].

Всеми этими делами, связанными с приемом, хранением в Саратове и отправкой в Москву ценных товаров, находящихся под непосредственным контролем самого царя и Тайного приказа, также занимался воевода Борятинский. Ему приходилось обеспечивать надежной охраной и сухопутные обозы с ценным грузом по новому пути через только что построенную новую крепость Пензу, Инсар, Краснослободск и Темников [61, 225–232].

В 1667 г. из Москвы в Астрахань был отправлен русский посланник в Персию к шаху Аббасу стряпчий Клементий Иевлев «с любительными грамоты и с поминки» вместе с персидским послом-купчиной и с армянами, жителями Исфагани. Персидским купчиной был «Асамдин бек Айджейдатов», с ним возвращался домой в Шемаху посланец шемахинского хана Аббас Кулибек. Иевлев был отправлен «с псовою и птичьей охотою» – это были самые ценные поминки (подарки) для шаха. Сведения о появлении Разина на Волге достигли Москвы уже после отправки этих послов. Клементий Иевлев задержался в Астрахани, а персы с армянами сумели беспрепятственно добраться на родину [56, с. 105].

Перед воеводой Саратова Иваном Борятинским, как и перед воеводой соседней Пензы Еремеем Пашковым, весной 1668 г. возникла новая проблема – обеспечение безопасности сухопутного пути между Саратовом и Пензой, причем, впервые в источниках появляются совершенно новые враги, а не только прежние –

воровские казаки, татары, калмыки. Именно весной 1668 г. в Пензенский уезд «приходили войной изменники бошкырцы войною». Они побили в степи «на драгунской дороге» пензенских служилых людей «до смерти человек с 50 и болши». С ними воевал пензенский воевода Еремей Пашков [62, с. 107]. Причем воевал он неудачно, потерпел от башкирцев поражение. В начале мая (до 5 мая) 1668 г. у Пашкова с башкирцами был бой, во время которого «побили пензенских служилых людей человек с 70», взяли пушку, 2 барабана 2 знамени, и он, Пашков, «сидит в осаде в Пензе» [63, с. 109]. Фактически в это время сухопутный путь из Саратова до Пензы оказался под угрозой. Войско Прозоровского уже находилось в районе Царицына по пути в Астрахань, так что сил у воеводы Саратова было мало.

Было еще одно дело, за выполнение которого саратовский воевода Борятинский получил царскую награду. Вот цитата одного из иностранцев относительно царского сына Алексея Алексеевича, который пользовался большой любовью у москвичей: «Когда отец объявил его своим истинным и законным наследником и в 1667 г. выводил его показывать народу, со всех сторон слышались радостные приветствия и одобрения» [64, с. 66–67]. Это событие произошло 1 сентября 1667 г. Воеводам городов был отправлен царский указ, чтобы они объявили всем жителям о том, что царевич Алексей становится соправителем отца. В боярской книге 1667 г. позже было отмечено, что Иван Борятинский получил прибавку к поместному и денежному окладом: «Ему ж для объявления благоверного государя царевича 176-го году сентября 1-го числа 100 чети, денег 12 рублей» [65, с. 377]. Теперь у него новый оклад стал 910 чети, 59 руб. Сохранился документ о том, как проходила эта церемония объявления царевича в Москве и какие придачи к поместным и денежным окладам должны были получать все чины Государева двора и различные категории служилых людей по отечеству, в том числе стольникам была установлена придача 100 чети, 12 руб. [66, с. 723].

Известна грамота воеводе Пскова об этих придачах. Аналогичные грамоты были отправлены и воеводам других городов, включая Саратов. Причем воевода должен был объявить всем служилым людям города этот царский указ. Придачи к окладам по категориям были следующие: выборным дворянам полагалось по 80 чети и 9 руб., дворовым – по 70 чети и 7 руб. Саратовская десятина того времени уже существовала, в нее записывались служилые люди, но она не сохранилась, поэтому неизвестно, имелись ли в Саратове дворовые, или все служилые по отечеству были городовые (всего было 18 служилых людей по отечеству). Городовым дворянам и детям боярским полагалась придача 50 чети и 5 руб. О каких-либо придачах и других подарках по случаю объявления царевича для служилых людей

по прибору, а также посадским людям в документе ничего не говорилось [67, с. 724–725].

Весной – летом 1668 г. кн. И. М. Борятинский, передав дела в Саратове своему сменщику Ивану Васильевичу Самарину, вернулся в Москву [68, с. 5–16]. Отдыхать в столице Ивану Борятинскому не пришлось. Г. А. Власьев отмечал, что «в 1668–69 г.» кн. И. М. Борятинский находился в Севске, в полку кн. Г. С. Куракина, «у знамени великого государя» [12, с. 79]. Видимо, он был отправлен на южную границу, где велась борьба с крымскими татарами и изменниками черкасами гетмана Брюховецкого. В боярской книге приводится немало сведений о награждениях служилых людей именно в это время за службу, в том числе сам боярин кн. Г. С. Куракин получил «за службу 176-го и 177-го году, и за татарские бои, и за многие взятые языки придачи учинено двести рублей» [65, с. 354]. Иван Борятинский также был награжден, хотя и намного скромнее. Он получил «за службу 176-го и 177-го году придачи поместного 80 чети, денег 8 рублей» [65, с. 377]. Теперь его поместный оклад стал почти максимальным для служилого человека – 990 чети, а денежный – 67 руб.

Летом 1669 г. Иван Борятинский находился уже в Москве. Когда 19 июня умер царевич Симеон Алексеевич, то наш герой, как и другие стольники, выполнял обычную для стольников обязанность – дневать и ночевать у гроба царевича. Ежедневно для этой церемонии назначались боярин, окольныйчий (или думный дворянин), дьяк и 10–12 стольников. 5 июля с бывшим астраханским воеводой боярином кн. И. А. Хилковым дежурил у гроба царевича кн. И. М. Борятинский и еще 9 стольников. Все эти же лица, включая кн. И. М. Борятинского, снова дневали и ночевали у гроба царевича 19 июля (у Власьева ошибочно указано 15 июля) [12, с. 79; 45, стб. 857, 862].

В 1669 г. Ивану Борятинскому дана вотчина в Суздальском уезде, где у него были основные поместья – деревни Борисова, Мансурова, Станки, Крутец, пустоши Пожилина, Картмазова, Развалиха, а в Шуйском уезде – деревни Васюкова, пустоши Лошкина и Карповская [12, с. 79–80]. Известен один богатый крестьянин Ивана Борятинского, возможно, живший в одной из этих деревень, которого звали Якушка Рашинин. Этот крестьянин в с. Островцево Суздальского уезда взял на откуп кабак с 1669/70 г. «и до новых откупщиков». Документ составлен в «нынешнем 186 году», т. е. осенью 1677 г. [69, с. 312].

В время восстания Степана Разина кн. И. М. Борятинский осенью 1670 – зимой 1671 г. находился в составе войска кн. Ю. А. Долгорукова, «в низовом походе», как отмечал Г. А. Власьев [12, с. 79], видимо, участвовал в боях с разинцами под Арзамасом, Темниковым и др.

За эту службу 179 (1670/71) г. он получил очередную придачу «80 чети, денег 7 рублей». К тому времени он имел поместный оклад 990 чети. До максимального поместного оклада 1000 чети не хватало всего 10 чети, поэтому остальные 70 чети были «лишними» и вместо них давали дополнительную придачу деньгами из расчета 20 чети – 1 руб., т. е. вместо этих «лишних» 70 чети он получил дополнительно 3,5 руб. В итоге его денежный оклад стал 77,5 руб. (67+7+3,5). Это и было отражено в итоговой записи боярской книги: «Всего ему поместной оклад 1000 чети, денег и за переходные за 70 чети 77 рублей с полтиною» [65, с. 377].

В 1672 г. Иван Борятинский впервые в разрядах указан в качестве объезжего головы в Кремле вместе с дьяком Семеном Звягиным. В источнике он назван с прозвищем «князь Иван Урюпа княж Михайлов сын Борятинской» [45, стб. 888]. Это прозвище в разрядах за ним ранее не отмечалось.

По мнению Г. А. Власьева, Иван Борятинский в 1673–1675 гг. был воеводой в Брянске. Эта запись источниками не подтверждается. Известно, что в Брянск 8 марта 1675 г. был отправлен в качестве воеводы стольник Михаил Засекин, причем он должен был сменить прежнего воеводу кн. Михаила Волконского, который, видимо, служил в Брянске с 1674 или даже с 1673 г. (точных сведений нет) [45, стб. 1271]. Возможно, что Иван Борятинский мог находиться в Брянске в качестве одного из полковых воевод либо отправил служить вместо себя сына Петра (такое тоже случилось).

Никаких сведений об Иване Борятинском после «воеводства» в Брянске Власьев не приводит, но указывает, что в 1676 г. полученные от отца вотчины spravлены за его единственным сыном Петром, в том числе Шуйского уезда Борисоглебского стана сельцо Малые Дорки, деревни Молочково, Сухавка и Карушино, всего 150 чети [12, с. 61, 80, 93].

От брака с неизвестной у Ивана Борятинского был единственный сын Петр. О Петре Борятинском Г. А. Власьев писал, что он в 1668 г. стал стряпчим, тогда же был на службе в Севске в полку кн. Г. С. Куракина у знамени Государя, где находился вместе с отцом, а в 1669 г. пожалован в стольники. Как и отец, Петр Борятинский в 1671 г. участвовал в борьбе против Разина в Низовом походе в полку кн. Ю. А. Долгорукова. В 1672–1675 гг. Петр сопровождал царя Алексея Михайловича в его зимних и осенних походах по монастырям, в 1673 г. находился в Брянске в полку кн. Ю. А. Долгорукова, в 1674–75 гг. – в Севске [12, с. 92]. Как видим, даты сопровождения царя в походах по монастырям совпадают с воеводством в Брянске и Севске, возможно, здесь какая-то неточность. К тому же известна точная дата назначения Петра стольником и при каких обстоятельствах это произошло. В боярской книге говорится, что это случилось не в 1669 г.,

а в сентябре 1672 г.: «В нынешнем во 181-м году в стольники ж: В сентябре в троецком походе: Князь Петр княж Иванов сын Борятинской» [65, с. 406].

В июне 1682 г. Петр Борятинский был одним из воевод в Казанском разряде, посланных для усмирения башкирцев. Первым воеводой был назначен боярин П. В. Шереметев, а его помощниками – окольный Данила Афанасьевич и стольник Петр Иванович Борятинские [70, с. 135].

Жена Петра Ивановича – Ирина Пантелеевна, урожденная Симонова. Единственный известный ребенок Петра Борятинского и Ирины Симоновой – дочь Авдотья Петровна, которая вышла замуж из одного из представителей семейства Нарышкиных, комнатного стольника Андрея Федоровича Нарышкина. Его отец, думный дворянин Федор Полуехтович, был младшим братом Кирилла Полуехтовича и соответственно – родным дядей царицы Натальи Кирилловны: «А от Полуехта дети: боярин Кирила Полуехтович да думной дворянин Федор Полуехтович» [71, с. 291], правда, в тот период Нарышкины были временно отстранены от власти царевной Софьей. В 1685–86 гг. Петр Борятинский дал в приданое за дочерью Авдотьей д. Петровскую Ряжского уезда, д. Янкину Шуйского уезда и неоднократно упоминаемое сельцо Котляково Московского уезда [12, с. 113].

Петр Борятинский умер около 1688 г., так и не дождавшись победы клана Нарышкиных (свержение царевны Софьи произошло в 1689 г.). После смерти мужа вдова княгиня Ирина в 1688 и 1691 г. купила вотчину Луховского уезда в усадьбе Большом Кашине, д. Скворцово, пустоши Оладова, Оренево, Ромашино и починок Паново – 162 чети. Эту вотчину она завещала своему крестнику, кн. Василию Ивановичу Борятинскому [12, с. 93].

Вдова Петра Борятинского княгиня Ирина Симонова пережила мужа на 15 лет. Она была жива еще в начале XVIII в. В 1702 г. она дала дочери Авдотье и зятю Андрею Нарышкину в Малоярославецком уезде земли в сельце Шемякине и пустоши Митинской 161 чети [12, с. 113].

Как видим, мужского потомства Петр Иванович Борятинский не оставил, и с его смертью линия младшей ветви рода Борятинских, идущая от Федора Михайловича Борятинского, внука Льва Александровича, прервалась. Из потомков Льва Александровича в XVIII–XIX вв. продолжалась лишь ветвь старшего брата Федора Михайловича Борятинского Ивана Михайловича по прозвищу Чермный (№ 38 у Власьева) через его сына Ивана (№ 57), внука (№ 77) и правнука (№ 101), носящих также имя Иван. Эти Борятинские обычно служили стольниками; при Петре I, Анне и Елизавете среди них были генерал-майор, полковник, капитан 1 ранга, Действительный

Тайный советник, президент Мануфактур коллегии. В отличие от знаменитых потомков старшей ветви рода эти Борятинские, начиная со второй половины XVIII в. с эпохи Екатерины II, и в течение всего XIX в. ничем особо не отличались, никаких государственных постов не занимали, некоторые служили младшими офицерами, скромно жили в своих имениях.

Список литературы

1. Богданович Е. В. Род князей Барятинских. Исторический очерк. По поводу 250-летия г. Симбирска. СПб. : Типо-Литография Р. Голике, 1898. [2], 42, [2] с.
2. Гоздаво-Голомбиевский А. А. История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М. : Издание антикварной книжной торговли П. П. Шабанова, 1892. С. 210–217.
3. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 26 с.
4. Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. / [соч.] Ф. Ф. Чекалина ; с рис. старого Саратова Олеария. Саратов : Пар. скоропеч. Губ. правл., 1892. [2], 81 с., 1 л. фронт. (ил.).
5. Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Саратовское общество вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. С. 19–104.
6. Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. X, 611 с.
7. Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов : Типография Союза печатного дела, 1913. Вып. 30. С. 61–82.
8. Семенов В. Н. Правители земли Саратовской. Саратов : ООО «Волга», 2014. 272 с.
9. Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин; подг. текста В. А. Кадик. М. : ИРИ РАН, 2004. 333, [2] с., [1] л. портр.
10. Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник П. И. Иванов. М. : В типографии С. Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л.
11. Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : в 4 ч. Ч. 1. СПб. : В тип. Карла Вингебера, 1854. 350 с.
12. Власьев Г. А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 1: Князья Черниговские : в 3 ч. Ч. 2. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, Звенигородская, 11, 1906. 545 с.

13. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : [в 2 т.]. Т. 1. Казань : Институт истории АН РТ, 2008. 316 с.
14. Записная книга Московского стола 7145 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 40 т. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 1–103.
15. Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1974. С. 14–179.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 2. 640 с.
17. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих / изд. Н. И. Новиков (Бархатная книга) : в 2 ч. Ч. 1. М. : В Университетской типографии у Н. Новикова, 1787. [6], 352 с.
18. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (А–К) / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2021. Вып. 10. С. 119–270.
19. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. XVI в. / подг. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. 456 с.
20. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 616 с.
21. Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сборник документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Наука, 2003. № 39. С. 132–155.
22. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. 692, (1) с.
23. Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с письма думного дьяка Михаила Данилова : *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (ЧОИДР). 1909. № 3 (230). С. 73–103.
24. Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди... и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова (далее – АМГ) : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1 (1571–1634), № 108. С. 138–147.
25. Перепись 1620 года // Переписи московских дворов XVII столетия. М. : Городская типография, Тверская, Козицкий переулок, дом Городского Общества, 1896. С. 1–72.
26. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : В Тип. 2-го Отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.
27. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные 2-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 4 т. СПб. : В Тип. 2-го Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
28. «Наличный» боярский список 1624 года / публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 3. С. 71–102.
29. «Подлинный» боярский список 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 735, [1] с.
30. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : В Тип. 2-го Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
31. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные 2-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 4 т. СПб. : в Тип. 2-го Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
32. *Бодэ Кольчев М. Л.* Боярский род Кольчевых, составленный бароном Михаилом Львовичем Бодэ Кольчевым. М. : В Синодальной типографии, 1886. [4], 493, [3], V с., 9 л. ил.
33. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов, В. Ю. Беликов, А. Берелович, В. Д. Назаров, Э. Тейро. М. : Древлехранилище, 2010. 1660 с.
34. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство (публикация Л. Е. Шабаева) // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 138–402.
35. Боярская книга 1629 года / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. Вып. 11. С. 63–254.
36. Разрядная книга 1637–38 годов / отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1983. 188 с.
37. Разрядная книга 1637/1638 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1974. С. 314–344.
38. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1637/38 года // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 41–113.
39. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1638/39 года // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 6. С. 163–235.
40. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1639/40 года // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2020. Вып. 7. С. 194–269.
41. Боярская книга 1639 г. / подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина ; вступ. статья

- М. П. Лукичева ; предисл. Н. М. Рогожина. М. : ИРИ РАН, 1999. 266 с.
42. Записная книга Московского стола 7149 года // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб. : Типография Министерства Внутренних Дел, 1886. Т. 10. С. 201–300.
 43. Жаринов Г. В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории : в 8 вып. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. 718 с. С. 382–483.
 44. Записная книга Московского стола 7155 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 301–400.
 45. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные 2-м Отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии : в 4 т. СПб. : В Тип. 2-го Отд-ния Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
 46. Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов, издаваемых по высочайшему повелению 2-м Отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1854. 486 стб.
 47. Отписка боярина и воеводы Василия Шереметева о получении грамоты, в коей извещается, что к нему в Вильно послано 100 вяземских казаков. 1657, апреля 15 // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. Т. 2 (1635–1659). СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1894. № 965. С. 569–570.
 48. Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165–7183 гг. / издание Императорского ОИДР при Московском университете. М. : Типография штаба Московского военного округа, 1908. X, 346 с.
 49. Записная книга Московского стола 7173 года (1664, сентябрь – 1665, август) // РИБ. СПб. : Типография Ф. Елконского и К°, 1889. Т. 11. С. 1–328.
 50. Список рукоприкладств на свитке Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / подг. текста Л. И. Ивиной ; рук. авт. коллектива А. Г. Маньков. Л. : Наука, Ленинградское отд., 1987. С. 404–410.
 51. Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина // Исторические монографии и исследования / издание Д. Е. Кожанчикова : в 12 т. Т. 2. СПб. : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1863. С. 201–380.
 52. Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина // Русская беседа. 1857. 1. Второй год. Книга 5. М. : В типографии Александра Семена, 1857. Раздел Науки. С. 47–104.
 53. Фабрициус Л. Записки // Записки иностранцев о восстании Степана Разина / под ред. А. Г. Манькова. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1968. С. 46–83.
 54. Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов в 1666 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 101–104
 55. Отписка астраханского воеводы И. Прозоровского терскому воеводе П. Прозоровскому о посылке на Терек 200 астраханских стрельцов для борьбы с восставшими казаками. 1668, августа 3 // Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сборник документов : в 4 т. Т. 1 : 1666 – июнь 1670 гг. / сост. Е. А. Швецова (далее – КВСП). М. : Издательство Академии Наук СССР, 1954. № 85. С. 118.
 56. Грамота царя Алексея Михайловича персидскому шаху Аббасу II об уходе С. Разина с казаками на Каспийское море и о посылке в Персию для борьбы с ними полковника Пальмара. 1668, мая 3 // КВСП. Т. 1, № 71. С. 105–106.
 57. Из наказной памяти Посольского приказа «посланному иноземцу» Томасу Брейну, ехавшему в Персию, о набегах казаков на персидские земли. 1668, мая 3 // КВСП. Т. 1, № 72. С. 106.
 58. Письмо из Персии «посланного иноземца» Т. Брейна заводчику П. Марселису о захвате казаками С. Разина острова на Каспийском море. 1669, около февраля 26 // КВСП. Т. 1, № 98. С. 128.
 59. Жалованная грамота Армянской компании на привоз в Россию шелка и сырца. 1667, мая 31 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. (далее – ПСЗ-1) / под ред. М. М. Сперанского. Т. 1. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. № 409. С. 692–695.
 60. Рабинович Я. Н. К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-2-237-244>
 61. Рабинович Я. Н. Начало функционирования сухопутного торгового пути из Саратова в Москву в третьей четверти XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 225–232. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-225-232>
 62. Отписка козловского воеводы А. Щепотева в Разрядный приказ о переходе восставших казаков с Дона на Волгу и о слабости обороны Козлова и Козловской черты. 1668, мая 14 // КВСП. Т. 1, № 73. С. 106–108.
 63. Отписка тамбовского воеводы Я. Хитрово в Разрядный приказ о бое с отрядом башкир под Пензой и о возможности похода С. Разина с казаками к Москве мимо Тамбова. 1668, мая между 16 и 24 // КВСП. Т. 1, № 74. С. 109–110.
 64. Марций Иоганн Юстус. Стенко Разин донски козак изменник... // Иностранные известия о восстании Степана Разина : материалы и исследования / под ред. А. Г. Манькова. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1975. С. 51–80.
 65. Боярская книга 1667 года / публ. В. А. Кадика // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2023. Вып. 14. С. 350–600.
 66. Обнародование о вступлении в совершеннолетие Царевича Алексея Алексеевича и о бывшей по случаю сему церемонии. 1667, сентября 1 // ПСЗ-1. Т. 1, № 415. С. 719–724.
 67. Грамота в Псков Окольничему и Воеводе Князю Великога-Гагину с извещением о вступлении в со-

- вершеннолетие Благоверного Царевича и Великого князя Алексея Алексеевича, и о пожаловании по случаю сего Бояр и прочих служивых людей придачей поместных и денежных окладов. 1667, октября 11 // ПСЗ-1. Т. 1, № 416. С. 724–725.
68. Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов при воеводе Иване Васильевиче Самарине (1668–1670) // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории : сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Чолахян. Саратов : Наука, 2021. Вып. 13. С. 5–16.
69. Акты, относящиеся до таможенных, питейных и других сборов. 1677 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией : в 12 т. Т. 7. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1859. № 66–1. С. 308–312.
70. Царская грамота пермскому воеводе князю Федору Борятинскому, о высылке на службу солдат для усмирения Башкирцев, появившихся на Закамской линии и в Уфимском уезде. 1682, мая 25 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 5 (1676–1700). СПб. : В типографии 2-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. № 85. С. 134–135.
71. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (Б, Г, Е, К–Я) (публикация Л. Е. Шабаева) // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. Вып. 11. С. 255–430.

Поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 393–400
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 393–400
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-393-400>, EDN: PEJGFD

Научная статья
УДК 94(490.44)|17|+929Скопин

Саратовский летописец Г. А. Скопин

А. С. Майорова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, majorova-as@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, AuthorID: 512795

Аннотация. Автором первого письменного сочинения, в котором содержатся сведения по истории Саратова, был дьякон Скопин. При публикации оно названо дневником, потому что в нем изредка встречаются сведения из жизни автора. О том, что Скопин составлял не дневник, а летопись, свидетельствует отбор фактов, использование определенных источников, характер изложения. Очень важные события из своей жизни Скопин не внес в повествование, в частности, не написал том, что с ним случилось, когда Саратов был захвачен Пугачевым.

Ключевые слова: городские летописи, провинциальная историография, анкетные обследования, биография Скопина, саратовские священнослужители, документы следствия

Для цитирования: Майорова А. С. Саратовский летописец Г. А. Скопин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 393–400. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-393-400>, EDN: PEJGFD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Saratov chronicler G. A. Skopin

A. S. Mayorova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla S. Mayorova, majorova-as@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, AuthorID: 512795

Abstract. Deacon Skopin authored the first written work containing information on Saratov's history. When published, it was referred to as a diary because it occasionally contains information from the author's life. However, Skopin's compilation is more accurately described as a chronicle, evident from his selection of facts, use of specific sources, and narrative style. Skopin omitted significant events from his life in the narrative. He did not document his experiences during the capture of Saratov by Pugachev.

Keywords: town chronicles, provincial historiography, questionnaire surveys, Skopin's biography, Saratov clergymen, investigative documents

For citation: Mayorova A. S. The Saratov chronicler G. A. Skopin. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 393–400 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-393-400>, EDN: PEJGFD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Письменная историческая традиция в Саратове возникла поздно. Ее отсутствие на протяжении XVII в. объясняется условиями существования пограничной крепости, население которой не было стабильным, и даже местоположение города менялось. Остается спорным вопрос о месте основания Саратова – был он основан на правом берегу Волги или на левом. В XVII в. в течение довольно длительного времени – с 1616 до 1674 г. – город находился на левом берегу Волги, а затем был перенесен на правый берег. Об этом, в частности, пишет современный саратовский исследователь Я. Н. Рабинович [1, 2]. С. В. Клейменова учи-

тывает данное обстоятельство в своей работе, посвященной настоятелю одного из местных монастырей Дубенскому [3, с. 81].

Первое сочинение, в котором запечатлены события, происходившие в Саратове и в городской округе, – это летопись, составленная местным священнослужителем Герасимом Алексеевичем Скопиным. В ней отражена жизнь города и его окрестностей с 1762 по 1796 г., т. е. за время царствования Екатерины II [4]. При опубликовании этого сочинения его жанр был определен как «дневник происшествий». Важно заметить, что заглавие у рукописи, с которой была осуществлена публикация, отсутствовало,

о чем сообщает В. П. Соколов в примечании к заголовку сочинения. Наличие в его тексте фактов, которые касались жизни автора и его семьи, послужило основой для публикатора назвать сочинение Скопина дневником. Однако целый ряд особенностей текста уже при подготовке его к печати вызвал сомнения в его «чисто личном» характере. Саратовский историк ХХ в. В. М. Захаров назвал его «своеобразной летописью», заключая этот термин в кавычки [5, с. 3]. Обоснования такого определения жанра источника Захаров не приводит. Особенности так называемого дневника Скопина, которые позволяют отнести его к произведениям летописного жанра, рассматривались некоторыми исследователями [6].

Уточнение отдельных фактов биографии автора «дневника происшествий» подтверждает официальный характер этого сочинения, поскольку очень важные события из жизни Г. А. Скопина не нашли освещения в источнике.

Вопрос о причинах появления саратовской летописи именно в период царствования Екатерины II сам по себе вызывает интерес. Прежде всего следует обратить внимание на значение летописной традиции для развития исторического знания в XVIII в. Летописи имели глубокие корни в духовной жизни восточнославянских земель и были здесь наиболее характерной формой историописания в эпоху Средневековья. В XVII в. летописная традиция, как пишет М. Б. Свердлов, продолжалась в значительно трансформированном виде, по сравнению с предыдущим столетием, а в XVIII в. она существовала уже в условиях формирования литературы и исторической науки [7, с. 62]. Однако летописная форма исторических сочинений оставалась актуальной в России до конца XVIII в. На обширной территории России, а позднее в различных регионах Российской империи она существовала в разных условиях.

Форма и стилистика летописного жанра на территории Украины в XVI–XVII вв. меняется, как пишет Т. В. Войцеховская, под влиянием рационализма и культурных доминант эпохи барокко. Яркими образцами новых по форме и стилю изложений исторических произведений она называет казацкие «летописи» Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко, написанные социальной элитой Гетманщины (Запорожской Сечи) – казацкой старшиной в конце XVII – начале XVIII в. В современной исторической науке «летописи» казацкой старшины характеризуются как сложные многоплановые историко-литературные конструкции [8, с. 168]. Авторы этих произведений использовали, кроме летописных записей предшественников, собственные наблюдения и свидетельства очевидцев, официальные документы, вводили в текст стихи и панегирики. В летописях Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко содержится авторская оценка событий, что

было довольно редким явлением для предыдущих летописей [8, с. 169]. События в казацких «летописях» описываются не погодно, а отдельными рассказами, историями, сказаниями.

В восточной части Русского государства – Сибири – летописание в XVII – начале XVIII в. продолжало развиваться в традиционных формах. В 1636 г. дьяк Тобольского архиерейского дома Савва Есипов завершил Повесть о Сибири и сибирском взятии, которая стала центральным памятником сибирского летописания [9, с. 3]. Затем были осуществлены многократные переработки Основной редакции Есиповской летописи, создана ее Распространенная редакция, Книга записная – старшая разновидность Сибирского летописного свода. Этот летописный свод начал создаваться с середины XVII в. Я. Г. Солодкин пишет, что он возник «как общерусская провинциальная летопись, со значительным массивом “московских” свидетельств». Однако впоследствии свод превращается в сугубо провинциальное летописное сочинение [9, с. 204]. На рубеже XVII–XVIII вв. тобольский сын боярский С. У Ремезов составил Историю Сибирскую [9, с. 3].

Я. Г. Солодкин подчеркивает, что вывод об интенсивном и поступательном развитии летописной традиции в России в XVII в., который был сделан на «общерусском» материале А. Н. Насоновым, В. И. Корецким, В. И. Бугановым, А. П. Богдановым, подтверждается наличием нескольких редакций Сибирского летописного свода [9, с. 206]. Сибирские летописи привлекали внимание многих отечественных историков XX в. Они используются в качестве источников известий разнообразного характера. В частности, Я. Н. Рабинович в своих работах, посвященных саратовским воеводам, обращается к публикациям сибирских летописей. В статье о саратовском воеводе Аверкии Болтине историк использовал сведения одного из летописных сибирских памятников о пребывании его на воеводстве в Томске [10, с. 250]. Точные даты службы А. Болтина в сибирском городе – с 1652 по 1656 г. – устанавливаются не по летописи, а по другим документам.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в Сибири в XVII в. зародилось городское летописание вскоре после того, как Савва Есипов завершил свою Повесть. Вначале оно возникло в Тобольске [9, с. 3]. Позднее вследствие инициативы представителей местных светских и духовных властей краткие повременные записи появляются в Мангазее, Енисейске, Томске, возможно, Верхотурье [9, с. 206].

Саратовская летопись была создана в царствование Екатерины II. А. А. Севастьянова на основе изучения памятников провинциальной историографии XVIII в. пришла к выводу о том, что в екатерининскую эпоху возобновилась традиция «градских летописей». По ее

словам, «старая форма и жанр летописи, как и весь прежний летописный фонд с его традициями и приемами, были единственной готовой нормой в провинции для устремлений местных историков» [11, с. 101].

Одной из важных предпосылок для появления исторических трудов в русской провинции во второй половине XVIII в. А. А. Севастьянова называет формирование «государствоведческой линии развития истории» [11, с. 44]. Ее можно определить как результат фиксирования исторического знания в составе топографических описаний. Возникновение таких описаний связано с развитием статистики, которая рассматривалась как инструмент, необходимый для управления государством, и это обстоятельство определило ее первоначальное название – государственное [12, с. 72–73]. Исследователи называют представителями государственного В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, которые разрабатывали анкеты с целью изучения территории России и ее хозяйства.

А. А. Севастьянова подчеркивает значение анкет, разосланных в 1760 г. для «сочинения в провинциях ранних “топографических известий”» и для развития географо-исторической мысли [11, с. 63]. В фонде Государственного архива Саратовской области сохранился документ, который содержит ответы местных чиновников на одну из анкет 1760-х гг. Он, судя по содержанию, был составлен не ранее 1769 г. [13] и опубликован сотрудниками архива Ю. В. Майоровой и Н. В. Самохваловой, публикации предшествует небольшая статья [14, с. 240–245]. Ее авторы указывают, что Е. Н. Кушева использовала данную анкету в одной из своих работ и пришла к выводу, согласно которому саратовский документ – это ответы на анкету Шляхетского корпуса (она была составлена на основе вопросника Г.-Ф. Миллера) [14, с. 241–242].

Примечательно, что в названном документе нет ответа на поставленный вопрос о времени основания города и о его основателе. Можно предположить, что необходимость заполнения анкет (а в них обязательно были вопросы, касающиеся истории) заставила саратовских чиновников позаботиться о фиксировании местных событий в письменной форме. В середине XVIII в. в Саратове появились влиятельные государственные учреждения. В 1747 г. возникло соляное комиссарство (впоследствии – Низовая соляная контора) [15], а в 1766 г. – Саратовская контора опекунов иностранных поселенцев [16, с. 3]. К чиновникам этих учреждений при составлении упомянутых ответов на анкету обращались их коллеги из воеводской канцелярии, на что указано в тексте ответов. По содержанию летописи Скопина видно, что он получал из саратовских учреждений сведения о содержании присланных в них документов и о событиях, происходивших в России и за рубежом.

Так, в разделе текста за 1771 г. автор сообщает, что 16 января «пробежала почта из Астрахани в Оренбург, чтобы калмык бежавших перенять» [4, с. 6]. Сведения о «побеге калмык» за пределы Российской империи содержались в документе, который не был предназначен для оглашения в церкви. Саратовские чиновники узнали их из служебной переписки и передали местному летописцу. Далее, в разделе за 1772 г. Скопин говорит, что 5 ноября «видел письмо от государыни к Орлову, чтобы ему именовать князем по присланному от римского цезаря диплому» [4, с. 8]. Этот документ также не предназначался для оглашения в церкви, следовательно, и в данном случае Скопина ознакомили с ним в одном из местных учреждений. Саратовскому летописцу сообщали также сведения, полученные в частной переписке. В разделе за 1777 г. читаем: «Партикулярно писано из Петербурга, что было там наводнение великое с моря и великий ветер прошлого сентября 3 дня, вода была против [1]752 [года] пять четвертей более...» [4, с. 15].

Инициативу создания саратовской летописи, очевидно, поддерживала Астраханская епархия. Возложение каких-либо обязанностей на лиц духовного звания являлось прерогативой церковных властей. Причинами, по которым дьячок Герасим Алексеевич был избран для ведения местной летописи, можно назвать его личные качества. В. П. Соколов рассмотрел сохранившиеся устные свидетельства и тексты его сочинений (о втором сочинении Скопина «Дневной записке пешеходца» будет сказано далее). На их основании биограф сделал вывод, согласно которому Скопин отличался «замечательной любознательностью» и «самой искренней неподдельной любовью к тогдашней прессе и науке». Очевидно, из семейных преданий В. П. Соколов узнал, что Скопин выписывал для себя «газеты и много книг», начиная с 1760 г., много читал. Чтение это было целенаправленным, поскольку он делал выписки из научной литературы, «которые служили ему чем-то вроде справочной книги по вопросам науки и общегосударственной жизни», – отмечает В. П. Соколов [17, с. III]. Биограф пишет, что дьячок Скопин «представлял собой в среде современного ему духовенства явление едва ли не исключительное» [17, с. IV].

Епархиальная кафедра имела возможность ознакомить саратовского дьякона с летописями, которые послужили для Скопина образцами при составлении его сочинения в этом жанре. В XVII в. в Астрахани велась летопись астраханского Троицкого монастыря, был составлен хронограф астраханского архиепископа Пахомия, создан Золотаревский летописец. По замечанию А. Л. Клейтмана, на протяжении большей части XVIII столетия летописи в Астрахани не велась [18, с. 9].

Произведение, известное как Золотаревский летописец, не является летописью в полном смысле слова – его содержание охватывает незначительный период времени, поэтому при последней публикации оно получило наименование «Летописное сказание». Данное произведение, составленное в 1679 г., было опубликовано несколько раз в XIX в., а в XX в. издано под названием «Летописное сказание Петра Золотарева» [19]. В нем описаны события, происходившие в Астрахани с мая 1667 г., когда Степан Разин со своими казаками «переволокся» с Дона на Волгу по р. Камышенке до ноября 1671 г., когда в Астрахань вошел отряд боярина И. Б. Милославского.

А. А. Севастьянова считает, что в сохранившемся позднем городском летописании можно назвать около 20 «главных сочинений», которые следует отнести к «градским историям», созданным в традициях хроникального изложения [11, с. 75]. Ею привлекались к анализу именно городские летописцы второй половины XVIII в. А. А. Севастьянова выделяет критерии для причисления рассматриваемых сочинений к летописным памятникам. В первую очередь она принимает во внимание включение в текст повествования событий «не только текущих, но и уже прошедших» [11, с. 76].

В содержании сочинения Скопина отсутствуют сведения по истории Саратова до 1762 г. Поэтому оно не может быть признано «полноценной» летописью. Однако отбор фактов, использование определенных источников, характер изложения, отсутствие оценочных суждений и почти полное устранение авторского «я» в тексте показывают, что Скопин составлял именно летопись, а не дневник. В его распоряжении не было письменных свидетельств о событиях в Саратове до начала 60-х гг. XVIII в., он создавал летопись для будущих поколений местных историков.

Очерк жизни Г. А. Скопина был написан В. П. Соколовым и помещен в предисловии к публикации его сочинения [17]. Автор очерка воспользовался текстом самого Скопина для описания событий его жизни и для его характеристики. Кроме того, Соколов привлек и другие материалы. Биограф мог получить сведения от его внучки, которая ко времени опубликования летописи достигла преклонного возраста – 87 лет – и проживала в Саратове [20, с. XXV]. Вероятно, на основании официальных источников В. П. Соколов указал даты жизни Скопина – 1746–1797 гг. и отметил некоторые его служебные перемещения.

Большую часть своей жизни Скопин служил в саратовских церквях, занимая низшую должность в иерархии священнослужителей: был дьячком, а затем – дьяконом, службу свою начал в 14-летнем возрасте при Крестовоздвиженской

церкви. В. П. Соколов писал, что Скопин прослужил при этой церкви с 1760 по 1789 г., после чего был рукоположен в диакона в Сергиевской церкви [17, с. I]. Однако в самом тексте летописи ее автор указывает иную дату своего «определения к Сергию», которое состоялось еще до посвящения его в диакона – 1775 г. [4, с. 12]. Очевидно, вначале он служил в ней в качестве дьячка. О посвящении его в диакона в ту же Сергиевскую церковь он упоминает 1789 г. [4, с. 30].

На основании сведений, почерпнутых Соколовым из текста Скопина, в 1791 г. он был рукоположен в священника к Саратовской Спасо-преображенской церкви. Биограф пишет, что Скопин служил в ней «до самой кончины своей» [17, с. I]. Однако в тексте летописи имеются указания на перемещения ее автора к другим местам служения. В 1792 г. он был переведен в Казанскую церковь [4, с. 33], а в 1794 г. – в Вознесенскую [4, с. 35]. Тот факт, что Герасим Алексеевич действительно служил в Вознесенской церкви, подтверждается в примечании к составленной В. П. Соколовым биографии Скопина: «Из газет доселе сохранился (sic!) в архиве Герасима Ал^{ек}сеевича два №№ (35 и 36) «Московских ведомостей» от 30 апр^{еля}, 3 мая 1796 г. На первой странице на полях написано: «Сии Губернские Ведомости» следуют в губернский город Саратов Вознесенской церкви священнику Герасиму Алексеевичу Скопину»». В этом же примечании В. П. Соколов высказывает предположение, что адрес был написан, видимо, в редакции газеты и подчеркивает, что в тексте сочинения Скопина упоминается о получении им газет [4, с. III]. Биограф не обратил внимания как на эти сведения, так и на перемещения, которые были указаны самим автором летописи. Можно сказать, что В. П. Соколов не очень внимательно отнесся к изменениям в службе Скопина. Подтвердить тот факт, что с 1760 г. по 1775 г. он постоянно находился при Крестовоздвиженской церкви, на основании имеющихся сведений нет возможности.

Тем не менее биографический очерк, составленный В. П. Соколовым, представляет огромный интерес, так как источники к биографии Скопина не сохранились (фонд консистории был уничтожен в конце XIX в.). Рукопись сочинения «Дневник происшествий» после единственной публикации исчезла из поля зрения исследователей.

Определение жанра данного произведения было сделано А. Ф. Леопольдовым, который первым из саратовских историков обратился к его тексту. В «Историческом очерке Саратовского края» А. Ф. Леопольдова рукопись Скопина названа «ежедневными записками о разных предметах...саратовского священника Герасима Скопина» [21, с. 92]. В «Историческом очерке

Саратова и Пугачевщины» она охарактеризована как «дневник... смиренного дьяка Скопина» [22, с. 10]. В. П. Соколовым были высказаны сомнения относительно определения жанра этого сочинения. Он отметил, что название дневника не слишком к нему подходит. В. П. Соколов пишет, что «семейные обстоятельства» автора фиксированы в тексте «лишь отчасти» [17, с. V]. Это замечание справедливо.

Скопин упоминает собственную женитьбу, не называя имени своей жены. В тексте встречаются заметки о рождении в семье детей. Здесь, наоборот, называются имена без пояснений, что это сын или дочь самого Скопина. Таким же образом он сообщает и о смерти детей. Даты «преставления» своей матери, тестя и тещи также внесены автором в ткань повествования. К сожалению, из-за отсутствия примечаний публикаторов невозможно сказать, в какой части текста они находились, т. е. в основном тексте или в качестве приписок на полях. Упоминает Скопин и «определение» в Астраханскую семинарию собственного сына Николая и его женитьбу.

Все поездки автора повествования в Астрахань тоже внесены в текст, поскольку это были, скорее всего, посещения епархиального начальства (Саратов тогда относился к Астраханской епархии). Перемещения по службе Скопина фиксированы (вероятно, не полностью), включая и рукоположение в священники. Из других событий личной жизни он упоминает свои пешие путешествия в Киев, к святым местам, свой переезд «в новую избу» в 1784 г., а также получение в подарок многотомного собрания проповедей Платона. Очевидно, имеется в виду издание «Поучительные слова» Платона (Левшина), который с 1770 г. был архиепископом, а с 1787 г. – митрополитом. Было осуществлено несколько изданий его «Поучительных слов» [23, с. 422–430].

Следует подчеркнуть, что в те дни или месяцы, когда Скопин отсутствовал в Саратове (во время поездок по распоряжению начальства или паломнических путешествий в Киев), он описывал не то, что наблюдал за пределами города, а то, что происходило в Саратове. После открытия губернии в 1781 г. он включал в свое повествование события на территории губернии. Особого внимания заслуживает отсутствие рассказа о его собственном участии в событиях, которые происходили в Саратове в августе 1774 г., когда город был захвачен Пугачевым. Они стали началом тяжелого периода в его жизни. Сведения об этом находим в документах, которые сохранились в Государственном архиве Саратовской области. Отсутствие данных сведений в сочинении Скопина свидетельствует о том, что автор стремился фиксировать только официальную версию этих событий. Личное участие Скопина в них отражено в летописи опосредованно.

В целом повествование Скопина вполне согласуется с летописной традицией и весьма близко к составленным в XVIII в. городским летописям, в частности, к тем разделам Двинского летописца [24, с. 165–231] и летописца Льва Вологодина, которые относятся к этому столетию [25, с. 127–159]. Подобно авторам названных произведений Скопин видел свою задачу в отражении событий местного масштаба на фоне и в связи с жизнью всего государства.

В повествовании Скопина неизменно отмечалось все, что было связано с жизнью императорской фамилии и, соответственно, богослужениями, которые совершались в таких случаях. Столь же внимательно фиксировал саратовский летописец то, что удавалось ему узнать из официальных и из неофициальных источников о военных действиях в Азии и в Европе во время войн, которые вела Россия. Скопин передает вкратце и содержание разнообразных указов, которые поступали в Саратов из столицы. Основное его внимание обращено на факты, относящиеся к истории Саратова. И здесь почетное место занимают сведения официального характера: смена воевод, начальников Низовой соляной конторы и конторы иностранных поселенцев, возведение Саратова в ранг губернского города и открытие губернии, смена губернаторов, посещение города должностными лицами из столиц и высокопоставленными духовными особами.

Трагические события августа 1774 г., когда саратовцы сдались Пугачеву, описаны Скопным очень кратко. Сравнение текста источника с теми сведениями, которые содержатся в сохранившихся документах, свидетельствует о том, что он многое видел и много претерпел после ухода пугачевцев из города. Однако о своем участии в событиях Скопин не пишет. В тексте летописи сказано, что 6 августа 1774 г. «вор и бунтовщик Пугачев в Саратов пришел, и весь разграбил и многих побил до смерти, а комендант с командою ушел, отбил, а Салманов [майор] отдался с командою злодею». Далее идет сообщение о том, что 8 августа Пугачев ушел из города «на низ» [4, с. 10].

Подробности этих событий можно узнать из доношения, отосланного к астраханскому епископу Мефодию из саратовского духовного правления [26]. 6 августа пугачевцы ворвались в Саратов, согнали жителей на Соколову гору и в их присутствии учинили казни «разных чинов людей». 7 августа с утра казаки разъезжали по Саратову с распоряжением, чтобы «обыватели и вся чернь» шли в лагерь Пугачева. Казаки требовали, чтобы духовные лица Саратова явились в лагерь «с крестом и образами». Священнослужители, испугавшись угроз, которые слышали от казаков, пошли в лагерь Пугачева с образами, с крестом и Евангелием. Там было еще «множество народа».

В доношении описано, как перед народом явился Пугачев и как были «читаны два указа», о содержании которых авторы документа якобы не могли вспомнить. На следующий день в духовное правление Саратова из лагеря Пугачева была передана записка. В ней содержался текст – как «поминаль о здравии» лиц императорской фамилии во время литургии: «Благочестивейшего и самодержавнейшего великого государя императора Петра Феодоровича и супругу его благоверную государыню императрицу Иустинью Петровну». Далее были названы имена наследника цесаревича Павла Петровича и его супруги Натальи Алексеевны [26, с. 25]. Членам саратовского духовного правления пугачевцы угрожали каким-то наказанием, если священнослужители не будут молиться о здравии Петра III. Об угрозах в доношении нет конкретной информации. С 9 по 11 августа в саратовских церквях провозглашали многолетие по записке, полученной из лагеря Пугачева.

Интересные подробности о том, что происходило в Саратове с 6 до 11 августа, описаны в том же доношении. Перед тем, как сказать о разорении «домов всех жителей», разграблении «казенных сумм» и уничтожении «всяких дел» в учреждениях, авторы доношения не преминули сообщить, что «выходы с казенным вином и все питейные дома растворены были, брать соль, а в магазинах хлеб дана была всем вольность, сколько кто может, безвозбранно бери и довольствуйся» [26, с. 27]. В повествовании Скопина данные подробности отсутствуют. После сообщения об уходе Пугачева 8 августа из города он пишет, что 11 августа в Саратов начали прибывать команды правительственных войск и называет имена их командиров [4, с. 10].

Из записки Скопина о более поздних событиях все-таки можно узнать о том, что саратовское духовенство участвовало в торжественной встрече Пугачева и что на литургиях молились за здоровье Петра III. 18 сентября 1774 г., как сказано в летописи, «Саратовское духовенство все посажено под караул за встречу Пугачеву, а кто его имя поминал на службе, те острижены и посажены в острог» [4, с. 10]. Так косвенно Скопин обозначает свое участие в торжественной встрече Пугачева и арест, которому он подвергся.

По определению Синода от 20 августа 1774 г. духовные лица Саратова должны были быть лишены священнического чина и преданы гражданскому суду [27, л. 39 об.]. В следственных материалах сказано, что «все саратовское духовенство» ходило на поклон «в стан злодейской» [27, л. 51]. По первоначальному подсчету их было 60 чел. [27, л. 53 об.]. Саратовские священнослужители были «взяты к следствию под караул» по приказу генерал-аншефа П. И. Панина [27, л. 51 об.].

О том, что Скопин действительно участвовал во встрече Пугачева, известно из допросных

речей. Сохранились подлинники ответов духовных лиц во время следствия, среди них – ответы Скопина. Он был допрошен 22 сентября 1774 г. В подлинной записи допросных речей имеется его собственноручная подпись: «К сему допросу Герасим Алексеев руку приложил». Из документа видно, что во время взятия Пугачевым Саратова он был дьячком Вознесенской церкви. На допросе Герасим Алексеевич показал, что ходил «со крестами к злодею Пугачеву в ставку», а 9 августа был на «благодарном молебне» о «взятые города Нарвы» в Троицком соборе и «поминование на возгласе дьякона Сергея Иванова имя Петра Третьего слышал» [27, л. 16].

Дьячок Вознесенской церкви Герасим Алексеев вполне может быть идентифицирован с Герасимом Алексеевичем Скопиным. Среди допрошенных духовных лиц Саратова второго человека с таким именем не было. Саратовский летописец, очевидно, стал известен под фамилией Скопин после того, как фамилия была присвоена его сыну Николаю при поступлении его в Астраханскую духовную семинарию. Упомянутая в летописи под 1789 г. о женитьбе сына он называет его фамилию – Скопин [4, с. 30].

Саратовский летописец подвергся наказанию наряду с другими священнослужителями города, хотя лично о себе он в летописи не пишет, а лишь сообщает, что 6 мая 1775 г. «саратовских священно- и церковнослужителей лишили всех чинов и разрешили от проклятия». 8 июля их выслали в Астрахань. Все это время духовные лица продолжали содержаться под арестом. Примечательно, что, находясь в заключении, Скопин не прерывал записей о событиях, происходивших в Саратове. В начале августа последовало распоряжение о помиловании саратовского духовенства. 5 августа 1775 г. «священство саратовское и во всей епархии прощены, которые были лишены сана по Пугачеву делу...» [4, с. 11–12]. Очевидно, это было связано с публикацией «милостивого манифеста» императрицы. Повествуя о «прощении», Скопин упоминает в летописи о собственной судьбе. Как всегда, в подобных случаях он пишет не от первого лица: 9 сентября «из Астрахани выехал, определенным к Сергию» (т. е. к Сергиевской церкви) [4, с. 12].

Таким образом, в сочинении Скопина отсутствуют подробности событий, которые он наблюдал во время захвата пугачевцами Саратова и в которых сам участвовал. О том, что он давал показания на следствии, автор летописи не упоминает. О пребывании его в заключении вместе с другими «впадшими в преступление» духовными лицами можно догадаться только по косвенным указаниям в тексте. Эти особенности повествования Скопина свидетельствуют об официальном характере составленного им документа, который изначально должен был выполнять функцию летописи.

Отметим, что Г. А. Скопин хорошо представил разницу между личным дневником и официальной летописью, это видно по опубликованному в том же «Саратовском историческом сборнике» дневнику его путешествия к святым местам в Киев. Он носит название «Дневная записка пешеходца саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова» [28]. Название приведено публикаторами без оговорок. Это обстоятельство позволяет полагать, что здесь дано авторское наименование текста. В нем описывается путешествие в Киев, совершенное Скопиным летом 1787 г. Публикация воспроизводит только ту часть текста, которая касается происшествий по дороге в Киев.

При описании своего путешествия к святым местам Скопин вел повествование от первого лица, и главная цель автора здесь – фиксирование многообразных личных впечатлений и наблюдений. В текст включены все подробности походного быта, встречи с людьми, рассуждения морального характера по поводу всяких происшествий. Следовательно, «дневная записка», дневник для Скопина – вполне определенный жанр, существенно отличающийся от официальной летописи, которую он вел в Саратове. Недаром Скопин не внес в городскую летопись никаких подробностей о своих путешествиях к святым местам, а только упоминал о них.

Наличие в опубликованном тексте летописи Скопина немногочисленных сведений из его собственной жизни может объясняться тем, что данный текст не был окончательным «чистовым» вариантом его сочинения. На данное обстоятельство может указывать отсутствие заглавия в рукописи, с которой осуществлена публикация. Так, В. П. Соколов предположил, что Г. А. Скопин «вел еще и другие записки, обнимавшие собой период в 30 лет. В этих записках заключались сведения, касавшиеся исключительно общественной жизни Саратова и необычайных явлений в природе физической и нравственной» [17, с. VIII].

Предположение Соколова, возможно, основано на высказывании А. Ф. Леопольдова, которое содержится в его «Историческом очерке Саратовского края». Там имеется указание на то, что он использовал «записки» Скопина, «которые вел их постоянно около 30 лет» [21, с. 92]. Леопольдов почерпнул из них описания необычных природных явлений за 1762–1770 гг., о которых повествовал Скопин. Рассказ Леопольдова содержит подробности, которых нет в опубликованном тексте летописи. Это дает основание предположить, что существовал другой вариант ее текста, именно он и был использован Леопольдовым. Этот окончательный вариант, вероятно, содержал сведения «касавшиеся исключительно общественной жизни Саратова», как предполагал

В. П. Соколов. Обстоятельства личной жизни автора в нем отсутствовали.

Несмотря на то, что текст сочинения Скопина дошел до нас только в опубликованном варианте, который не был окончательным, основные его особенности свидетельствуют о том, что его автор составлял летопись, повествующую о жизни Саратова и его окружи. Наличие опубликованной «Дневной записки пешеходца» этого же автора показывает, что Скопин хорошо понимал разницу между дневником и летописью.

Список литературы

1. Рабинович Я. Н. К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-2-237-244>
2. Рабинович Я. Н. «Новая саратовская летопись» о событиях 1616–1641 гг. в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 104–109.
3. Клеймёнова С. В. «Я на Саратове в печалех своих обретаюсь...»: Павел (Паисий) Дубенской // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 79–83. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-79-83>
4. [Скопин Г. А.] Дневник происшествий Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Т. 1. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. [1], III, VIII, 592 с., 1 портр. С. 1–40.
5. Захаров В. М. Саратовская ученая архивная комиссия и ее преемники: Саратовская ученая архивная комиссия в 80–90-е гг. XIX в. Балашов : Печатное агентство «Спектр», 2002. 122 с.
6. Майорова А. С. История города в контексте истории государства (Саратовская городская летопись второй половины XVIII века) // Историографический сборник : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 21 / отв. ред. С. А. Мезин. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. С. 80–101.
7. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб. : Нестор-История, 2011. 916 с.
8. Войцеховская Т. В. Трансформация летописного жанра в раннеמודерную эпоху на территории Гетманщины // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии (Витебск, 25–27 апреля 2019 г.) / отв. ред. М. Ф. Румянцев. Витебск : Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2019. С. 168–170.
9. Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй

- половины XVII века. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2011. 211 с.
10. Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Аверкий Федорович Болтин (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>
 11. Севастьянова А. А. История и историки в провинции и в столицах : сборник трудов по истории, историографии и регионоведению России XVIII–XX веков. М. : Квадрига, 2020. 368 с.
 12. Соколов Я. В., Еременко Т. В. Первая научная парадигма статистики // Вопросы статистики. 2011. № 1. С. 71–74.
 13. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 407 (Саратовская губернская ученая архивная комиссия). Оп. 2. Д. 1555.
 14. Майорова Ю. В., Самохвалова Н. В. Саратов второй половины XVIII в. в ответах на неизвестную анкету // Саратовский краеведческий сборник : научные труды и публикации / ред. В. Н. Данилов. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2005. Вып. 2. С. 240–245.
 15. Гераклитов А. А. Учреждение в Саратове соляного комиссарства (1747 г.) // Труды СУАК. 1911. Вып. 28. С. 1–37.
 16. Плева И. Р., Гусакова З. Е. Предисловие // Аннотированная опись Саратовской конторы иностранных поселенцев : в 2 т. Т. 1. М. : Готика, 2000. С. 3–8.
 17. Соколов В. П. Священник Герасим Алексеевич Скопин // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. С. I–VIII.
 18. Клейтман А. Л. Изучение проблем экономики, истории и культуры Нижнего Поволжья в научной мысли России конца XVIII – начала XX вв. СПб. : Нестор-История, 2018. 208 с.
 19. Летописное сказание Петра Золотарева // Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М. : Наука, 1968. С. 206–233.
 20. Соколов В. П. Протоиерей Николай Герасимович Скопин // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Т. 1. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. [1], III, VIII, 592 с., 1 портр. С. IX–XXXIX.
 21. [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова. М. : В типографии С. Селивановского, 1848. 195 с.
 22. [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратова и Пугачевщины. Сочинение А. Леопольдова. Изд. второе. Саратов : Типография Ищенко, 1874. 66 с.
 23. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800 : в 5 т. Т. 2 : К–П. М. : Издание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1964. 514 с.
 24. Двинской летописец. Пространная редакция // ПСРЛ. Т. 33 : Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 165–231.
 25. Летописец Льва Вологодина // ПСРЛ. Т. 37 : Устюжские и вологодские летописи. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 127–159.
 26. Доношение присутствующих протопопов Саратовского духовного правления Алексея Иродионова и Онисима Герасимова епископу Астраханскому и Ставропольскому Мефодию // Майорова А. С. Саратов во время пугачевского восстания : сборник документов для семинарских занятий по истории Саратовского края. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2001. С. 24–29.
 27. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1361.
 28. [Скопин Г. А.] Дневная записка пешеходца саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова / под ред. В. П. Соколова. Т. 1. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. [1], III, VIII, 592 с., 1 портр. С. 41–74.

Поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

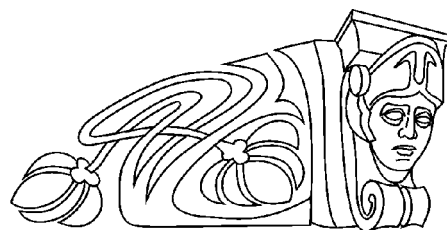
The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 401–408
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 401–408
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-401-408>, EDN: RUHUUZU

Научная статья
УДК 334.012.32(470.43-25)|18/19|+929Челышов

Образ самарского предпринимателя М. Д. Челышова

П. С. Кабытов[✉], А. Е. Михайлова

Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Кабытов Пётр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236
Михайлова Анастасия Евгеньевна, аспирант кафедры российской истории, mixajlova2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1844-9500>, AuthorID: 1199359

Аннотация. Процесс становления и развития предпринимательства затронул все сферы экономической и социокультурной сферы Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., что способствовало формированию нового слоя бизнес-сообщества, активно включенного в деятельность органов местного самоуправления и первого российского парламента. В настоящей статье предпринята попытка реконструкции биографии одного из видных предпринимателей Самарской губернии М. Д. Челышова, который, помимо экономической деятельности, участвуя в работе гласного городской Думы, городского Головы и депутата III Государственной Думы, занимался решением городских, региональных и общегосударственных проблем, что позволило определить характерные черты его личности.

Ключевые слова: Российская империя, Самара, Челышова, торговый дом, предпринимательские практики, городская Дума, М. Д. Челышов, III Государственная Дума, антиалкогольная пропаганда, социокультурные практики

Для цитирования: Кабытов П. С., Михайлова А. Е. Образ самарского предпринимателя М. Д. Челышова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 401–408. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-401-408>, EDN: RUHUUZU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Image of the Samara entrepreneur M. D. Chelyshov

Р. S. Kabytov[✉], А. E. Mikhailova

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Petr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236
Anastasia E. Mikhailova, mixajlova2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1844-9500>, AuthorID: 1199359

Abstract. The process of formation and development of entrepreneurship affected all spheres of economic and socio-cultural sphere of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries, which contributed to the formation of a new layer of business community, actively involved in the activities of local government and the first Russian parliament. In the present article an attempt to reconstruct the biography of one of the prominent entrepreneurs of Samara province M. D. Chelyshov, who in addition to economic activity, participating in the work of the city Duma, city head and deputy of the III State Duma was engaged in solving urban, regional and national problems, which allowed to determine the characteristic features of his personality.

Keywords: Russian Empire, Samara, the Chelyshovs, trading house entrepreneurial practices, city Duma M. D. Chelyshov, III State Duma, anti-alcohol propaganda socio-cultural practices

For citation: Kabytov P. S., Mikhailova A. E. Image of the Samara entrepreneur M. D. Chelyshov. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 401–408 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-401-408>, EDN: RUHUUZU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Функционирование торгово-промышленного предпринимательства в дореволюционной России на современном этапе развития российской историографии приобретает все большую актуальность. Научная разработка этой

проблемы осуществляется, как правило, с использованием многофакторного анализа и междисциплинарного подхода. В центре внимания – изучение роли частного предпринимательства в экономическом и социальном развитии как

в целом Российской империи, так и ее отдельных регионов. Помимо реконструкции правового пространства, в котором формировались те или иные направления и формы предпринимательской деятельности, а также развития торговых и промышленных предприятий исследователями предпринимаются попытки выявить роль отдельных предпринимателей в становлении и продвижении российского бизнеса. При реконструкции образа предпринимателя прежде всего акцентируется внимание на таких характеристиках, как пол и возраст, социальное происхождение, образование, конфессиональная принадлежность. Также важно учитывать, как справедливо отмечает российский психолог В. В. Позняков, ценностные ориентации личности, в которые органично входят такие компоненты, как реализация себя, своего внутреннего мира, сознательный выбор своей позиции и, безусловно, освоение коммуникативных практик, необходимых для взаимодействия с другими людьми, иные психологические установки благотворительной деятельности и т. д. [1, с. 412–413].

Отметим, что уже во второй половине XIX в. писатели и ученые стремились воссоздать образ российского предпринимателя. Примечательно, что слово «предприниматель», по данным В. В. Виноградова, возникает в этот же период, не ранее 40–50-х гг. XIX в. [2, с. 18]. Впервые оно встречается в «Толковом словаре» В. И. Даля, где составитель дает следующее определение этому слову: «“Предпринимать” означает “затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело, приступать к совершению чего-либо значительного”: отсюда “предприниматель” – “предпринявший” что-либо» [3, с. 400]. Состав дореволюционных предпринимателей традиционно определяется следующими группами: купцы, дворяне, мещане, крестьяне и иностранцы.

Яркие образы купцов представлены в пьесах А. Н. Островского. Если в раннем творчестве он отражал обстановку первой половины XIX в., то во второй половине XIX столетия в его творчестве произошла смена образа предпринимателя. Прослеживается эволюция от деспотичной, невежественной купчихи Кабановой [4], чтящей традиции, к Мокию Кнурову, сумевшему приспособиться к новому порядку и заработать миллионы, и Василию Вожеватову, человеку с воспитанием нравственным и патриархальным, по-европейски образованному [5]. В романе «Обломов» писатель И. А. Гончаров показал трудолюбивого Андрея Штольца как антипода дворянину Обломову [6]. Образ предпринимателя из крестьян Ермолая Лопахина воссоздан А. П. Чеховым в пьесе «Вишневый сад» [7]. И, конечно, нельзя не упомянуть чтящего патриархальные традиции Сергея Ивановича из произведения И. С. Шмелева «Лето Господне» [8].

Безусловно, в русской художественной литературе четко отражены новые тенденции соци-

альной и экономической жизни пореформенной России. Писатели уловили изменения понимания обществом статуса и роли предпринимателя. В общественном сознании стали превалировать такие высказывания: «Человек создан сам устраивать себя и даже менять свою природу<...> Нет человека, который бы не умел чего-нибудь, ей-богу нет!» [6, с. 255]. В значительной степени это было вызвано как принятием в 1863 г. «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов...» [9], которое способствовало ликвидации привилегии купечества на занятие предпринимательской деятельностью, так и ускорением модернизационных процессов в Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Параллельно с созданием литературного образа предпринимателя в художественной литературе исследователи приступили к изучению отечественной истории предпринимательства. На рубеже XIX–XX вв. основное внимание уделялось анализу «сущности» капитализма, экономических предпосылок зарождения частной предпринимательской деятельности. Причем эти проблемы рассматривались с точки зрения воздействия «Великих реформ» [10, 11].

Советские историки 1920–1930-х гг. сосредоточили внимание на научной разработке таких проблем, как роль иностранного предпринимательства, буржуазии как общественного класса, развития отраслей экономики [12–14]. Интерес к исследованию частной предпринимательской деятельности возрос в 1960-е гг. под воздействием концептуальных представлений историков «нового направления», которые были ими сформулированы на научных конференциях об особенностях аграрного строя России, о многоукладности экономики и мелкотоварном производстве. Однако авторы по инерции сохраняли традиционные концептуальные представления. В научных трудах акцент делался на изучении функционирования торговли и промышленности [15].

Историографическая ситуация изменилась в новейший период развития российской исторической науки, когда историки приступили к изучению биографий отдельных российских предпринимателей. Речь идет о научных трудах Т. М. Китаниной [16], А. Н. Боханова [17] и М. Н. Барышникова [18], обратившихся к социально-демографическим характеристикам предпринимателей. Значительный вклад в изучение предпринимательства внесла Г. Н. Ульянова, в работах которой дан анализ гендерного отличия бизнеса выдающихся женщин-предпринимательниц [19].

Изучение образа предпринимателя в Самарской губернии началось во второй половине XIX в. Видный общественный деятель П. В. Алабин в своих работах при характеристике самарского бизнес-сообщества обратил внимание на социальный состав, вероисповедание и места, откуда прибыли в Самару предприниматели

[20, 21]. Тогда же была издана книга, в которой анализировалась предпринимательская деятельность семьи Шихобаловых. В ней приведены сведения о составе семьи, выявлена социо-психологическая мотивация их промышленной и благотворительной деятельности [22].

В советский период в научной и краеведческой литературе основное внимание уделялось общим вопросам экономического развития Самарской губернии. Лишь иногда о предпринимателях упоминалось в контексте наиболее крупных и успешных предпринимательских форм: завод, фабрика, мельница, магазин и т. д. [23]. На современном этапе в исследовательской практике преобладают научные труды, в которых анализируется деятельность предпринимателей или семейных фирм, что позволяет представить реальный уровень социально-экономического развития Самарской губернии [24–26].

Опираясь на выводы П. В. Алабина, историки установили характерные черты самарского предпринимателя, которые затем транслировались в ряде новейших исследований. В итоге самарский предприниматель – мужчина средних лет, крестьянин по социальному происхождению, приехавший в Самарскую губернию в 1850–1870-е гг. либо из верхневолжских губерний, либо из Центральной России; в конфессиональном плане он или православный, или старообрядец. Отмечается, что его предпринимательская деятельность носила многоотраслевой характер. Следует подчеркнуть, что образ, составленный П. В. Алабиным, лишь один из типов образов предпринимателя, которые успешно реализовывали свой бизнес.

Складывание предпринимательства в Самарской губернии и формирование характерного образа предпринимателя не противоречило всероссийским тенденциям. Так, крестьянское предпринимательство было распространено во всей Российской империи. Особо следует отметить, что промышленность Российской империи создавалась благодаря таким крестьянским предпринимательским династиям, как Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Дордоновы и т. д. [27, с. 20].

Среди представителей самарского бизнес-сообщества особо выделялся предприниматель из крестьян Михаил Дмитриевич Челышов. Впервые о его вкладе в экономическую, политическую и общественную жизнь России в 1910-е гг. писали Н. Баянский и М. Меншиков. Так, они охарактеризовали его деятельность в качестве депутата III Государственной Думы, который с думской трибуны инициировал меры для решения проблемы пьянства в стране. Здесь же отражено отношение представителей различных слоев общества к инициативам Михаила Дмитриевича [28, 29]. В позднесоветской историографии интерес к личности и деятельности М. Д. Челышова возрос в связи с антиалкогольной кампанией,

предпринятой М. С. Горбачевым, для проведения которой использовался опыт дореволюционных и советских «борцов за народную трезвость» [30, 31].

Новые подходы к изучению биографии М. Д. Челышова прослеживаются в новейшей научной литературе. Исследователи стремились установить происхождение Челышова, проследить этапы становления его личности, факторы, повлиявшие на этот процесс. Обращалось внимание на необходимость изучения взглядов предпринимателя, участие его в работе органов местного самоуправления и III Государственной Думы. К числу таких работ можно отнести документальную повесть самарского писателя Д. В. Агалакова [32], а также статьи Г. В. Алексушина [33], Е. А. Бажанова [34], А. Демидова [35], П. Попова и Т. Карпина [36]. Характер муниципальной деятельности Челышова прослежен в работах самарского краеведа В. Н. Казарина [37]. Ряд историков обратились к отдельному аспекту биографии, анализу политической и общественной деятельности Челышова в III Государственной Думе [38]. Данные работы носят комплексный характер. В них можно найти ценную историческую информацию о законодательных предложениях Челышова, о социально-психологическом восприятии его деятельности и инициатив современниками. Особо следует отметить труды И. А. Шевченко [39], А. Л. Афанасьева [40], В. И. Мелехина [41], Е. П. Бариновой [42].

Вместе с тем в имеющихся работах недостаточно освещена предпринимательская деятельность М. Д. Челышова, поэтому цель настоящей статьи – реконструкция образа самарского предпринимателя, гласного самарской городской Думы и городского Головы, депутата III Государственной Думы Михаила Дмитриевича Челышова, который внес значительный вклад в развитие экономического и социокультурного пространства губернского центра и своими инициативами в III Государственной Думе способствовал активизации антиалкогольной пропаганды в Российской империи.

Настоящая статья написана на основе изучения научной литературы и документальных материалов личного происхождения (автобиография М. Д. Челышова и записи современников о нем), периодической печати и делопроизводственной документации «Торгового дома Д. Е. Челышов с сыновьями». Многообразная деятельность М. Д. Челышова реконструируется на основе многофакторного анализа и микроисторического подхода, а также методов новой биографической истории, что позволяет воссоздать жизненный путь Михаила Дмитриевича, определить его роль в истории города и страны.

Предприниматель Михаил Дмитриевич Челышов являлся лишь одним из участников семейного дела, а не единоличным собственником

бизнеса. Организатором предпринимательской деятельности Чельшовых был глава семьи Дмитрий Ермилович. Он родился в 1840-м, или в 1841 г. в крепостной крестьянской семье во Владимирской губернии, где и стал осваивать предпринимательские практики. Это было вызвано в первую очередь тем, что в этом регионе владельцы помещичьих имений практиковали оброчную систему, так как барщина была для них невыгодна из-за малоземельных имений и природно-климатических условий. Братья Чельшовы Дмитрий и Логин стали заниматься кровельными, малярными и стекольными работами [32, с. 21]. Отмена крепостного права в 1861 г. способствовала увеличению числа заказов. Однако ситуация в регионе изменилась в конце 70-х гг. XIX в., когда резко возросло число предпринимателей в строительной отрасли, а потому усилилась конкурентная борьба за заказы. Учитывая эти факторы, семья Чельшовых приняла решение переехать в другой регион. Свой выбор они остановили на Самарской губернии.

Образованная в 1851 г. Самарская губерния находилась в самом начальном пути становления и развития предпринимательских практик. В этом плане она отставала как от регионов Центральной России [43, с. 16], так и от средневожских губерний. Например, дворяне и купцы Пензенской губернии активно включились в предпринимательскую деятельность уже в первой половине XIX в. Первый же этап развития предпринимательства в Самарской губернии приходится на 50–60-е гг., когда стали создаваться промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. А вскоре в силу объективных и субъективных факторов губерния из догоняющей вступила на тот же путь экономического развития, что и другие губернии Среднего Поволжья.

Российский публицист Н. В. Шелгунов отмечал особенности освоения территории Самарской губернии: «Сюда бежал и здесь селился народ отовсюду, и в России, кажется, нет губерний, где была бы такая смесь всяких людей. Сюда набежали хохлы, русские, татары, немцы; здесь вы найдете и потомков стрельцов, и потомков казаков, и потомков беглых солдат и раскольников. По религиям смесь еще больше: молокане, раскольники, православные, магометане, католики, лютеране» [44, стб. 376]. «Переселенцев» из других регионов Российской империи и иностранцев привлекали в Самарской губернии многие факторы, прежде всего, благоприятные условия для открытия бизнеса, отсутствие конкуренции, формирование новой российской житницы в степных уездах.

Старообрядческая семья Чельшовых состояла из главы семейства и трех его сыновей. Имея большой опыт строительных практик, Чельшовы активно включились в экономическое пространство Самарской губернии и в строительной

отрасли стали своего рода новаторами. В Самарской губернии в тот период преобладали такие типичные предпринимательские практики, как занятия земледелием, торговлей, промышленной переработкой сельскохозяйственной продукции, в том числе производством муки на ветряных и водных мельницах [45]. Чельшовы по инерции продолжили выполнять малярные и кровельные работы в Самаре, в Оренбургской губернии и на территориях Самаро-Златоустовской железной дороги, что обеспечило вскоре их вхождение в число крупнейших предпринимателей Самарской губернии.

В юбилейном издании, посвященном 300-летию дома Романовых, содержится историческая справка о предпринимательском деле Чельшовых: «В настоящее время Торговый дом “Чельшев с С-ми” владеет несколькими лучшими домами в Самаре, первоклассной Торговой баней, механической крупчатой и просообдирной мельницей, асфальтовым заводом, участком земли в количестве 963 десятин в Бузулукском уезде (в совладении с Н. В. Мокрушиным) и т. д. Развитию дела, кроме самого Дмитрия Ермиловича, способствовали, благодаря своей энергии, сыновья его: Михаил Дмитриевич (член 3-ей Государственной Думы, Самарский Городской Голова), Дмитрий Дмитриевич (Директор-распорядитель Торгового дома) и Александр Дмитриевич (инженер, заведующий мельницей)» [46, б/н].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в тот период многоотраслевое семейное предпринимательское дело Чельшовых находилось на пике своего экономического благополучия. Оборотный капитал Чельшовых достиг 700 тыс. руб. Он делился на 10 равных паев, каждый пай составлял 70 тыс. руб. Глава торгового дома Дмитрий Ермилович оставил себе 4 пая, что составляло 280 000 руб., остальные 6 паев, или 420 000 руб., распределялись следующим образом: Михаилу Дмитриевичу досталось 2,5 пая, или 175 тыс. руб. Дмитрию Дмитриевичу предоставили 2 пая, или 140 тыс. руб., на долю Александра Дмитриевича пришлось 1,5 пая, что составляло 105 тыс. руб. «Торговый дом Д. Е. Чельшов с сыновьями» стал всероссийским предприятием. Его филиалы функционировали в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Казани и по всему Транссибу [47, л. 2].

Значимая роль в управлении семейного дела отводилась сыновьям Дмитрия Ермиловича, который осуществлял им трансфер традиционных предпринимательских практик. Вместе с тем он успешно реализовывал то новое, что стало реальностью во второй половине XIX в. и, безусловно, позитивно относился к использованию в бизнесе новых предпринимательских практик и технических средств производства.

В этом плане особенно проявлял стремление к модернизации бизнеса и использованию

новинок в строительстве старший сын Дмитрия Ермиловича Михаил Дмитриевич, который с юных лет был вовлечен в предпринимательскую деятельность, активно занимался самообразованием, что свидетельствует о его высокой грамотности, которая в полной мере проявилась в его выступлениях с трибуны III Государственной Думы. Также его отличали мирская аскеза, высокая религиозность, ответственное отношение к делу и прагматизм, что, по мнению В. В. Керова, составляет особую хозяйственную культуру старообрядцев [48, с. 265]. Все эти качества в полной мере проявились при реализации его предпринимательской и общественно-политической деятельности.

Исходя из современной трактовки понятия «предприниматель» – владелец предприятия, фирмы; предприимчивый и практичный человек [49, с. 872], одной из основных составляющих образа предпринимателя являлась экономическая деятельность по ведению дел фирмы. Так, о реальном участии Михаила Дмитриевича в управлении семейным бизнесом свидетельствует распределение обязанностей в Торговом доме: первоначально члены семьи управляли хоть и номинально, но совместно. Но уже в 1906 г. все управление доходными домами переходит к Михаилу Дмитриевичу. Смерть Дмитрия Ермиловича Чельшова в 1915 г. стала ключевым моментом в развале семейного дела.

Однако Михаил Дмитриевич, прежде всего, был нацелен не на получение прибыли, а на качество работы: он был ответственным человеком, для него честь фамилии была значимей высокой прибыли. После переезда в Самару вместе с рабочими своего отца с утра и до вечера он красил крыши и стеклил окна [50, л. 1]. Позже, достигнув состоятельности и заработав громкое имя, он контролировал строительство доходных домов, проверяя крепость оконных рам, сбрасывая их с крыши [36]. Когда жители пытались опорочить репутацию строителя Чельшова и подавали иски о нарушении им строительного устава, суд доказывал обратное: рабочие «Торгового дома Д. Е. Чельшов с сыновьями» соблюдали все технологии строительства [51, л. 3–5]. Доходные дома были построены в русском стиле, возводились «на века» и среди горожан во все времена назывались «чельшовскими домами». В домах Чельшова располагались многие государственные и общественные учреждения: окружное акцизное управление, губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие, самарско-уральское управление земледелия и государственных имуществ и т. д. [52, с. 15]. Это также свидетельствует о доверии горожан и власти к «Торговому дому Д. Е. Чельшов с сыновьями», о признании их бизнеса как «гаранта качества».

Помимо качества строительства доходных домов и Торговой бани, Михаил Дмитриевич

стремился к тому, чтобы сделать их не только доступными, но и комфортными для горожан. Так, в его бане был установлен лифт, заработали собственная электростанция и прачечная. Юрий Мейер, корнет лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, оставил воспоминания о своих детских и юношеских годах в Самаре, когда он с семьей жил в доме Чельшова, которого Ю. Мейер считал богатым купцом, владевшим несколькими жилыми домами и большой баней в Самаре. Далее он писал о том, что его семья жила «на Саратовской улице, в квартире из 6 комнат с балконом, на третьем этаже». Особо он выделяет 1903 г. – время, когда произошла, по его мнению, техническая революция. Мейер отмечал, что в их квартире появилось электрическое освещение, а в кабинете отца установили «телефон с трубкой и рукояткой» [53].

Итак, предприниматель второй половины XIX – начала XX в. не просто экономический деятель, стремящийся получить выгоду, а человек, заботящийся о народе и выражающий свою заботу через повышение доступности технических средств горожанам, активно занимающийся благотворительной деятельностью. К тому же именно в период реализации Великих реформ начался процесс формирования гражданского общества в России. Для предпринимателей появилась возможность реального участия не только в выборах, но и в деятельности органов местного самоуправления – городских думах и земствах. Включение представителей бизнес-сообщества в состав органов местного самоуправления способствовало формированию еще одной новой характеристики образа предпринимателя – публичности, позволяющей им транслировать проблемы народонаселения на всех уровнях властных структур. Михаил Дмитриевич сумел не только осознать эти изменения, но и отразить их в своих выступлениях в III Государственной Думе: «До 1905 года трудовое население не могло и не умело громко заявлять о своих нуждах» [54, с. 3].

Семья Чельшовых воспользовалась ситуацией формирования гражданского общества и приняла решение делегировать М. Д. Чельшова в Самарскую городскую Думу. По мнению А. Демидова, включение Михаила Дмитриевича в политику носило корыстный характер: Дмитрий Ермилович отправил своего старшего сына Михаила в политику, чтобы тот содействовал делам семейной фирмы [35]. Вряд ли с этим можно согласиться. Конечно, М. Д. Чельшов мог в Думе лоббировать интересы своего семейного бизнеса, но важно другое. Будучи гласным, он приобрел большой опыт коммуникативных практик, участия в обсуждении тех или иных проектов модернизации экономического и социокультурного городского пространства. Этот опыт он использовал в полной мере как в стенах III Государственной Думы, так и при выполнении

функций городского Головы. Так или иначе, Михаил Дмитриевич в 1892 г. был избран гласным городской Думы. Его авторитет как предпринимателя и общественного деятеля был столь высок в городском обществе, что в 1907 г. его избрали депутатом III Государственной Думы, а в 1909 г. – городским головой Самары.

Все свои силы Чельшов направил на антиалкогольную пропаганду и разработку антиалкогольного закона. Он первым в Российской империи выступил с этой инициативой, что не могло не взбудоражить российское общество. В своих речах Михаил Дмитриевич как предприниматель говорил о вреде алкоголя для развития экономики и промышленности государства, как старообрядец подчеркивал греховность алкоголизма, как гражданин выражал обеспокоенность боеспособностью российской армии, отмечал пагубное воздействие алкоголя на сокращение численности населения и высокий рост преступности. Выступая с думской трибуны с речами о вреде пьянства, Михаила Дмитриевич обосновывал необходимость борьбы с ним, подчеркивая, что это общегосударственная проблема, а он лишь доносит до народных избранников «голос народа» [54]. При этом он не только использовал приемы ораторского искусства, но и своим внешним видом демонстрировал свое «народное» происхождение: долгополая поддѣвка нараспашку, русская рубаха с поясом-шнурком, а на ногах высокие сапоги или валенки [55].

Реакция общественности на инициативы Чельшова была неоднозначной. Его поддерживал император Николай II, председатель Совета министров Российской империи П. А. Столыпин, русский писатель Л. Н. Толстой, который писал: «Он умный, думающий своим умом человек» [56, с. 146]. Широкою поддержку Чельшову оказал русский народ, который направлял в его адрес многочисленные письма, легшие в основу книги Михаила Дмитриевича «Пощадите Россию!...» [57]. Но был и широкий круг противников его инициатив. В либеральной периодической печати Чельшова называли «веселым человеком», «фантазером», тем, кто морально-этическое соображение о вреде пьянства не соотносит с экономическим доходом от продажи алкоголя [58]. Во время его выступлений в Государственной Думе многие депутаты своими громкими призывами требовали прервать речь М. Д. Чельшова. Современник Михаила Дмитриевича М. О. Меньшиков отмечал, что «речи Чельшова производят скандал и, что к нему даже друзья относятся с ироническим одобрением» [29, с. 531]. В газете «Голос Москвы» была дана следующая характеристика выступлениям Чельшова в Думе: «Речь его приводит палату в веселое настроение...» [59]. Однако М. Д. Чельшов продолжал твердо и неуклонно выступать против алкоголизации населения Российской империи.

Помимо антиалкогольной пропаганды, Михаил Дмитриевич как представитель старообрядческой веры, как предприниматель, заботившийся о своем городе, стремился внести личный вклад в развитие городского пространства. Но если другие предприниматели жертвовали свои денежные средства на строительство объектов социальной инфраструктуры, то Михаил Дмитриевич делал это в форме общественных инициатив, выступая на заседаниях городской Думы с проектами, которые способствовали модернизации городского пространства. В этом проявилась новая черта предпринимателя – публичность. Именно он инициировал вопрос об открытии в Самаре политехнического института [60, с. 69], постоянного моста через р. Самарку [61, с. 429], пуска трамвая [62, с. 489]. Им были построены казармы для размещения войск [63, с. 961], началось асфальтирование дорог. Чельшов участвовал в комиссиях по вопросу переустройства электростанции, ремонта водопровода, стремился к тому, чтобы экономить городской бюджет, но вместе с тем сделать качественную работу, которая бы позволяла длительное время обходиться без ремонтов.

Занимался Михаил Дмитриевич и благотворительной деятельностью в привычном понимании слова: «Благотворительный – безвозмездный и направленный на общественную пользу или же направленный на оказание материальной помощи неимущим» [49]. На его средства была построена церковь во имя святых великомучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Таким образом, Михаил Дмитриевич Чельшов соответствует всем характеристикам типичного для Самарской губернии второй половины XIX в. образа предпринимателя, который воспринял П. В. Алабин: происходит из старообрядческой крестьянской семьи, которая переехала в г. Самару из Владимирской губернии в 1870-е гг., занимается предпринимательским делом с самых ранних лет, но активная деятельность начинается в 1890-е гг., что подтверждает мысль Алабина о среднем возрасте предпринимателя – 30–40 лет. Основа семейного бизнеса была заложена отцом Дмитрием Ермиловичем Чельшовым, т. е. прослеживается патриархальный уклад семейного дела и традиционная старообрядческая преемственность ведения бизнеса. Однако Михаил Дмитриевич вместе с тем привносит в предпринимательское дело новые черты: он является не просто владельцем капитала, но и выступает активным участником собственного дела, выполняет строительные работы; стремится не только к получению максимальной выгоды, но и к внедрению новых коммуникаций и доступности их для горожан. Это характеризует особую хозяйственную культуру старообрядцев, их деловую этику. Также просматривается тенденция в эволюции образа предпринимателя,

уход от экономических мотивов к мотивам социальным. Еще одной новой чертой предпринимателя становится его публичность, которая нашла свое выражение в активном участии Чельшова в деятельности органов муниципальной власти и Государственной Думе. Следует подчеркнуть, что мотив заботы о населении, благотворительности тесно сочетается с публичностью: Михаил Дмитриевич выражает свою заботу о населении города не строительством объектов за свой счет, а постановкой проблемных вопросов на заседаниях городской Думы. На общероссийском уровне Чельшовым впервые был поднят вопрос о проблеме пьянства.

В конечном итоге можно говорить об усложнении образа предпринимателя Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в., о слиянии нескольких направлений его деятельности – экономической, политической, общественной и благотворительной; об эволюции предпринимательской деятельности, основой которой становится не личная выгода, а стремление к модернизации, к росту народного благосостояния.

Список литературы

1. Позняков В. В. Ценностные ориентации предпринимателей как факторы их самоопределения по отношению к другим участникам делового взаимодействия // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 411–418.
2. Виноградов В. В. О новых исследованиях по истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 3–18.
3. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка : в 4 т. СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1882. Т. 3. 584 с.
4. Островский А. Н. Гроза // Островский А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина. Т. 2 : Пьесы (1856–1866). М. : Искусство, 1974. С. 209–267.
5. Островский А. Н. Бесприданница // Островский А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина. Т. 5 : Пьесы. 1878–1884. М. : Искусство, 1975. С. 7–82.
6. Гончаров И. А. Обломов. М. : ЭКСМО, 2007. 608 с.
7. Чехов А. П. Вишневый сад. М. : АСТ, 2023. 352 с.
8. Шмелев И. С. Лето Господне. М. : АСТ, 2023. 480 с.
9. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями. Харьков, 1869. 82 с.
10. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Издательство политической литературы, 1971. Т. 3. 584 с.
11. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М. : Наука, 1997. 735 с.
12. Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М. : Книга, 1922. 308 с.
13. Гиндин И. Ф. Банки и промышленность в России: к вопросу о финансовом капитале в России. Л. : Акционерное общество «Промиздат», 1927. 207 с.
14. Пичета В. И. История народного хозяйства в России XIX–XX вв. Начало индустриализации и разложение крепостного хозяйства М. : Русский книжник, 1922. 128 с.
15. Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России в 1861–1900 гг. М. : Мысль, 1974. 281 с.
16. Китанина Т. М. Конец крупнейшей волжско-сибирской торговой фирмы: национализация предприятий торгового дома «И. Г. Стахеева наследники» 1917–1918 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 60–66. <https://doi.org/10.17223/19988613/48/9>
17. Боханов А. Н. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX веков // История СССР. 1990. № 4. С. 88–101.
18. Барышников М. Н. Женщина в структуре российского предпринимательства в начале XX века // Факты и версии: Историко-культурологический альманах / ред. и сост. В. Ю. Жуков. Исследования и материалы : в 4 кн. Кн. 2 : Из истории экономики. СПб. : Санкт-Петербургский Международный Институт Менеджмента, 2001. С. 51–64.
19. Ульянова Г. Н. Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX в. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.
20. Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города : историко-статистический очерк. Самара : Издание Самарского статистического комитета, 1877. 744 с.
21. Алабин П. В. Трехвековая годовщина г. Самары (1586–1886 гг.). Самара : Губернская типография, 1887. 215 с.
22. Антон Николаевич Шихобалов: Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1912. 300 с.
23. Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1981. 199 с.
24. Алексушин Г. Самарский миллионщик Антон Шихобалов // Самарская газета. 1996. 27 февр.
25. Казарин В. Н. Пивной король и наследники (1880–1929). Самара : Новая техника, 2001. 96 с.
26. Самарский купец и общественный деятель Егор Никитин Аннаев. К 195-летию со дня рождения: библиографический дайджест / сост. С. Н. Топорова. Самара : ЦГБ им. Н. К. Крупской, 2021. 30 с.
27. Платонов О. А. 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М. : Современник, 1995. 478 с.
28. Баянский Н. Почему М. Д. Чельшов не попал в IV Государственную Думу. СПб. : Тип. Александрово-Нево-ва трезвости, 1913. 19 с.
29. Меньшиков М. О. Как воскреснет Россия? СПб. : Русская симфония, 2007. 668 с.
30. Протько Т. С. В борьбе за трезвость. Минск : Наука и техника, 1988. 163 с.

31. Шевурдин С. Н. Со злом бороться эффективно. М. : Мысль, 1985. 80 с.
32. Агалаков Д. В. Апостол народной трезвости. Михаил Дмитриевич Чельшов. Самара : Самарское отделение Литфонда, 2015. 215 с.
33. Алексушин Г. В. Во главе Самары. Самара : Самарский дом печати, 1999. 365 с.
34. Бажанов Е. А. Апостол народной трезвости // Новая эпоха. 2014. 14 окт.
35. Демидов А. Тайны семейства Чельшевых. URL: <https://proza.ru/2015/11/12/433> (дата обращения: 01.11.2023).
36. Попов П., Карпин Т. Наши градоначальники 100 лет назад (продолжение) // Вечерняя Самара. 2010. № 22 (11088). URL: <https://kraeham.livejournal.com/36539.html> (дата обращения: 01.11.2023).
37. Казарин В. Н. Возрожденные имена. Самара : Управление государственной архивной службы Самарской области, 2004. 236 с.
38. Кабытов П. С., Баринаева Е. П. Самарий Голова и депутат III Государственной Думы М. Д. Чельшов // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность / отв. ред. В. А. Векременко. СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2016. С. 311–318.
39. Шевченко И. А. Антиалкогольный вопрос в Государственной Думе III созыва // Грамота. 2016. № 12 (74). С. 207–211.
40. Афанасьев А. Л. Всероссийские съезды по борьбе с пьянством. III Государственная Дума и трезвенное движение в Сибири и на Дальнем Востоке в 1910–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 63–67.
41. Мелехин В. И. М. Д. Чельшов – государственный и общественный деятель России // Собириология. 2015. № 4 (6). С. 9–25.
42. Баринаева Е. П. Антиалкогольная политика правительства в оценках российских предпринимателей в 1914–1916 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2 (93). С. 94–100.
43. Егорова Г. С. Предпринимательская деятельность династий купцов-старообрядцев Владимирской губернии (вторая половина ХУШ в. – 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012. 28 с.
44. Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни. СПб. : О. Н. Попова, 1895. 1098 стб.
45. Тагирова Н. Ф. От купца до финансового магната: этапы становления крупного российского бизнеса во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере династии Стахеевых) // Материалы IV Международных Стахеевских чтений (Елабуга, 1–2 октября 2009 г.). Елабуга : Издательство ЕГПУ, 2009. URL: https://kpfu.ru/docs/F635966410/Sbornik_IV_Staheevskih_chtenij.pdf (дата обращения: 16.10.2023).
46. Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых. М. : М. С. Гугель, 1913. 542 с.
47. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 153 (Самарская городская управа). Оп. 37 сч. Д. 251.
48. Керов В. В. Купцы и крестьяне: две модели старообрядческой хозяйственной культуры? // Экономическая история. Ежегодник / гл. ред. Ю. А. Петров. 2022. М. : Институт российской истории РАН, 2023. С. 259–280.
49. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М. : Мир и образование, 2019. 1376 с.
50. ЦГАСО. Ф. Р-558 (Самарское научное краеведческое общество (1919–1931)). Оп. 1. Д. 273.
51. ЦГАСО. Ф. 8 (Самарский окружной суд). Оп. 2. Д. 3207.
52. Вся Самара (Спутник-указатель). Саратов : Издательство П. Кочергин, 1911. С. 15.
53. Мейер Ю. К. Записки белого кирасира. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-memuary/237294-22-yurij-mejer-zapiski-belogo-kirasira.html#text> (дата обращения: 01.11.2023).
54. Речи М. Д. Чельшева, произнесенные в Третьей Государственной думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб. : Тип. Алекс.-Нев. о-ва трезвости, 1912. 786 с.
55. Меньшиков М. О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. № 11393.
56. Толстой Л. Н. Письма к В. Г. Черткову (1905–1910) // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Терра-Terra, 1992. Т. 89. 352 с.
57. Чельшов М. Д. «Пощадите Россию!» Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством. Самара : Типо-литография З. Л. Гордон и К°, 1911. 232 с.
58. С кем мы имели дело // Жигули. 1912. № 1.
59. Из Думы // Голос Москвы. 1907. № 275.
60. Журнал чрезвычайного заседания Самарской городской Думы № 5. 23 января 1910 г. // Журналы Самарской городской Думы за 1910 год. Самара, 1910. С. 61–65.
61. Журнал Самарской городской Думы № 14. 25–26 июня 1909 г. // Журналы Самарской городской Думы за 1909 год. Самара, 1909. С. 415–436.
62. Журнал Самарской городской Думы № 21. 15 июля 1910 г. // Журналы Самарской Городской думы за 1910 год. Самара, 1910. С. 489–542.
63. Журнал Самарской городской Думы № 31. 27, 28 и 29 октября 1910 г. // Журналы Самарской городской Думы за 1910 год. Самара, 1910. С. 955–1015.

Поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 409–413
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 409–413
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-409-413>, EDN: TPDITC

Научная статья
УДК 271.2-774(470.55/.58-21) |1917/1928|

Деятельность городских православных приходов горнозаводского Южного Урала в 1917–1928 годах в документах архивов Челябинска и Златоуста

С. А. Сергеев

Челябинский государственный институт культуры, Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, д. 36А

Сергеев Сергей Александрович, аспирант кафедры истории, музеологии и документоведения, zlatoust8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7288-218X>, AuthorID: 1028124

Аннотация. В статье предпринят обзор письменных источников двух крупных архивов Челябинской области, отражающих деятельность православных приходов крупных промышленных поселений горнозаводского Южного Урала в годы революционных потрясений и становления советской власти. Выявляются состав, особенности содержания, информационная насыщенность документов. Несмотря на ограниченность информации, содержащейся в источниках исследуемого периода, рассматриваемые документы позволяют составить общую картину деятельности православных приходов.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Великая Российская революция, горнозаводской Южный Урал, православный приход, промышленные центры, письменные источники, метрические книги, клировые ведомости

Для цитирования: Сергеев С. А. Деятельность городских православных приходов горнозаводского Южного Урала в 1917–1928 годах в документах архивов Челябинска и Златоуста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 409–413. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-409-413>, EDN: TPDITC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The activities of the urban Orthodox parishes of the mining and processing Southern Urals in 1917–1928 in the documents of the archives of Chelyabinsk and Zlatoust

S. A. Sergeev

Chelyabinsk State Institute of Culture, 36A Ordzhonikidze St., Chelyabinsk 454091, Russia

Sergey A. Sergeev, zlatoust8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7288-218X>, AuthorID: 1028124

Abstract. The article reviews the written sources of two large archives of the Chelyabinsk region, reflecting the activities of Orthodox parishes of large industrial settlements of the mining and processing Southern Urals during the years of revolutionary upheavals and the formation of Soviet power. The composition, features of the content, and information saturation of documents are revealed. Despite the limited information contained in the sources of the period under study, the documents described allow us to draw up an overall picture of the activities of Orthodox parishes.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Great Russian Revolution, the Mining Southern Urals Orthodox parish, industrial centers, written sources, metric books, clerical records

For citation: Sergeev S. A. The activities of the urban Orthodox parishes of the mining and processing Southern Urals in 1917–1928 in the documents of the archives of Chelyabinsk and Zlatoust. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 409–413 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-409-413>, EDN: TPDITC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современной российской жизни религиозный фактор продолжает играть значимую роль, что притягивает к нему внимание со стороны общественности и научных кругов. Причина интереса кроется в одном из неотъемлемых свойств религии – быть непосредственной участницей значимых общественных событий, политических

перипетий и конфликтов. Другое ее свойство связано со стремлением к идеализации и формированию упорядоченного сакрального пространства. В новой России такой популярной социокультурной основой, претендующей в массовом сознании на роль культурного символа и критерия национальной самоидентификации стало

православие. Новый виток его популярности был закреплен законодательно – за православием признается особая роль в истории России, становлении и развитии духовности и культуры [1]. Наиболее же крупной и авторитетной современной православной конфессией является Русская Православная церковь [2, с. 139]. Отсюда и пристальный взгляд исследователей разных областей к деятельности церкви как организации, имеющей сложную структуру и взаимодействующей с обществом и государством на каждом из своих уровней. Одним из таких уровней является приход, объединяющий простых прихожан, жителей городов и сел многомиллионной страны.

Цель настоящего исследования – охарактеризовать деятельность городских православных приходов горнозаводского Южного Урала в документах двух крупных архивов Челябинской области в период революционных потрясений и первого десятилетия советской власти.

По мнению В. А. Матвиенко, именно этот период истории наиболее важен для осмысления взаимоотношения религии и политики в современной России. Здесь определялись основные социальные субъекты и персонажи, сферы и способы их деятельности, мотивация и методы [3, с. 72]. В нашем случае деятельность прихода так или иначе вмешивается в формирование религиозно-политических отношений, ибо мнение миллионов носителей традиционных религиозных ценностей является серьезным аргументом для государства при выборе методов и инструментов в решении своих задач.

Каноническое право отводит приходу особую роль как элементу организационной формы бытия церкви, который основывается на территориально-государственном конструировании [4, с. 214]. Одним из интереснейших и самобытных территориально-государственных образований, оформившихся в виде заводско-окружной системы в начале XVIII в. при освоении Урала и благополучно дожившим до начала XX в., является горнозаводской Урал [5, с. 210]. К городским православным приходам горнозаводского Южного Урала следует отнести приходы шести горных округов, определяемых географическими границами горной системы Южного Урала с сформировавшейся горно-заводской средой, включавших около 20 заводов и поселений при них [5, с. 241], которые сохранились к началу 1917 г.: Златоустовского, Белорецкого, Катав-Ивановского, Кыштымского, Сергинско-Уфалейского и Симского [6; 7, с. 271]. Населенные пункты при заводах, являвшихся центрами горных округов, а также получивших статус городов или поселков городского типа до начала исследуемого периода (а также в течение самого периода), это Златоуст, Миасс, Куса, Сатка, Кыштым, Карабаш, Верхний Уфалей, Сим, Миньяр, Аша, Катав-Ивановск, Юрюзань, Усть-Катав, Бакал [8,

с. 20–22], Белорецк [9]. Общее же количество православных приходов в этих населенных пунктах составляло 29 единиц.

К началу исследуемого периода населенные пункты относились к разным административно-территориальным единицам: Уфимской губернии (Златоустовскому и Уфимскому уездам), Оренбургской губернии (Троицкому уезду), Пермской губернии (Екатеринбургскому уезду). В церковно-административном отношении приходы подчинялись Уфимской, Оренбургской и Екатеринбургской духовным консисториям. К концу исследуемого периода в процессе формирования административно-территориальных границ РСФСР на Южном Урале они вошли в состав Уральской области и Башкирской АССР (г. Белорецк). В церковно-административном отношении относились к Уфимской, Златоустовской, Екатеринбургской, Оренбургской, Челябинской епархиям (в том числе обновленческого и григорианского толка).

Наиболее информативными историческими источниками, позволяющими оценить деятельность приходов, являются письменные. К ним относятся: делопроизводственная документация, в том числе архивно-следственные дела, периодическая печать, материалы статистики.

Первый вид письменных источников включает в себя неопубликованную делопроизводственную документацию, содержащуюся в фондах двух крупных архивов Челябинской области: регионального – Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) и местного – Архива Златоустовского городского округа (Архив ЗГО).

Данные архивы представлены группами документов: периода Великой Российской революции, Гражданской войны, а также послевоенного периода восстановления экономики (нэпа). Документы имеют несколько особенностей. Во-первых, местом их происхождения являлись как церковные, так и светские структуры. Во-вторых, в документах, наряду с демографическими показателями, отражались политические процессы в приходской жизни. В-третьих, в условиях острого гражданского конфликта и при отсутствии стабильности в работе институтов власти, и как следствие – новой системы создания и формирования документов, старый способ делопроизводства в церковных структурах оставался актуальным вплоть до 1924 г.

В фондах ОГАЧО деятельность приходов в период Великой Российской революции и Гражданской войны отражена в фонде И-226. Это документы церковных структур: метрические книги, книги записей рождения и смерти тринадцати приходов двенадцати населенных пунктов: Юрюзанского [10], Катав-Ивановского [11], Верхне-Уфалейского [12], Аша-Балашовского [13], Симского [14], Миньярского [15],

Нижне-Кыштымского [16], Миасского [17], Саткинского [18], Усть-Катавского [19], Кусинского заводов [20] и Сак-Элгинского выселка (Карабашский завод) [21]. Всего 30 дел. Как правило, они содержат информацию о совершении православными горожанами таинств крещения и венчания, а также обряда проводов усопших, что позволяет проследить динамику социально-демографических показателей конкретных территорий. Данные документы позволяют установить персонифицированные сведения священнослужителей, связанные с периодом службы на приходе, ибо в условиях быстро меняющейся ситуации перемещение священников и диаконов происходили без записей в соответствующих документах или последние были утрачены. Все эти проявления религиозной жизни регистрировались как акты гражданского состояния до 1919 г.

Документы Архива ЗГО содержат информацию о деятельности одиннадцати приходов четырех населенных пунктов: Усть-Катавского, Юрюзанского, Миасского заводов и г. Златоуста. Все они хранятся в 8 фондах (Ф. И-41, И-44, И-45, И-48, И-50, И-53, И-59, И-61). Всего 22 дела. Если метрические книги первых трех населенных пунктов отчасти дублируют информацию, имеющуюся в фондах ОГАЧО, то в отношении деятельности пяти приходов г. Златоуста они уникальны. В частности, записи метрической книги Симеоновской церкви оставляют открытым вопрос об обстоятельствах смерти двух известных большевиков-подпольщиков Златоуста Ивана Теплоухова и Виктора Геппа [22, л. 139]. Кроме метрических книг, в фондах архива имеются в наличии книги брачных обысков и клировые ведомости. Первые позволяют не только выявлять и уточнять сведения генеалогического и обрядового характера, но и дают возможность установить внешне-протокольную сторону заключения брака: возраст, социальный статус, родственные отношения, место жительства и рождения брачующихся, наличие взаимного согласия и поручителей, а также количество совершенных браков. Таких книг всего две: Христорождественского прихода Усть-Катавского завода [23] и прихода Петро-Павловской церкви г. Златоуста [24]. Клировые ведомости (прихода Усть-Катавского завода и приходов 3-го округа Златоустовского уезда Уфимской губернии) содержат сведения о состоянии храмовых зданий и иной недвижимости, биографии духовенства и церковно- и священнослужителей, их доходы, а также статистические данные о приписанных к приходу горожан [25, 26].

Деятельность приходов послевоенного периода восстановления экономики (нэпа) в фондах ОГАЧО представлена в церковной документации: метрических книгах, книгах записей смертей, рождений и браков (Ф. И-226). Всего 6 дел.

Далее следует делопроизводственная документация региональных местных органов государственной власти Челябинской губернии (1919–1923 гг.) [27, с. 578–580] и Уральской области в отношении религиозных групп верующих, составляющих православные приходские общины Златоуста, Миасса, Кыштыма. К этой категории относятся: протоколы изъятия церковных ценностей [28], регистрационные анкеты духовенства [29, 30], циркуляры Народного комиссариата внутренних дел РСФСР по вопросу отделения церкви от государства [31], приказы губернского исполнительного комитета об отношении к духовенству [32], план антирелигиозной кампании на 1925 г. [33], описи имущества церквей [34], уставы религиозных общин, протоколы и списки верующих [35, 36]. Документы находятся в фондах Р-138, Р-172, Р-401, Р-526.

В фондах И-44, И-46, И-48 Архива ЗГО лишь небольшое количество церковных документов отражают деятельность трех приходов города Златоуста: Петро-Павловской, Симеоновской церквей и Свято-Троицкого собора. Это метрические книги [37, 38] и брачный обыск [39]. Отдельно необходимо выделить послужные списки городского православного духовенства (Ф. И-56), раскрывающие биографические сведения священнослужителей как находящихся в городе на момент установления советской власти, так и вернувшихся из Сибири, куда вынужденно эвакуировались вместе с отступающими белогвардейскими войсками [40]. Группа светских документов представлена документами Административного отдела Златоустовского окружного исполнительного комитета (Ф. Р-69) и Златоустовского уездного исполнительного комитета (Ф. Р-38). Хронологические рамки документов первого фонда охватывают период с 1924 по 1928 г. Это протоколы общих собраний верующих [41], списки церквей, верующих и священнослужителей [42], отчеты о деятельности общин и описи их имущества [43], разрешения на сбор пожертвований и организацию собраний [44], а также различная деловая переписка [45]. Хронологические рамки документов фонда Р-38 охватывают период с 1920 по 1922 г. и касаются четырех приходов Златоуста (Свято-Троицкий собор, Трёх-Святительская, Петро-Павловская, Симеоновская церкви) и двух приходов уезда – Христорождественских церквей Юрюзанского и Кусинского заводов. Это протоколы собрания верующих и описи имущества [46, 47].

Документы из группы архивно-следственных дел находятся в фондах ОГАЧО. Они содержат информацию об арестованных в 1930-е гг. священнослужителях и членах их семей: протоиерея Аркадия Васильевича Петрова, протоиерея Никанора Михайловича Юновидова и Петра Михайловича Минервина. Документы позволяют

восстановить некоторые биографические данные и детали из жизни этих людей [48].

К периодической печати исследуемого периода можно отнести газеты, хранящиеся в Архиве ЗГО: «Златоустовский вестник», «Утро Приуралья», «Пролетарская мысль» [49]. Первые две газеты издавались с июня по октябрь 1918 г. Они отражали настроение православного населения города и уезда, события приходской жизни периода чехословацкого и белогвардейского режимов, например, реакцию златоустовского духовенства на гибель иеромонаха единоверческого монастыря Алипия, служившего в Ильинской церкви с. Куваши недалеко от Златоуста [49, л. 2]. Вторая газета являлась рупором уездной власти, в том числе и в отношении верующего населения. В качестве примера можно привести статью «Под маской религии – жулики и враги рабочего класса. Тёмные дела церковников» [49, л. 253]. Периодические издания «Уральский рабочий» [49] и «Известия Уральского областного Совета рабочих и крестьянских депутатов» [49] предоставляют информацию с более широкой географической перспективой.

Материалы статистических источников представлены практически всеми вышеупомянутыми документами, как светскими, так и церковными, содержащими числовые данные. Подведение итогов требует применения методов обработки и анализа статистической информации и математических вычислений. Подобная характеристика также применима к данным о финансовом состоянии приходов. В период революции и Гражданской войны, благодаря ведению клировых ведомостей, эта сфера была относительно прозрачна, по крайней мере, в отношении денежного содержания духовенства. Однако в советский период для получения ясной картины требуется применение большего количества расчетов, что значительно затрудняет работу с информацией.

Таким образом, деятельность городских православных приходов горнозаводского Южного Урала между 1917 и 1928 гг. достаточно информативно и разнообразно отображена в письменных источниках эпохи. Основные виды письменных источников, такие как делопроизводственная документация, включая архивно-следственные дела, периодические издания и статистические материалы, находятся преимущественно в двух архивах: Объединенном государственном архиве Челябинской области и Архиве Златоустовского городского округа. Наиболее значимая из них группа – делопроизводственная документация. В ней подробно описывается период 1917–1919 гг. и деятельность 14 из 16 указанных населенных пунктов, исключая Бакал и Белорецк. В основном это документы церковных организаций. Период 1920–1928 гг. более подробно описан в документах советской власти, отражающих деятельность православных приходов

в Златоусте, Миассе, Кыштыме, Миньяре, Юрюзани и Кусе. Материалы статистических источников требуют применения методов обработки и анализа статистической информации и математических расчетов. Периодическая печать представлена рядом региональных и местных газет, позволяющих оценить некоторые аспекты жизни приходов с 1918 по 1928 гг. Для получения объективной информации о приходах в Белорецке, Верхнем Уфалее и Кыштыме следует обратиться к фондам Национального архива Республики Башкортостан и Государственного архива Свердловской области.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. Федерального закона от 2 ноября 2023 г. № 526-ФЗ). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523/page/1> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Исаев А. В. Роль и место Русской Православной Церкви в развитии государства: история и современность // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1. С. 138–148.
3. Матвиенко В. А. Государственно-конфессиональная политика в современной России: приоритеты, особенности, тенденции : дис... канд. полит. наук. Орел, 2006. 194 с.
4. Шведов О. В. Энциклопедия церковного хозяйства. М. : Ковчег, 2003. 731 с.
5. Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М. ; Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1965. 400 с.
6. Горные округа, горнозаводские округа. Челябинская область. URL: http://chel-portal.ru/enc/gornye_okruga. (дата обращения: 11.04.2023).
7. Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск : Уральская академия государственной службы, Челябинский институт (филиал), 2008. 372 с.
8. Справочник административно-территориального деления Челябинской области: по состоянию на 1 июня 1997 г. / подгот. Ю. К. Дерягин. Челябинск : Челябинский Дом печати, 1997. 224 с.
9. Города России. Энциклопедия / под ред. Г. М. Лаппо. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. 559 с.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. И-226 (Коллекция документов религиозных учреждений). Оп. 7. Д. 119.
11. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 7. Д. 122.
12. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 12. Д. 43.
13. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 23. Д. 76.
14. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 23. Д. 84.
15. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 23. Д. 78.
16. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 26. Д. 71.
17. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 27. Д. 85.
18. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 28. Д. 89.
19. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 29. Д. 65.
20. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 32. Д. 39.
21. ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 6. Д. 60.

22. Архив Златоустовского городского округа (далее – Архив ЗГО). Ф. И-46 (Причт Симеоновской церкви г. Златоуста). Оп. 1. Д. 23.
23. Архив ЗГО. Ф. И-50 (Причт Христорождественской церкви Усть-Катавского завода). Оп. 1. Д. 20.
24. Архив ЗГО. Ф. И-44 (Причт Петро-Павловской церкви г. Златоуста). Оп.1. Д. 41.
25. Архив ЗГО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 40.
26. Архив ЗГО. Ф. И-59 (Благочинный 3-го округа Златоустовского уезда Уфимской губернии). Оп.1. Д. 79.
27. Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории : сборник документов / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск : Объединенный государственный архив Челябинской области, 2019. 647 с.
28. ОГАЧО. Ф. Р-138 (Челябинский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов; г. Челябинск Челябинской губернии (1920–1923)). Оп. 1. Д. 53.
29. ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 70.
30. ОГАЧО. Ф. Р-172 (Челябинский гороездный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (уисполком); г. Челябинск Челябинской губернии (1919–1923)). Оп. 1. Д. 85.
31. ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 74.
32. ОГАЧО. Ф. Р-401 (Челябинский губернский отдел Государственного политического управления при НКВД РСФСР; г. Челябинск Челябинской губернии (1919–1923)). Оп. 1. Д. 15.
33. ОГАЧО. Ф. Р-526 (Кыштымский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет; г. Кыштым Кыштымского района Челябинской области (1924–1931, 1934–1948)). Оп. 1. Д. 165.
34. ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 645.
35. ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 681.
36. ОГАЧО. Ф. Р-526. Оп.1. Д. 58А.
37. Архив ЗГО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 23.
38. Архив ЗГО. Ф. И-48 (Причт Свято-Троицкого собора г. Златоуста). Оп. 2. Д. 52.
39. Архив ЗГО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 44.
40. Архив ЗГО. Ф. И-56 (Благочинный 1-го округа Златоустовского уезда Уфимской губернии). Оп. 1. Д. 44.
41. Архив ЗГО. Ф. Р-69 (Административный отдел Златоустовского окружного исполнительного комитета). Оп. 1. Д. 9.
42. Архив ЗГО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 18.
43. Архив ЗГО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 12.
44. Архив ЗГО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 67.
45. Архив ЗГО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 58.
46. Архив ЗГО Ф. Р-38 (Златоустовский уездный исполнительный комитет 1918–1926 гг.). Оп. 1. Д. 127.
47. Архив ЗГО Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 128.
48. ОГАЧО. Ф. Р-467 (Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Челябинской области; г. Челябинск Челябинской области (1934-по н. в.)). Оп. 3. Д. 6792.
49. Архив ЗГО. Ф. Р-256 (Фонд газеты «Златоустовский рабочий»). Оп. 3. Д. 1.

Поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024;
принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024;
accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 414–421
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 414–421
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-414-421>, EDN: WEFCUG

Научная статья
УДК 323.11(470.44) | 1920/1926|

Эволюция национального состава Саратовской губернии в первой половине 1920-х годов

А. Н. Аверьянова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аверьянова Анна Николаевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Averannna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3451-8145>, AuthorID: 1192101

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в национальном составе Саратовской губернии в первой половине 1920-х гг. по материалам Всероссийской переписи 1920 г., Всесоюзной городской переписи 1923 г. и первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. Изучаются факторы, влиявшие на эволюцию национальной структуры региона. Формулируется вывод о сформированности в основных чертах этнической карты Саратовского края. Выдвигается положение о разработке и проведении первых переписей как о «золотом» периоде советской статистики, оказывавшей огромное воздействие на политику модернизации страны.

Ключевые слова: перепись населения, Саратовская губерния, этнос, национальность, язык, национальная структура, автономия

Для цитирования: Аверьянова А. Н. Эволюция национального состава Саратовской губернии в первой половине 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 414–421. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-414-421>, EDN: WEFCUG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of the national composition of Saratov province in the first half of the 1920s

A. N. Averyanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna N. Averyanova, Averannna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3451-8145>, AuthorID: 1192101

Abstract. The article examines the changes in the national composition of Saratov province in the first half of the 1920s based on the materials of the All-Russian Census of 1920, the All-Union Urban Census of 1923 and the first All-Union Population Census of 1926. The factors influencing the evolution of the national structure of the region are being studied. The conclusion is made about the formation in the main features of the ethnic map of the Saratov region. The position is put forward on the development and conduct of the first censuses as the “golden” period of Soviet statistics, which had a huge impact on the country's modernization policy.

Keywords: population census, Saratov province, ethnos, nationality, language, national structure, autonomy

For citation: Averyanova A. N. The evolution of the national composition of Saratov province in the first half of the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 414–421 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-414-421>, EDN: WEFCUG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первая мировая война и Великая Российская революция привели народное хозяйство страны в плачевное состояние. Распад Российской империи и создание на бывшей ее территории новых государств, массовые и беспорядочные миграционные процессы, повальные эпидемии и болезни делали невозможным выявление хотя бы общих тенденций движения и воспроизводства населения в ходе политических, социальных и экономических катаклизмов Гражданской войны. После установления Советской власти на основной

территории России перед большевиками встала задача восстановления разрушенной экономики и построения государства на новых, продекларированных ими, социалистических принципах. Чтобы все это осуществить, требовалось четкое представление о наличных и утраченных людских и материальных ресурсах. Получить эти сведения можно было исключительно с помощью статистики и прежде всего переписей.

Однако дело осложнялось разрушением имперских статистических органов и медлительно-

стью создания советской статистической системы. Кроме всего прочего, шли постоянные, причем радикальные, изменения административно-территориальных границ. Советское государство не могло воспользоваться данными Первой Всероссийской переписи 1897 г. и Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., поскольку огромные демографические сдвиги сделали эти данные бесполезными с практической точки зрения. Указанные переписи обладали рядом недостатков: в них были пропуски и по территориям, и по отдельным категориям населения (мобилизованные, военнопленные), а крестьяне зачастую уклонялись от опросов из-за предположений о «фискальной» предназначенности переписей. К тому же предметом сельскохозяйственных переписей служил крестьянский двор, а не сельское население в целом [1, с. 126].

Советская власть значимость статистики осознала и пыталась наладить статистический учет. Свидетельством настоящей заинтересованности и потребности Советской власти в регулярном сборе, фиксации и анализе статистической информации с целью понимания происходящих в стране изменений и принятия на их основе управленческих решений стало учреждение в 1918 г. Центрального статистического управления (ЦСУ) [2, с. 1] и губернских статистических бюро (губстатбюро) на местах [3, с. 1]. Заведующих губстатбюро обязали регулярно присутствовать на заседаниях губисполкомов с целью постоянного предоставления статистических данных по самым разным вопросам [4, л. 13].

22 апреля 1920 г. Совнаркомом РСФСР был издан Декрет о производстве переписи. В условиях нехватки кадров и средств было решено совместить демографическую перепись с сельскохозяйственной и учетом промышленных предприятий. Недостаток опыта и поспешность в подготовке и проведении переписи «компенсировались» «революционной дисциплиной и ответственностью»: за любую промашку «статоргана» предписывалось предавать провинившихся суду ревтрибунала [5, с. 140].

В первой советской переписи в качестве основной формы опроса использовались личный листок, квартирная карта и подворная ведомость. Опросная анкета первой переписи включала 18 параметров, в их числе: пол, возраст, национальность, родной язык, гражданство, место рождения, источник средств существования, физические недостатки, психическое здоровье, участие в войнах. В п. 4 личного листка присутствовали вопросы: «а) К какой национальности себя относит; б) Родной язык» [6, с. 6].

Всероссийская перепись 1920 г. «охватила 71 губернию Европейской и Азиатской России». Уже через несколько месяцев отдел демографии ЦСУ опубликовал предварительные итоги подсчета населения в 58 губерниях, как указывал за-

ведующий отделом В. Г. Михайловский, «не без некоторых пробелов». К этому времени не удалось получить сведения «по 7 губерниям Украины, 5 областям Туркестана и из Уральской губернии». Общее число жителей 58 губерний (43 губернии Европейской России, Северный Кавказ, «Сибирь до Байкала», Киргизский край, две губернии «Северной Украины» – Харьковская и Черниговская) оценивалось в 90749635 человек. В. Г. Михайловский указывал, что к началу «империалистической войны» население «тех же» 58 губерний «определялось в 102793424 человека» и оценивал убыль населения за 1914–1920 гг. в «12043789 или 11,7%» [7, с. 3]. Население Саратовской области по результатам предварительных подсчетов оценивалось в 3063422 чел. (2628867 – проживало в сельской местности, 434 555 – в городах) [7, с. 7]. Результаты переписи по сути первого источника информации о составе населения послереволюционной России публиковались вплоть до 1928 г. В конечном итоге, численность населения страны на 28 августа 1920 г. (с доисчислением по территориям, не охваченным переписью) будет оценена в 136,8 млн чел. (доля горожан составила 15% всех жителей страны – 20,9 млн) [7, с. 7]. Интересно, что в завершающей публикации итогов переписи 1920 г. указано количество участников империалистической и гражданской войн по региону страны (в Саратовской губернии были учтены 182506 ветеранов империалистической и 65563 – гражданской войн) [8, с. 176–177].

Сложности при обработке результатов переписей 1920 г., длившейся 8 лет параллельно подсчетам итогов переписей 1923 и 1926 гг., осложненной тяжелой социально-экономической ситуацией и продолжающимися масштабными миграционными и демографическими изменениями, привели к неоднозначной фиксации количественных параметров данных, полученных в ходе опроса населения в 1920 г. Так, по предварительным результатам переписи, подготовленным ЦСУ в 1921 г., число жителей «Саратова с дачными участками» оценивалось в 190193 чел. [9, с. 20], а в осуществленной Саратовским Губстатбюро публикации сравнительных характеристик численности населения городов Саратовской губернии в 1920 и 1923 гг. – на 1803 чел. больше (191 996) [9, с. 6].

После грандиозных катаклизмов предшествующих лет население Саратова существенно сократилось – с 1915 г. на 50 тыс. чел. Результаты переписи подчеркивали трагичность событий революции и Гражданской войны для губернского центра, тем более, что до Первой мировой войны сформировалась устойчивая тенденция прироста населения (в предшествующее войне десятилетие рост составлял 378,9%) [10, л. 87]. Общее количество городского населения в Саратовской губернии по переписи 1920 г. составило 381347 чел. [10, л. 87].

Великороссы в городах Саратовской губернии доминировали – 343003 чел., что составляло 90,0%. Малороссы находились на шестом месте по численности (3090 чел.) и составляли 0,8% горожан губернии, белоруссы входили в десятку наиболее многочисленных этносов, проживавших в городах губернии – 1068 чел. (0,3%). Доля славянского компонента в составе городского населения, таким образом, составляла 91,03%. Вторым по численности этносом в городах Саратовской губернии в 1920 г. стали евреи – 13132 чел. (3,4%) [9, с. 12–13]. Известно, что в годы Первой мировой войны Саратов стал убежищем для многих еврейских беженцев из западных губерний Российской империи, в городе в 1920 г. работали три еврейские школы, детский сад, детский дом, две библиотеки, драматический кружок, клуб имени Леккерта, еврейская богадельня.

Следует отметить, что к концу 1916 г. в Саратовской губернии было размещено до 142064 чел., бежавших от войны из западных регионов страны. По данным В. П. Семьянинова, «к осени 1917 г. в губернии оказалось 20 тыс. поляков, 6 тыс. евреев и тысячи латышей», а «из Киева прибыли около 10 тыс. преподавателей и студентов разных национальностей» [11, с. 135]. В составе созданного в августе 1915 г. в Саратове городского комитета попечения о беженцах, действовали Польский комитет помощи беженцам, а также отделение Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны, местный отдел Литовского общества помощи пострадавшим от войны, Латышский комитет помощи жертвам войн и др. [12, с. 38]. Поток беженцев удалось стабилизировать лишь в начале 1916 г., к весне 1918 г. значительная их часть покинула территорию губернии, однако перепись 1920 г. зафиксировала еще некоторое их количество. Так, существенную долю в составе населения городов Саратовской губернии продолжали составлять поляки – 1,05% (3994 чел.), оставались еще латыши (961 чел. – 0,3%) и литовцы (878 чел. – 0,2%) [9, с. 12–13]. Процесс возвращения беженцев завершился лишь в 1924 г. [12, с. 46]. Исследователи не фиксируют каких-либо межэтнических столкновений с участием беженцев: «Лишь в отдельных местах, например, в с. Багаевка Саратовского уезда, население высказывало претензии к поведению цыган» [11, с. 131]. Наличие проживавших в городах Саратовской губернии цыган (75 чел. по переписи 1920 г.) [9, с. 12–13] свидетельствует о том, что каких-либо последствий эти претензии не имели.

Третьим по количеству этносом в городах губернии, по данным переписи 1920 г., стали немцы – 8396 чел. (2,2%) [9, с. 12–13]. В годы войны, помимо военнопленных, на территорию губернии выслались и немцы-колонисты с мест боевых действий. Так, с территории Польши к середине 1916 г. в губернию прибыло 6,7 тыс. чел.,

общее же количество немцев из западных регионов, размещенных в Саратовской губернии, к этому времени составило примерно 20 тыс. чел. [12, с. 46].

Поволжские немцы, по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., составлявшие 6,92% населения губернии, в 1920 г. учитывались отдельно. Декретом СНК РСФСР от 19 октября 1918 г. из части территорий Саратовской и Самарской губерний была создана первая в РСФСР автономная область немцев Поволжья, поначалу носившая наименование «Трудовая коммуна немцев Поволжья» [13, с. 52]. В состав немецкой автономии вошли три уезда. Баронский и Ровненский уезды были сформированы из бывших немецких волостей Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии, а Голо-Карамышский – из бывших немецких волостей Камышинского и Аткарского уездов Саратовской губернии [14, с. 38]. Следует также указать, что в 1919 г. Царицынский уезд отошел во вновь образованную Царицынскую губернию [10, л. 9].

Население Автономной области немцев Поволжья по переписи 1920 г. насчитывало 452629 чел., из которых 442362 чел. (97,73%) – немцы. Русских в автономии проживало немного – 7992 чел., но они являлись вторым по численности этносом немецкой области – 1,77%. Казахов (в переписи они обозначены этнонимом «киргизы») насчитывалось 756 чел. (0,17%), татар – 494 (0,11), малороссов – 271 (0,06), поляков – 175 (0,04), евреев – 147 чел. (0,03%). Также в области проживали несколько десятков литовцев, белоруссов, латышей, эстов (эстонцев), армян [16, с. 32].

Стремительные изменения, охватившие все сферы жизни населения в начале 1920-х гг., привели к быстрой потере актуальности полученных материалов. Ряд советских демографов и историков фиксируют поспешность при проведении переписи 1920 г., однако соглашаются с тем, что в случае ее перенесения на более поздний срок, данные о влиянии негативных процессов начала XX в. на демографическую сферу населения России оказались бы навсегда потерянными [1, с. 146].

Главным фактором, повлиявшим на демографическую ситуацию в Саратовском крае после переписи 1920 г., стал развернувшийся с весны 1921 г. в Поволжье массовый голод. Современники этого страшного события констатировали: «Жестоким испытанием в истории нашего города был период небывалого голода, оставшийся кошмаром и воспоминанием для Поволжья «Черная година» (1920–21 гг.). Убыль населения, несмотря даже на стихийно осаждавшие город толпы голодающих – все продолжалась; тиф косил свою страшную жатву» [10, л. 88]. Всего в Поволжье голод унес более 5 млн человеческих жизней [17, с. 37]. Не лучшим для Саратовского края был и 1922 г.: «редкий урожай», хозяйство

и транспорт, «до основания разрушенные семью годами империалистической и гражданской войны с ее заключительным аккордом – голодом до пределов людоедства» [10, л. 88].

Страшный голод 1921 г., окончание Гражданской войны, образование СССР и начавшийся переход к нэпу привели руководство страны к осознанию необходимости проведения еще одной переписи населения. Соответствующее постановление Совнаркома РСФСР было принято 16 декабря 1922 г., накануне заключения Договора об образовании Союза ССР, а сама Всесоюзная городская перепись населения и промышленная перепись были осуществлены 15 марта 1923 г. Перепись проводилась на всей территории только что образованного СССР. Список населенных пунктов, в которых осуществлялся статистический учет, был утвержден ЦСУ, в него вошли: города, поселения и «населенные места, жители которых занимались преимущественно не сельским хозяйством, а торговлей и промышленностью, если по переписи 1920 г. они имели не менее 2000 жителей» [18, с. 16–17]. Инструментарий переписи состоял из трех формуляров: личного листка, семейной карты и квартирной карты. Личный листок был несколько сокращен, по сравнению с переписью 1920 г. Помимо традиционных вопросов о поле, возрасте, национальности опрашиваемого, перепись содержала и указания на «главное и побочное занятие с указанием ремесла, промысла, должности или специальности», на «социальное положение и место работы»; «наличие и срок безработицы»; «является ли членом деревенского хозяйства и имеет ли связь с этим хозяйством» [18, с. 16–17]. В данной переписи, в отличие от переписи 1920 г., были отражены количественные данные по воинским частям [19, с. 7].

Материалы так называемой «городской» переписи 1923 г. пока не стали предметом специального исследования как во всероссийском масштабе, так и в региональной историографии. Зачастую это связывается «с переписью исключительно городского населения, а отсутствие данных о сельском населении делает ее результаты «неполными» [20, с. 3]. На наш взгляд, недостаточное внимание к переписи 1923 г. можно объяснить наличием «близкой по хронологии» всеобщей переписи СССР 1926 г., к результатам которой и обращаются исследователи более активно. Между тем материалы данной переписи позволили, к примеру, А. И. Репинецкому установить, что вся мелкая розничная торговля в Самарской губернии оказалась в руках нэпманской буржуазии [21, с. 135].

Перепись 1923 г. вновь констатировала убыль городского населения Саратовской губернии: всего за три года (с момента проведения переписи 1920 г.) – на 7% (на 27 тыс. чел.) В Саратове численность населения сократилась на 5,5 тыс. чел., т. е. примерно на 3%. В уездных

городах, кроме Кузнецка, ситуация была схожей, причем «уменьшение населения шло более интенсивно по сравнению с Саратовом» [9, с. 7]. Сокращение численности сотрудники Саратовского Губстатбюро (подсчеты производились под руководством заведующего отделом разработки демографическо-профессиональных переписей В. К. Новинского) справедливо объяснили «общим правилом»: «больше всего пострадали те города, которые острее чувствовали голод, уезды которых больше пострадали от неурожая». Исключение составил Новоузенск, «между тем, как Новоузенский уезд пострадал от неурожая больше, чем другие уезды губернии». Статистики объясняли это следующим образом: во время голода в Новоузенске «тяга в город» «сказалась значительно ярче», что заставило «многих сельских жителей в поисках хлеба и работы переселиться в город». В качестве доказательства была привлечена статистика «по национальному составу Новоузенска»: «В 1923 г. сильно увеличилось как раз число представителей тех национальностей, которые преимущественно живут в сельской местности» [9, с. 7].

В 1923 г. в Саратове проживали 186508 чел., немногим меньше во всех остальных городах губернии – 167836 чел. «За основание» подсчетов национального состава городов губернии был принят «родной язык». Преобладали в составе населения великороссы – 89,9% (319087 чел.), однако их доля в губернском центре (86,3%) была на почти на 8% меньше доли великороссов уездных городах (94,2%). Второй этнос городов Саратовской губернии по переписи 1920 г. (13 132 чел. – 3,4%) – евреи – «перемещаются» на третье место – 7961 чел. (2,2%). Сокращение численности евреев на 5171 чел. (39,4%), как и сокращение великороссов, статистики объяснили «фактором голода»: «Под влиянием голода, в поисках более обеспеченных мест ... евреи, великороссы ... покидают пределы Саратовской губернии». Под эту закономерность, по всей видимости, «подпадают» и белоруссы, доля которых сократилась на 33,7%, а численность – с 1068 чел. в 1920 г. до 708 чел. в 1923 г. [9, с. 12–13].

А увеличение доли немцев на 38% (на 3190 чел.), составивших по переписи 1923 г. 3,3% городского населения (11586 чел.); доли татар – на 37,5% (на 1523 чел.), достигших в 1923 г. численности в 5589 чел. (1,6%); доли мордвы – на 127% (на 404 чел.), численность которых в 1923 г. в городах Саратовской губернии составила 722 чел. (0,2%), а также увеличение доли малороссов до 1,2% в национальном составе городов губернии (их численность за межпереписной период увеличилась с 3090 до 3926 чел.) сотрудники Губстатбюро «обуславливали» также влиянием «фактора голода». Не исключая того, что часть немцев, татар, мордвы «голод заставил

покинуть насиженные места» и выехать «за пределы губернии», все же «превалирующим» для этих этносов процессом считался переезд «в города Саратовской губернии» [9, с. 12–13]. Та же тенденция просматривалась и в отношении казахов (их доля в городах увеличилась на 1556%, а численность выросла с 25 до 389 чел.); чувашей, доля которых выросла на 280,6%, численность – с 31 до 218 чел.; цыган – на 194,7% (численность – с 75 до 221 чел.) [9, с. 12–13].

Сокращение численности поляков в 1920–1923 гг. (с 3994 до 1745 чел. – на 56,3%), латышей (с 961 до 350 чел. – 63,6%), литовцев (с 878 до 181 чел. – на 79,4%) произошло, как отмечают саратовские статистики, потому что «прекращение войны дало возможность покинуть Саратовскую губернию» представителям тех национальностей, которые были сюда занесены войной и революцией» [9, с. 12–13].

Следует отметить, что в 1924 г. сельское хозяйство Саратовской губернии вновь было поражено засухой. Погибло более половины яровых и около 20% озимых посевов [22, с. 248]. Хотя по сравнению с 1921 г., когда от засухи и неурожая в России пострадало примерно 30 млн чел. крестьянского населения, масштабы засухи 1924 г. были менее катастрофичны – 7,8 млн чел. [23, с. 58–59]. Тем не менее в связи с продовольственным кризисом, вызванным очередным недородом, продолжился отток населения из Саратовской губернии. Всего в период с мая по ноябрь 1924 г. на выезд с территории региона было выдано 31684 удостоверения, причем разрешение выехать «целыми семьями» содержалось в 3305 удостоверениях, а разрешение «отдельным членам семьи» – в 28379 удостоверениях [24, л. 7]. Чаще всего покидали губернию жители Вольского, Камышинского, Аткарского, Балашовского и Петровского уездов. Уезжали на Кавказ, Кубань, в Ташкент, Сибирь, Астрахань, Закаспийский край, Украину и в центральные города страны. Заметной была миграция из уездов в губернский центр – Саратов [24, л. 7, 8, 8 а]. Фиксировались и многочисленные случаи выездов без каких-либо удостоверений. К примеру, в Новоузенском уезде 62 чел. выехали без документов [24, л. 4].

Успехи НЭПа, завершение восстановительных процессов, необходимость перехода к политике индустриализации и реконструкции промышленности на новой технологической базе, постепенное осознание большевистским руководством страны неизбежности строительства социализма «в одиночку» привели к необходимости проведения всеобщей переписи населения страны [25, с. 89]. Следует отметить, что перепись 1926 г. готовили высококвалифицированные статистики-демографы с дореволюционным стажем и блестящим образованием. Ведущую роль в подготовке сыграл Василий Григорьевич

Михайловский, который с 1918 г. руководил отделом демографической статистики ЦСУ РСФСР, имел опыт руководства 35 различными переписями населения, а также был известен научными работами, посвященными анализу российских переписей 1897 и 1920 гг., а также первой Всесоюзной переписи 1926 г. [26, с. 98–99]. После того, как за два месяца до начала первой Всесоюзной переписи Михайловский умер, общее руководство проведением переписи и публикацией ее итогов осуществлял Олимпий Аристархович Квиткин, обучавшийся в Сорбонне, изучавший опыт проведения переписей населения в Германии. После публикации материалов переписи 1926 г. он возглавлял Бюро переписи населения ЦСУ, с 1931 г. получившее новое название ЦУНХУ при Госплане СССР. Именно здесь была сосредоточена вся подготовка к проведению и второй Всесоюзной переписи населения. После объявления переписи 1937 г. «вредительской» О. А. Квиткин в числе ответственных за ее проведение был расстрелян [27, с. 192–224].

При проведении переписи 1926 г. в основном была сохранена преемственная связь с первой советской переписью 1920 г. и городской переписью 1923 г. Среди четырех опросных формуляров выделялся по-прежнему личный листок, являвшийся основным формуляром для установления численности и состава населения всего Союза ССР. Наиболее острые споры среди статистиков вызвали содержание и формулировки четвертого и пятого вопросов: о народности и родном языке. Как указывает Н. Я. Воробьев, «разногласия выражали стремление, во-первых, дать картину этнографического или племенного состава населения; во-вторых, отразить национальный состав населения в том виде, как он складывался в результате послереволюционного самоопределения национальностей» [11, с. 127]. В конечном счете ЦСУ утвердило формулировку «народность». По этому поводу В. Г. Михайловский писал: «Ныне (в отличие от переписи 1920 г. – А. А.) в личном листке вместо термина «национальность» употреблен термин «народность» именно с целью подчеркнуть, что здесь ожидается ответ на вопрос о племенном происхождении, т. е. о принадлежности к той или иной этнической группе населения» [28, с. 47]. В документах переписи 1926 г. «великороссы» стали именоваться «русскими», «малороссы» – «украинцами», «белороссы» – «белорусами».

В «Наставлении о том, как писать ответы на вопросы личного листка» по поводу вопроса о «народности», подчеркивалось, что перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, поэтому в ответах на 4-й вопрос не следует заменять народность религией, подданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Отсюда следовало, что регистрация народности должна

была основываться на самоопределении опрашиваемых. Представляет интерес замечание о том, что «в случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери». По поводу вопроса о родном языке в «Наставлении» отмечалось, что «родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит» [18, с. 28].

Учет населения и публикация итогов переписи были осуществлены в соответствии с проведенным для этого экономико-географическим районированием [17, с. 37]. Саратовская губерния в 1926 г., наряду с Астраханской и Сталинградской губерниями, Калмыцкая область, АССР Немцев Поволжья, была отнесена к Нижне-Волжскому району, и была по площади и количеству населения в этом регионе самой большой [29, л. 9]. В 1926 г. Саратовская губерния с площадью 90518 кв. км. состояла из 9 уездов, 8 из которых (Аткарский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Саратовский, Сердобский) располагались на правом берегу Волги, а один, Новоузенский уезд, находился на левом берегу. Ранее существовавший Хвалынский уезд был упразднен в 1923 г.

Накануне первой Всесоюзной переписи населения Саратовское Губстатбюро опубликовало данные по расселению этносов на территории губернии на 1 января 1926 г. Согласно приведенным саратовскими статистиками данным великороссы в Сердобском уезде составляли все его население, в Барановской волости Вольского уезда – 99%, в Аткарской волости Аткарского уезда и Саратовской волости Саратовского уезда – 98%, в Коломенской волости Аткарского уезда – 97%, в Аркадакской волости Балашовского уезда – 95%, в Петровской волости Петровского уезда – 91%, в Дергачевской волости Новоузенского уезда – 89%, в Анненковской волости Кузнецкого уезда – 87%, Верхне-Добринской волости Камышинского уезда – 82% [30, с. 32–35].

Малороссы доминировали в Самойловской волости Балашовского уезда – 85%. В Котовской волости Камышинского уезда малороссов было более двух третей – 69%, в Поповской волости Саратовского уезда – 39%, в Большой Копенской волости Аткарского уезда – 30%. На Левобережье малороссов было немного, лишь в Натальинской волости Новоузенского района они составляли почти четверть населения – 23%. В этой же волости фиксировалась значительная доля немецкого населения – 22%. Татары доминировали в Алтатинской волости Новоузенского уезда, в Старо-Кулаткинской волости Вольского уезда и Старо-Атлашинской волости Кузнецкого уезда – по 79%. Четверть татар и 60% мордвы было зафиксировано в составе населения Старо-Захаркинской волости Петровского уезда. Мордва была доминирующим этносом в Наскафтынской волости

Кузнецкого района – 84%. Чуваши компактно проживали в Неверкинской волости Кузнецкого уезда – 20%, в Вязовской волости Вольского уезда и Порзовской волости Петровского уезда – по 14% [30, с. 32–35].

17 декабря 1926 г., как и по всей стране, в Саратовской губернии и АССР НП была проведена первая Всесоюзная перепись населения, подведение ее итогов завершилось лишь в сентябре 1928 г. Тогда же и были обнародованы данные по национальному составу Саратовского края. Следует отметить, что, по сравнению с переписью 1897 г., национальный состав Саратовского Поволжья стал более разнообразным – количество населяющих его этносов увеличилось с 47% до 62% [31, с. 18]. В Саратовской губернии, по данным переписи, проживали 2897363 чел. [32, с. 454]. Самым многочисленным народом губернии являлись русские – 2345150 чел., что составляло 80,9%. Вторым по численности этносом губернии были украинцы – 202279 чел. (7,4%). В пятерку наиболее многочисленных народов вошли также мордва – 154874 чел. (5,3%), татары – 115313 чел. (4%) и немцы – 41214 чел. (1,4%). Менее 1% составляла доля чувашей – 0,6% (17153 чел.), евреев – 0,3% (7481 чел.), казахов – 0,2% (4876 чел.), белорусов – 0,11% (2137 чел.), поляков – 0,1% (2130 чел.) [31, с. 27].

Перепись 1926 г. в основном подтвердила ранее произведенные расчеты саратовских статистиков, в частности, факт этнического доминирования русских в Сердобском уезде – 325896 чел. (99%). Этническое большинство русских перепись зафиксировала в Вольском уезде – 349362 чел. (89,1%), в Аткарском – 248112 чел. (88,4%), Балашовском – 406658 чел. (82,9%), Новоузенском – 132630 чел. (80,38%), Саратовском – 314780 чел. (79,6%), Петровском – 232578 чел. (71,8%), Камышинском – 139836 чел. (69,6%), Кузнецком уезде – 175298 чел. (54,7%) [32, с. 528–529].

Доля украинцев наиболее значительной была в Камышинском уезде – 28,6% (57607 чел.). Компактное расселение украинцев фиксировалось в Балашовском уезде – 80072 чел. (16,3%), Аткарском – 30048 чел. (10,7%), Новоузенском – 13646 чел. (8,3%), Саратовском уезде – 17072 чел. (4,3%). Больше всего татар проживало в Кузнецком уезде – 64993 чел. (20,2%). Татары также жили в Вольском уезде – 21700 чел. (5,5%), в Петровском – 17227 чел. (5,3%), Новоузенском уезде – 7567 чел. (4,6%). В Саратовском уезде перепись фиксировала довольно большую группу представителей еврейского этноса – 6751 чел. (1,7%). Немецкое население в губернии концентрировалось в Саратовском уезде – 26334 чел. (6,7%), Новоузенском – 5234 чел. (3,2%), Камышинском уезде – 2946 чел. (1,5%) [32, с. 528–534].

Данные Всесоюзной переписи 1926 г. отразили увеличение мордовского населения в межпереписной период. Это объясняется более высо-

ким уровнем естественного прироста в районах преимущественного проживания мордвы в Саратовской губернии. Численность мордовского населения в Саратовской губернии составила 154 874 чел. В городской местности насчитывалось 1 451 чел., сельской – 153 423 чел. [32, с. 528–534].

Чуваши населяли преимущественно Петровский уезд – 2893 чел. (16,9%), Вольский уезд – 5082 чел. (29,6%) и Кузнецкий уезд – 9117 чел. (53,2%) [32, с. 528–534]. Общее число чувашского населения Саратовской губернии в 1926 г. составляло 17152 чел. [32, с. 528–534].

Территорию АССР немцев Поволжья, по данным переписи 1926 г., населяли 571400 чел., этническое большинство в республике составляли немцы – более 66% (379630 чел.). Большинство кантонов АССР НП можно отнести к мононациональным. Так, в Марксштадтском кантоне немцы составляли 99,4% (54917 чел.), Франкском – 99,4% (34331), Красноярском – 99,3% (21942 чел.), в Куккусском – 98,82% (22840 чел.), Мариентальском – 98,2% (26209 чел.), Каменском – 97,5% (54881 чел.). В некоторых кантонах немцы составляли этническое меньшинство. Так, в Старополтавском кантоне их насчитывалось 6708 чел. (33,07%), в Фёдоровском – 13063 чел. (30,1%), в Покровском – 1941 чел. (9,03%). В столице АССР НП Покровске немцев было всего 4133 чел., что составляло 12,03% населения города, в Красном Куте – 940 чел. (12,4%). Половину и более немцы составляли в следующих кантонах: Краснокутском – 23950 чел. (51,7%), Зельманском – 18014 чел. (53%), Палласовском – 18776 чел. (61,8%) [32, с. 538–539].

А вот Золотовский кантон был «русским», немцев здесь было всего 229 чел. (0,86%), 4,83% составляли украинцы (1272 чел.), остальные 24775 чел. (94,09%) – русские. Они же составляли 60% населения Красного Кута, 52,5% – г. Покровска, 45% населения Фёдоровского кантона, 37% – Зельманского кантона, 32% – Краснокутского кантона. Меньше 1% русские составляли в Куккусском кантоне – 0,9%, Франкском – 0,5%, Марксштадтском – 0,4%. Значительную долю населения кантонов АССР НП составляли украинцы. В Покровске их было 11454 чел. (33,3%), в Покровском кантоне украинцы доминировали – 17105 чел. (79,6%), в Старополтавском кантоне украинцы составляли 45%, в Палласовском – 27%, в Красном Куте – четверть населения, в Фёдоровском кантоне – 22% [32, с. 538–539].

Таким образом, перепись 1926 г. зафиксировала сложившуюся после революционных потрясений этническую карту региона. Вся последующая этноконфессиональная история Саратовского края будет представлена картиной радикальной трансформации национальной структуры в ходе депортации поволжских немцев и активного заселения постдепортационной территории

в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства, попыток восстановить близкую к 1920-м гг. национальную структуру края в годы перестройки, а также в процессе столь же масштабных ее изменений в ходе миграционных процессов, развернувшихся в России после распада СССР.

Несмотря на то, что вопросы проведения переписей и эволюции количественных и качественных изменений населения через динамику социально-демографических процессов получили развёрнутый научный анализ только на рубеже 1980–1990 гг., в работах В. М. Селунской [33] и В. Б. Жиромской [34], 20-е гг. XX в. можно назвать золотым временем отечественной статистики: за 8 лет было проведено сразу 4 переписи населения, в том числе – первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. Молодая власть осознавала, что без четкого и ясного представления о состоянии и тенденциях развития экономических, демографических, социальных процессов не удастся сформировать внутреннюю политику государства, а также определить стратегию модернизации страны. Без информации о социальной динамике, составе семьи, уровне и источнике доходов, грамотности, бытовых условиях жизни населения нельзя было разработать и реализовать новую социальную политику, без ясного представления о численности и размещении представителей различных этносов было невозможно проводить конструктивную национальную политику и выстраивать идеологию многонационального государства.

Список литературы

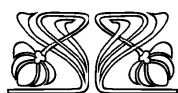
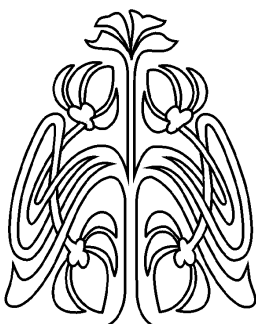
1. Нефедова М. В. Демографическая перепись 1920 г. как источник по истории сельского населения Западной Сибири // Демографическая история России и регионов : сборник научных трудов : в 2 вып. Вып. I : Проблемы источников / Институт истории Сибирского отделения РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт истории СО РАН / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск : Апельсин, 2016. С. 125–147.
2. Декрет Совета Народных Комиссаров О Государственной Статистике (Положение). 25 июля 1918 года // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 30 июля 1918 г. № 160.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров О Местных Статистических Учреждениях (Положение) // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 16 сентября 1918 г. № 200.
4. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521 (Саратовский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1928 (Губисполком). Оп. 1. Д. 2260.
5. Воблый В. К. Переписи населения (их история и организация). М. ; Л. : Госпланиздат, 1940. 160 с.

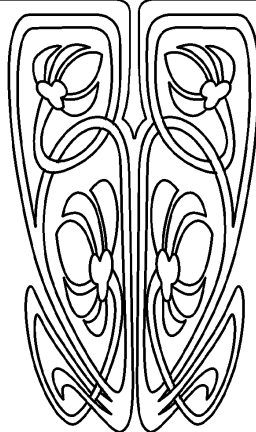
6. Труды Центрального Статистического управления : в 35 т. Т. 1, вып. 1 : Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской России (Серия 1, вып. 1 работ Отдела Демографии). М. : 14-я типография Моск. Сов. Нар. Хоз., 1921. 14 с.
7. Труды Центрального Статистического Управления : в 35 т. Т. 1, вып. 3 : Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М. : 14-я типография Моск. Сов. Нар. Хоз., 1921. 19 с.
8. Итоги переписи населения 1920 г. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1928. 188 с.
9. Население городов Саратовской губернии в 1923 г. / Сарат. губ. стат. бюро. Саратов : Тип. № 3 Полиграфпрома, 1924. 83 с.
10. ГАСО. Ф. 1279 (Коллекция краеведческих документов по истории Саратовской губернии, края, области). Оп. 1. Д. 78.
11. Семьянинов В. П. Саратовская губерния в годы мировой войны // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX–начале XX веков : межвузовский сборник статей / ред. П. С. Кабытов. Куйбышев : КГУ, 1986. С. 129–142.
12. Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов : Научная книга, 2007. 124 с.
13. Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 2000. 320 с.
14. Шпак А. А. Административно-территориальные преобразования в Неповолжье, 1764–1944 гг. Волгоград : Царицынская полиграфическая компания, 2012. 385 с.
15. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1-е января 1926 г. / РСФСР. Нар. комиссариат внутр. дел. Стат. бюро. М. : Изд-во Главного Управления Коммунального Хозяйства, 1926. 284 с.
16. Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923 гг. (За пять лет работы Ц. С. У.) : в 34 т. Т. 18 / ред. М. А. Красильников. М. : Б. и. (тип. М. К. Х.), 1924. 481 с.
17. Красная эпоха. 70-летняя история СССР / под ред. А. А. Красновского. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 208 с.
18. Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. 2-е изд. М. : Государственное статистическое издательство, 1957. 108 с.
19. Серебряков В. И. Итоги переписи городов и поселений городского типа Саратовской губернии 15 марта 1923 г. // Статистический сборник по Саратовской губернии 1923 г. Саратов : Тип. № 2 Полиграфпрома, 1923. 83 с.
20. Борщик Н. Д. Всероссийская городская перепись 1923 г. в Крыму (по материалам Государственного архива Республики Крым) // Научный вестник Крыма. № 2 / гл. ред. Д. В. Шевцов. Курск : АНО «Центр «Полилогос», 2022. С. 1–8.
21. Репинецкий А. И. Нэпманы – «новые русские» 1920-х гг. (по материалам Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6. С. 133–138.
22. Энциклопедия Саратовского края: в очерках, событиях, именах / ред. А. И. Аврус. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2002. 687 с.
23. Зима В. Ф. Продовольственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921–1925 гг. // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2019. № 3. С. 51–66.
24. ГАСО. Ф. Р-1 (Саратовский губернский статистический отдел). Оп. 1. Д. 323.
25. Елисева И. И., Дмитриев А. Л. История российской государственной статистики : 1811–2011. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.
26. Корнеев В. П. Видные деятели отечественной статистики. М. : Финансы и статистика, 1993. 198 с.
27. Пирожков С. И. Жизнь и творческая деятельность О. А. Квиткина // Демографические тетради : в 9 вып. Вып. 9. Киев : Институт экономики АН УССР, 1974. С. 192–224.
28. Михайловский В. Г. Всесоюзная перепись населения. М. : Издательство ЦСУ СССР, 1926. 444 с.
29. ГАСО. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 42.
30. Статистический ежегодник (справочник) на 1926 г. Саратов : Издательство Саратовского губернского статистического бюро, 1926. 497 с.
31. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / сост. Н. А. Араловец, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев. М. : Институт истории СССР, 1991. 238 с.
32. Всесоюзная перепись населения 1926 г. : в 10 т. Т. 3. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1928. 637 с.
33. Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М. : Политиздат, 1987. 288 с.
34. Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М. : Наука, 1996. 154 с.

Поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 09.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 09.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36018
Оформить подписку на печатную версию
можно в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)
Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2024.
Том 24, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

